

Международный научно-практический
правовой журнал
„ЗАКОН И ЖИЗНЬ”
Издание аккредитовано Высшим советом
по науке и технологическому развитию
АН Молдовы.
Решение №61 от 30.04.09
Категория «С»
ISSN 1810-3081

Учредитель: Министерство
юстиции Республики Молдова

Соучредители:

Конституционный суд, Высшая судебная палата, Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения, Институт истории, государства и права АН РМ, Академия МВД «Штефан чел Маре», Славянский университет, Кагульский госуниверситет Б.П. Хашдеу, Институт прикладной криминологии и уголовной политики, Балтийская Международная Академия, НИИ прав человека НАН Азербайджана, Запорожский национальный университет.

Издается с января 1991 г.
№ 12 (263) 2013 г.

Главный редактор
Л. АРСЕНЕ

Редакционная коллегия

Намик Гасан оглу Алиев, доктор хабилитат права, профессор (Баку), В. Бужор, доктор права, А. Буриан, доктор хабилитат права, М. Георгице, доктор хабилитат права, профессор, В. Гуцуляк, доктор права, профессор, Е. Ищенко, доктор юридических наук, профессор (Москва), И. Кайряк, доктор права, Н. Карпов, доктор юридических наук, профессор (Киев), Г. Костаки, доктор хабилитат права, профессор, Т. Коломоец, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Украины, (Запорожье), А. Лончаков, доктор юридических наук, профессор (Хабаровск), В. Наумов, зам. главного редактора, Б. Сосна, доктор права, и.о. профессора, В. Флоря, доктор права, Е. Харитонов, доктор юридических наук, профессор, член кор. НАПрН Украины, Заслуженный деятель науки и техники Украины (Одесса), В. Шепитько, доктор юридических наук, профессор, академик НАПрН Украины (Харьков).

Адрес редакции:
2012. Кишинев, ул. Пушкина, 22
Дом печати,
телефон для справок: mob. 067431761;
© Перепечатка материалов только с разрешения
издателя

E-mail: legea_zakon@mail.ru
web страницы: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Г. ФЕДОРОВ. Контрассигнация некоторых юридических актов.....	4
Н. ПОГОРЕЦКИЙ, М. ЛЕНКО. Криминалистические аспекты личности преступника, совершившего террористический акт с помощью самодельного взрывного устройства.....	8
С. ЧЕГОДАЕВА. Понятие отражения в криминалистике	12
Д. СЕРГЕЕВА. Понятие допустимости доказательства согласно нового Уголовного процессуального кодекса Украины.....	16
В. СЛИПЧЕНКО. Возможность применения временного доступа к вещам и документам как способ раскрытия охраняемой законом тайны	20
Н. СКРЫГОНЮК. Плебсологическое, как философско-правовая оценка массовых беспорядков эпохи феодализма в Украине.....	24
А. РОМАНЮК. Коллизии и пути их устранения в специальном законодательстве Украины об объектах культурного наследия (национальный и международный опыт).....	29
А. ГУСЕНЦОВ. Способ определения признаков рикошета пули путем сравнения характеристик входных огнестрельных повреждений, образовавшихся при выстреле из 9-мм пистолета Макарова.....	33
В. ЗВЕРХОВСКАЯ. Культурные ценности как объекты обязательственных правоотношений	40
Е. СЛИПЧЕНКО. К вопросу разграничения сервитута, эмфитевзиса и суперфиция	43
Г. ГЕТЬМАН. Моделирование личности неизвестного преступника при составлении субъективных портретов	46
V. KROYTOR. The Principle of Publicity in Roman Civil Procedure.....	49
V. CUȘNIR, A. DOGA. Premise istorice privind incriminarea reținerii sau arestării ilegale	52
Перечень публикаций в журнале «Закон и жизнь» за 2013 год	56

Компьютерный набор. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная
Усл. п.л. 11,75
Отпечатано SRL „Cetatea de Sus”,
г. Кишинэу

КОНТРАССИГНАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ

Г. ФЕДОРОВ,
доктор права, и.о. профессора кафедры Теории и истории права Молдавского государственного университета

SUMMARY

The published material represents the big theoretical and practical value for everyone who is interested in actual problems of the theory of the state and the right.

The stated ideas and reasons can be based legislative and activity that will promote protection of the rights and freedom of citizens, interests of the state, strengthening of legality and the law and order.

Публикуемый материал представляет большую теоретическую и практическую ценность для всех, кто интересуется актуальными проблемами государства и права.

Высказанные идеи и соображения могут быть положены в основу законотворческой и правоприменительной деятельности, что будет способствовать защите прав и свобод граждан, интересам государства, укреплению законности и правопорядка.

Постановка проблемы. В большинстве государств мира Основным законом, регулирующим наиболее важные и сложные общественные отношения, является Конституция. В тех странах, где подобного акта нет, эти отношения регулируются совокупностью актов конституционного уровня (например, в Англии, Израиле и др.).

На базе Конституции и в процессе её исполнения государственные органы (в отдельных случаях и общественные организации) и должностные лица издают бесчисленное множество других юридических актов (законов, указов, постановлений, регламентов, положений, инструкций, приказов и др.). Каждый юридический акт составляется, принимается и издаётся по определенным процедурным правилам, должен отвечать определенным требованиям, содержать определенные реквизиты, иметь определенную структуру, подписан соответствующими лицами. Несоблюдение этих требований приводит к признанию того или иного акта недействительным, не обладающим соответствующей юридической силой. Составление такого рода актов - это своеобразный вид юридического искусства, юридического творчества. Несомненно, что главными актами подобного рода являются акты, составляемые и принимаемые Парламентом, Главой государства и Правительством.

здесь просматривается конкурирование двух принципов формирования и функционирования государственной власти - суверенность и «безответственность» монарха, с одной стороны, и верховенство парламента и парламентской ответственности правительства - с другой. Суть проблемы заключалась в том, что личность короля не могла быть субъектом ответственности, но в качестве главы исполнительной власти монарх не мог оставаться вне парламентского контроля. Следовательно, контрасигнатуру принято было рассматривать как своеобразный правовой символ, свидетельствующий о переносе на членов Правительства ответственности за акты монарха (позже Президента в других странах). Такое же положение просматривается и в Бельгии. Например, ст. 88 Конституции Бельгии гласит: «Особа короля неприкосновенна; его министры ответственны». Аналогичное положение содержится и в Конституции Дании: «Король не несёт ответственности за свои действия; его личность неприкосновенна. Ответственность за правление несут министры; их ответственность определяется законом» (п. 13 ч. III).

В последующее время институт контрасигнации утвердился и в других европейских странах. Из 15 (пятнадцати) «старых» государств Европейского Союза лишь конституционные акты Швеции и Ирландии не предполагают контрасигнатуры. Этот институт восстановлен в ходе конституционных реформ и в странах Восточной Европы - ныне он предусмотрен Конституциями Польши, Чехии, Болгарии, Венгрии и в большинстве постсоветских государств.

Широкое распространение этого

Целью данной научной статьи являются анализ форм контрасигнатуры как в Республике Молдова, так и в ряде зарубежных стран.

Изложение основного материала. Среди этих процедурных правил особое место занимает так называемая **контрасигнация некоторых юридических актов**. Юридической практике наиболее известна контрасигнация актов Главы государства (Президента или монарха) и Правительства.

Контрасигнация (или контрасигнатура, или контрасигнация) - это порядок, при котором принятые Парламентом некоторые законы и одобренные главой государства или изданные самим главой государства, подлежат обязательному заверению подписью, Премьер-министра, а Постановления, принятые Правительством, подписываются также уполномоченным на то министром для придания им завершённой юри-

дической силы. Подобный порядок является не просто визированием издаваемых юридических актов, а процедурой, которая предусмотрена Конституциями ряда стран, приобретаая, таким образом, правовое значение. Подписи, поставленные этими лицами рядом с основной подписью, служат подтверждением возложения на этих лиц дополнительных **обязанностей по их исполнению**.

Впервые институт контрасигнации стал складываться в Великобритании в процессе формирования конституционной монархии в начале XVIII века. В частности, конституционное ограничение власти монарха, выразилось в учреждении двух правовых институтов: **цивильного листа**, утверждаемого Парламентом, и **контрасигнации** (скрепление второй подписью) всех властных решений и актов монарха Премьер-министром или компетентным министром. Таким образом,

института в современном конституционном праве, пожалуй, не соответствует тому правовому содержанию, которое традиционно приписывается контрасигнатуре. В самом деле, если рассматривать её лишь как юридическую форму возложения ответственности за акты главы государства на председателя или членов Правительства, то неэффективность этого механизма в условиях сформировавшихся **партийных систем** очевидна. «В наши дни, - пишет венгерский ученый Шайо А., - в эпоху партийной дисциплины, все разговоры об ответственности министров и их подотчетности представляют собой не более чем лишенный всякого риска миф» [1].

Следовательно, здесь речь идет об обыкновенной **конституционной фикции**, - о замещении несуществующей и невозможной ответственности главы государства, ответственностью должностного лица, осуществляющего полномочия исполнительной власти. При этом изначально оно несло персональную ответственность перед монархом, а позже - перед Парламентом или Правительством.

Фиктивность этого института заключается и в том, что Конституции современных государств не предусматривают **механизмов** какой-либо **специальной ответственности**, обусловленной ненадлежащим содержанием контрасигнованного акта. А в ряде случаев даже не предполагают персональной политической ответственности министров вообще (ст. 108 Конституции Испании). Характерно в этой связи содержание Федерального конституционного закона Австрии от 10 ноября 1920 года: Согласно ст. 67 все действия, на которые уполномочен Федеральный президент, осуществляются им **по предложению** либо Федерального правительства, либо Федерального министра. Для того, чтобы акты Президента были действительны, они должны быть контрасигнованы **теми же лицами**. **Ответственность** данных должностных лиц, или **политическая** (в результате выражения **вотума недоверия** Федеральному правительству в целом, или отдельным его членам (ч. I ст. 74 Конституционного закона), или **юридическая** (в случае виновного нарушения закона Федеральным министром) - возникает, таким образом, по иным основаниям.

Следовательно, действительное правовое содержание института

контрасигнатуры заключается не в переносе ответственности за акты главы государства на контрасигнующее должностное лицо, а в **разграничении (разделении) функций и полномочий исполнительной власти** [2].

Во-первых, в современных конституционно-правовых системах контрасигнатура существует в **условиях функционального дуализма исполнительной власти**, т.е. в тех парламентских и смешанных системах правления, в которых за главой государства сохранены некоторые функции и полномочия исполнительной власти. Если же в парламентской системе они уже изъяты из ведения монарха (главы государства), институт контрасигнатуры также исчезает. Убедительное свидетельство этого - развитие Конституционного права Швеции. Институт контрасигнатуры, возникший здесь в начале XIX в., был существенно изменен учреждением партийного правительства (на рубеже XIX-XX в.в.). Наконец, Конституция Швеции 1974 г. сохранила за монархом лишь функции представительства, и акты короны более не требуют второй подписи.

Во-вторых, контрасигнатура - это **процессуальная форма ограничения полномочий главы государства**. Неконтрасигнованный акт является недействительным (ст. 89 Конституции Италии; ст. 58 Конституции ФРГ), он не имеет силы и не приводится в исполнение (ст. 35 Конституции Греции); отсутствие контрасигнатуры «влечёт за собой юридическую ничтожность акта» (ч. II ст. 143 Конституции Португалии). На Главу государства может быть даже возложена обязанность по отмене акта. Так, согласно § 35 и 45 Конституции Финляндии, если решение Президента неконституционно, министр обязан отказаться от контрасигнатуры; если незаконно, - сообщить об этом Государственному Совету, который вправе (на основании заключения канцлера юстиции) предложить Президенту отменить или изменить решение, либо отказаться в его исполнении.

В-третьих, не контрасигнуются акты Главы государства, в которых реализуются: 1) «арбитражные» полномочия Главы государства, обусловленные конфликтом властей; 2) технические полномочия в части формирования Правительства, фактически определяемые волей Парламента. Так, не требуют вто-

рой подписи акты Федерального канцлера ФРГ (ст. 58 Конституции ФРГ), акты о роспуске Национального собрания, назначения и отставки Премьер-министра во Франции (ст. 19 Конституции Франции). Характерно, что контрасигнатуру актов второй группы в Испании (ст. 64 Конституции Испании) осуществляет председатель Конгресса (палаты общенационального представительства Генеральных кортесов). Следовательно, сфера контрасигнуемых полномочий это преимущественно **сфера исполнительных полномочий** главы государства.

В-четвертых, в смешанных формах правления (парламентско-президентских) объём контрасигнуемых актов и решений главы государства находится в **прямой зависимости от предоставленных Конституцией гарантий автономии Правительства**. Например, опыт конституционных реформ в Польше показывает, что перераспределение полномочий между Президентом и Главой правительства в такой республике влечёт изменение и в объеме контрасигнуемых полномочий главы государства. Перераспределение полномочий «в пользу» Правительства, укрепление конституционных гарантий независимости Правительства от Президента повлекли за собой увеличение количества контрасигнуемых актов главы государства [3].

Таким образом, **ранние формы контрасигнатуры имели не политический, а административный характер**. На эту особенность обращает наше внимание и А.Н. Медушевский: «В Германии, как и в Англии, и Бельгии, существовала система министерского правления. Монарх правил не самостоятельно; он был связан контрасигнатурой его решений ответственным министром. Однако, этот министр, определявший политику и несший за неё ответственность, не являлся выразителем воли парламентского большинства, а назначался самим монархом в качестве его советника и зависел исключительно от его доверия» [4].

Полагая, что историческое развитие этого института позволяет нам определить основной критерий, разграничивающий его **ранний (административный) и современный (политический) типы контрасигнатуры**; таким критерием является **характер ответственности** контрасигнующего должност-

ного лица. Следовательно, даже в тех случаях, когда объект контрасигнации - нормативные правовые акты правительств, скрепляемые подписями отраслевых министров, контрасигнатура может иметь как **административный**, так и **смешанный характер** - в зависимости от качества персональной ответственности министров. Контрасигнатура актов Главы государства может также иметь смешанный характер в тех случаях, когда Правительство несёт «двойную» ответственность (и перед Парламентом, и перед Президентом страны).

Политический тип контрасигнации актов главы государства присущ как для парламентских, так и для смешанных форм правления, однако её функциональный смысл в них различен. Если в парламентских системах разграничение полномочий исполнительной власти осуществляется по принципу «**и президент, и правительство**», то есть собственный объем полномочий представляет некую константу и реализуется каждым субъектом государственного управления **наряду** с полномочиями другого субъекта, то в смешанных (полупрезидентских) республиках действует формула: «**либо президент, либо правительство**». Полномочия в сфере исполнительной власти могут быть перераспределены между главой государства и главой правительства в зависимости от итогов парламентских выборов, в результате чего регулирование института контрасигнатуры в смешанных республиках оказывается **более вариантным**.

Во-первых, здесь возможно сочетание политического и административного типов контрасигнатуры. **Во-вторых**, перечень контрасигнуемых актов может быть определён как ограниченно **закрытый** (позитивное регулирование **контрасигнуемых актов**). В классических парламентских системах **круг контрасигнуемых актов**, как правило, **не ограничен**, либо определены только акты, не подлежащие контрасигнации, акты - исключения из общего правила контрасигнации (позитивное регулирование неконtrasигнуемых актов).

Поэтому наряду с административным и политическим типами контрасигнатуры целесообразно выделить формы **неограниченной и ограниченной контрасигнатуры**. **В-третьих**, в республиках со смешанной формой правления

возможна контрасигнатура актов не только Главы государства, но и Правительства, т.е. различные виды контрасигнатуры.

Ниже рассмотрим особенности контрасигнатуры в некоторых постсоветских государствах, ставших суверенными после развала Советского Союза, в которых наблюдается сочетание вышеназванных типов, видов и форм контрасигнации. Итак: **Латвия**. Здесь имеет место **политическая** неограниченная контрасигнатура актов главы государства. Обязанность контрасигнации лежит на Премьер-министре или уполномоченном (компетентном) министре (ст. 33 Конституции), контрасигнации подлежат все акты, за исключением акта о назначении состава Кабинета министров, решения о созыве и ведении чрезвычайного заседания Правительства (ст. ст. 46, 56). Предусмотрена как коллегиальная ответственность Правительства, так и персональная ответственность министров перед Сеймом (ст. 59 Конституции Латвии) [5].

Литва - здесь **функционирует политическая ограниченная контрасигнатура актов главы государства, смешанная -неограниченная контрасигнация актов Правительства**. Обязанность контрасигнации актов главы государства лежит на Премьер-министре или компетентном министре (ст. 85); контрасигнации подлежат Указы Президента, обеспечивающие реализацию четырех (из 24) полномочий, предусмотренных ст. 84 Конституции Литвы: приём в гражданство, введение чрезвычайного положения, присвоение высших воинских званий и дипломатических рангов, назначение и отзыв дипломатических представителей, приём верительных и отзывных грамот.

Правительство несёт солидарную ответственность перед Сеймом, а министры - перед Сеймом, Президентом Республики непосредственно перед Премьер-министром (ст. 96 Конституции). Однако, отставка Премьер-министра возможна как по инициативе Премьер-министра, так и по инициативе Сейма (п. 6, 7 и 9 ст. 84; ст. 101 Конституции). Следовательно, ответственность перед Президентом имеет характер морального принципа. Постановления Правительства в соответствии с требованиями ст. 95 подписываются не только Премьер-министром, но и отраслевым министром [6].

Эстония - тут **просматрива-**

ется смешанная неограниченная контрасигнатура актов Правительства. Постановления Правительства Эстонии скрепляются подписями Премьер-министра, компетентного министра и Государственного секретаря, назначаемого и освобождаемого от должности Премьер-министром единолично (§ 95 и § 97 Конституции Эстонии). Государственный секретарь приравнивается по статусу к министру и имеет право голоса на заседаниях правительства, но не несёт персональной ответственности перед Государственным Собранием; также без инвеституры Парламента могут быть назначены министры без портфеля (Президентом Республики по представлению Премьер-министра); однако все министры политически ответственны перед Парламентом [7].

Армения - здесь **установлена административная ограниченная контрасигнатура актов Правительства**. Постановления Правительства не во всех, а лишь в предусмотренных Регламентом случаях, подписываются профильным министром, ответственным за их осуществление (ст. 87 Конституции Армении); персональную ответственность члены правительства перед Парламентом не несут [8].

Украина - тут **утверждена смешанная ограниченная контрасигнатура актов главы государства**. Здесь акты главы государства (Президента) контрасигнируют как Премьер-министр, так и «отраслевой» министр, «ответственный за акт и его исполнение (ст. 106 Конституции Украины). Перечень контрасигнуемых полномочий Президента в Украине значителен, - чуть менее половины всех названных полномочий главы государства, но всё же это меньше аналогичного перечня, чем в чисто парламентских республиках. В этом отношении институт контрасигнатуры в Украине близок своему аналогу во Франции: Президент имеет собственные (не разделенные с правительством) полномочия, контрасигнируются и акты чрезвычайного характера, и назначения на должности государственной службы. Вместе с тем, следует отметить, что правительство Франции ответственно только перед Конституционным собранием, а Правительство Украины и перед Верховной Радой (ст. 115 Конституции), и перед Президентом (п.п. 9 и 10 ст. 106 Конституции Украины) [9].

Молдова - в нашей Республике закреплена политическая ограниченная контрасигнатура актов Президента и актов Правительства.

Премьер-министр контрассигнует Указы Президента Республики, издаваемые при определении следующих полномочий: аккредитации и отзывает дипломатических представителей (ч. 2 ст. 86 Конституции РМ); объявления частичной или всеобщей мобилизации (ч. 2 ст. 87); введения военного положения в случае вооруженной агрессии против Республики (ч. 3 ст. 87); осуществление иных мер, направленных на обеспечение национальной безопасности и общественного порядка (ч. 4 ст. 87).

Принятые Правительством Постановления и Ордонансы (имеющие силу ординарных законов) подписываются Премьер-министром и контрассигнуются профильным («компетентным») министром, в обязанности которого входит их исполнение, и публикуются в «Официальном мониторе» Республики Молдова. Неопубликованные постановления или ордонансы влечёт его недействительность [10]. Таким образом, в Молдове закреплён институт «двойной» контрасигнатуры, когда контрассигнуются и акты главы государства, и акты правительства, что свидетельствует о сочетании двух типов контрасигнатуры.

К сказанному следует добавить - Конституция РМ предусматривает только солидарную ответственность Правительства перед Парламентом; его основной состав формируется на основании инвеституры, но допускается назначение и освобождение от должности отдельных членов Правительства Президентом по предложению Премьер-министра (ч. 6 ст. 98 Конституции РМ), т.е. независимо от Парламента. Совокупность этих признаков и позволяет нам говорить об административном типе контрасигнатуры актов Правительства Республики Молдова.

Итак, анализ положений Конституций вышеперечисленных постсоветских республик позволяет сделать вывод о том, что общей чертой правовых систем большинства этих государств (за исключением Украины) являются следующие значительные конституционные гарантии автономии их правительств:

1) Президент не председательствует на заседаниях правительства (Латвия, Литва, Эстония, Армения, Молдова); он не вправе определять

количественный и персональный состав заместителей Председателя Правительства; собственная компетенция Правительства определена Конституцией и специальным «Законом о Правительстве»; Президент не осуществляет непосредственно руководство министерствами и другими общереспубликанскими ведомствами; система органов исполнительной власти также определена специальным законом;

2) вторая разновидность гарантий - это гарантии в законодательном процессе: законы, изменяющие доходные и расходные части бюджета и затрагивающие финансовые отношения в государстве требуют согласия Правительства (Молдова, Армения, Литва); Правительство имеет право делегированного законодательства (Молдова, Армения, Латвия); право объявлять законопроекты срочными (Молдова, Армения, Украина); право совмещения внесения законопроекта и постановления вопроса о доверии правительству (Молдова, Армения, Эстония).

Совершенно иная картина наблюдается в России, Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане [11]. Обозначенные нами выше гарантии в этих республиках либо отсутствуют, либо имеют ненадлежащее закрепление. Например, в России и Узбекистане Правительства не обладают правом делегированного законодательства, а в Белоруссии, Казахстане и Кыргызстане оно предоставлено не Правительству, а непосредственно Президенту; законопроект может быть объявлен срочным в Белоруссии и Казахстане, но это - прерогатива Президента, а не Правительства. Согласие на внесение законопроекта, изменяющего финансовые обязательства государства, в Белоруссии даёт Президент, а в России даже отрицательное заключение Правительства не блокирует законодательный процесс. Во всех этих государствах не только формирование, но и учреждение системы органов исполнительной власти осуществляется главой государства. Президент вправе председательствовать на заседаниях правительства и отменять во внесудебном порядке его акты.

Пожалуй, общее свойство конституционного законодательства этих государств - несовпадение действительного и номинального статуса как правительства, фактически не имеющего признаков высшего органа исполнительной власти, так и гла-

вы государства. Даже там, где глава государства формально не признан в качестве главы правительства, именно он возглавляет всю пирамиду исполнительной власти. Более того, он и есть единственная и единая исполнительная власть в государстве. Короче говоря, отторжение института контрасигнатуры - это следствие (неписанного) признания принципа монизма исполнительной власти как основы национальной правовой системы и фактического отрицания принципа завершённого разделения властей в условиях президентской республики.

Выводы. Ретроспективный взгляд на историю возникновения и функционирования института контрасигнатуры свидетельствует о том, что в настоящее время он приобретает всё большее и большее значение. Вместе с тем, следует признать и то, что в каждой стране или группе стран он может иметь и имеет свои особенности.

Нам представляется также и то, что данный правовой институт исключительно важен в плане разделения властей и разграничения полномочий соответствующих государственных институтов (парламента, главы государства, правительства).

Список использованных источников:

1. Шайо А. Самоограничение власти (Краткий курс конституционализма). Перевод с венгерского, М., «Юрист», 2001 г., с. 196
2. Конституции государств Европейского Союза (Под ред. Л.А.Окунькова), М., 1997 г.
3. Гарицкий Л.Л. Институт президентства в новой Конституции Польши, - см. «Конституционное право: Восточно-европейское обозрение», 1997 г., № 3,4 стр. 71
4. Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты, М, 2002 г., стр. 151
5. Конституция Латвийской Республики (2007 г.)
6. Конституция Литовской Республики (1992 г.)
7. Конституция Эстонской Республики (2003 г.)
8. Конституция Республики Армения (2005 г.)
9. Конституция Украины (2005 г.)
10. Конституция Республики Молдова (1994 г.)
11. Конституции России, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и др. нормативные акты

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ С ПОМОЩЬЮ САМОДЕЛЬНОГО ВЗРЫВНОГО УСТРОЙСТВА

Н. ПОГОРЕЦКИЙ,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заведующий кафедрой правосудия Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина, г. Киев)
М. ЛЕНКО,

начальник Главного следственного управления Службы безопасности Украины, соискатель кафедры правосудия Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина, г. Киев)

SUMMARY

Based on theoretic researches of criminal lawyers, and also materials of practice maintenance of «personality of criminal» is examined as an element of criminalistics description of terroristic acts, accomplished by a home-made explosive device. Classification of criminals is offered on the presence of the special knowledges on explosive business, other signs are considered personalities which are substantial for investigation of crimes of this kind.

Keywords: criminalistics description of crime, terroristic act, explosion, home-made explosive device.

* * *

На основе теоретических исследований криминалистов, а также материалов судебно-следственной практики рассматривается содержание «личности преступника» как элемента криминалистической характеристики террористических актов, совершенных с помощью самодельного взрывного устройства. Предложена классификация преступников по наличию специальных знаний во взрывном деле, рассмотрены иные признаки личности, которые являются существенными для раскрытия и расследования преступлений данного вида.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, террористический акт, взрыв, самодельное взрывное устройство.

Постановка проблемы. Результаты анализа юридической литературы позволили сделать вывод о том, что личность преступника изучается в нескольких направлениях: криминологическом, уголовно-правовом, уголовно-процессуальном, судебно-психологическом, исправительно-трудовом и криминалистическом [1; 2; 3; 4; 5]. Все они составляют единое целое – правовое изучение личности преступника, но при этом каждое из направлений имеет свои цели и задачи.

В криминалистике сведения о личности преступника отводится важное место. Эти сведения органично дополняют содержательную сторону криминалистической характеристики любого преступления. Такой точки зрения придерживаются такие современные ученые-криминалисты, как Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, В. Ф. Ермолович, Н. С. Карпов, А. Н. Колесниченко, В. Е. Коновалова, В. С. Кузьмичев, В. П. Лавров, И. М. Лузгин, И. Ф. Пантелеев, В. А. Образцов, Н. А. Селиванов, В. Г. Танасевич, А. Г. Филиппов, В. Ю. Шепитько, Н. П. Яблоков и другие.

Криминалистически значимые сведения о личности преступника позволяют выдвигать версии о способе совершения преступления, следах, вероятно оставленных преступником, предмете непосредственного преступного посягательства и других важных для расследования обстоятельствах дела.

Однако необходимо отметить, что различные признаки, свойства личности могут быть познаваемы субъектом бесконечно, что может привести к необоснованному вмешательству правоохранительных органов в различные сферы жизни человека, расширению границ предмета доказывания, затягиванию сроков расследования, накоплению информации в материалах уголовного судопроизводства, которая не найдет своего применения в судебных стадиях уголовного процесса. Поэтому крайне важной задачей является определение совокупности признаков и свойств личности преступника, которые подлежат исследованию для эффективного раскрытия, расследования и предупреждения совершения отдельных видов преступлений.

Актуальность. Уровень и формы преступности, ее динамика определяют направления развития криминалистической науки, основным заданием которой является разработка научно обоснованных

рекомендаций, служащих для удовлетворения потребностей практиков. Необходимо констатировать факт, что преступность не стоит на месте, постоянно развивается и характеризуется появлением новых видов преступлений, таких, которые раньше не совершались и, соответственно, не исследовались. Так, не единичными в последнее время в Украине становятся случаи совершения террористических актов, в том числе, с помощью взрыва самодельных взрывных устройств.

В период с 2001 года по 09.2013 г. в производстве следователей СБ Украины находилось 61 уголовное производство, в которых расследовались преступления, предусмотренные разными частями ст. ст. 258-258-5 УК Украины, причем если в 2001-2010 г.г. количество производств в год не превышало 4-5, то в 2011, 2012 и 2013 (9 мес.) г.г. начато 9, 19 и 16 уголовных производств соответственно. Вместе с тем, по состоянию на 09/2013 г. только 14 уголовных производств направлены в суд с обвинительным заключением, что составляет 22,9 % от общего количества. Стоит отметить также, что согласно результатам изучения следственно-судебной практики около 70 % анализируемых преступлений совершены организованной преступной группой, что значительно повы-

шает уровень опасности указанных преступлений и усложняет процесс их расследования и раскрытия.

В связи с вышеизложенным, усиление борьбы с террористическими актами, особенно совершенными с помощью взрывных устройств, является безотлагательным, требующим разработок научно обоснованных криминалистических рекомендаций по их раскрытию и расследованию.

Цель статьи. Целью статьи является изложение на основе результатов анализа научных источников, материалов следственно-судебной практики авторского видения содержания «личности преступника» как элемента криминалистической характеристики террористических актов, совершенных с помощью самодельного взрывного устройства.

Изложение основного материала. Традиционно в криминалистике выделяют два направления изучения личности преступника. Первое предусматривает получение информации о личности преступника по следам (материальным и идеальным), оставленным на месте происшествия. Такие следы дают возможность как можно быстрее найти и задержать правонарушителя, а впоследствии с их помощью идентифицировать преступника.

Второе направление предусматривает изучение личности правонарушителя в процессе досудебного расследования и судебного рассмотрения дела с целью установления исчерпывающей криминалистической характеристики личности субъекта уже известного, установленного. Такое исследование должно дать ответ на вопрос – какая она, личность, которая подозревается (обвиняется) в совершении правонарушения [6, с. 8].

Наряду с различными формами физического характера (следы пальцев рук, ног, зубов, то есть теми, которые непосредственно позволяют провести идентификацию), личность правонарушителя отображается в выборе времени, места, ситуации и обстановки, в которой совершается преступление, способа совершения преступления и предмета преступного посягательства. То есть, характер преступного деяния находится в тесной связи с определенными личностными свойствами, признаками и качествами правонарушителя, его преступным опытом, а также дру-

гими данными – полом, возрастом, профессией, специальными познаниями в конкретной отрасли и т. д.

Характеристика личности преступника, совершившего террористический акт с помощью самодельного взрывного устройства как элемент криминалистической характеристики преступления, должна строиться на основе учета типичных черт социального и социально-психологического характера, свойственного лицам, которые совершили преступления исследуемой категории в течение определенного временного периода. Зная их, следователь сможет верно определить направление расследования, эффективно проводить следственные (разыскные) и иные процессуальные действия.

Лицо, совершающее взрыв самодельного взрывного устройства, характеризуется рядом специфических особенностей, поскольку эта достаточно сложная операция доступна не каждому. Во-первых, человек должен владеть определенными знаниями и навыками во взрывном деле, химии, радиоэлектронике и т. п., приобретенными во время службы в армии, в процессе соответствующей работы или специально полученными в преступных целях или виду проявленного интереса. Во-вторых, он должен иметь доступ к взрывчатым веществам, боеприпасам, взрывным устройствам. В наше время приобрести (похитить, купить) эти средства не составляет особенной сложности, однако для этого нужны определенные усилия, средства и действия. В-третьих, он должен отличаться некоторыми чертами характера – решительностью, безразличием к последствиям взрыва и т. д. [7, с. 21].

Сегодня в Украине проживает большое количество людей, знакомых с основами взрывного дела и способных изготовить самое простое взрывное устройство с использованием огневого или электрического способа инициирования, а также имеющие достаточно глубокие знания способов минирования и разминирования, использования детонаторов разной конструкции и принципа действия. Большую их часть составляют солдаты и офицеры запаса инженерных войск, в разной степени владеющие приемами подрывных работ и минирования. Особное место в этой группе

людей занимают офицеры спецназа, воздушно-десантных войск, саперы, освобожденные в запас. Более ста тысяч военнотружущих прошли десятилетнюю Афганскую войну, где, собственно говоря, все виды сухопутных войск усиленно учились приемам минирования и разминирования, работе с самодельными взрывными устройствами.

Исходя из вышеизложенного, материалов следственно-судебной практики, а также основываясь на исследованиях ученых-криминалистов в этой сфере [7; 8], считаем что именно профессиональный уровень преступника в подывной сфере должен быть положен в основу классификации лиц, совершающих преступление данного вида. Таким образом, считаем целесообразным выделить:

„Аматора”. Этот тип преступников не имеет профессиональной подготовки и по роду деятельности не связан со взрывным делом. Источником сведений о технике осуществления взрывов для представителей этой группы может служить самостоятельное изучение литературы, эксперименты со взрывными материалами, консультации осведомленных лиц. Наиболее распространенными мотивами для производства взрыва являются постановка экспериментов и любопытство, желание получить эффект от взрыва, увиденный в кинофильме, вандализм, идеологические побуждения, эмоциональные, психологические причины. Уровень подготовки данной категории лиц достаточно низкий, характеризующийся самостоятельным минимальным обучением. Полученную им информацию, как правило, можно найти в отдельных литературных источниках или в международной компьютерной сети Интернет. Соответственно, используемые материалы характеризуются своей общей доступностью: охотничий порох, порох, применяющийся в боеприпасах второй мировой войны, спичечные головки, газ.

К определенной повторяемой системе действия при изготовлении или применении взрывчатых веществ и взрывных устройств – „почерку” – можно отнести примитивный тип взрывных устройств, имеющий конструктивные недоработки, в связи с чем они нередко взрываются при изготовлении,

доставке и установлении, которые проводятся вручную; выбор объектов посягательства осуществляется в зависимости от обстоятельств. Кроме того, ими не осуществляется точный расчет массы взрывчатого вещества, необходимой в каждом конкретном случае. В результате этого мощность взрывного устройства нередко бывает недостаточной или избыточной. Предварительное наблюдение за объектом, планирование операции исполнителями не проводится, или сведено к минимуму, объекты посягательства избираются из расчета минимального риска и наименьшей трудоемкости при установлении взрывного устройства.

Так, следственным отделом УСБ Украины в Днепропетровской области проводилось расследование по факту покушения на террористический акт путем приведения в действие самодельного взрывного устройства в троллейбусе, в котором находилось 60 пассажиров. Устройство не сработало из-за недостаточной мощности иницирующей заряда (2001 г.)

„Полупрофессионал”. Для этой категории лиц использование взрывчатых веществ и взрывных устройств является средством достижения поставленных целей. К таким, в данном случае, можно отнести получение материальной выгоды и идеологические мотивы, реже – эмоциональная разгрузка. Деятельность этого типа лиц по изготовлению и применению взрывных устройств является их вторым призванием. Для подготовки взрывов они подбирают и используют соответствующую литературу, консультируются со специалистами, широко экспериментируют с целью совершенствования самодельных взрывных устройств. Данные лица часто имеют постоянную работу, не связанную со взрывным делом, как правило, проходили службу в рядах Вооруженных Сил.

В качестве сформированного „почерка” можно отметить следующие действия: использование тактики, что, по мнению исполнителя, непременно даст желаемый результат, применение одной конструкции взрывного устройства, которое срабатывает без сбоев. Операция по применению взрывного устройства не осуществляется спонтанно, ей предшествуют предварительное наблюдение за объектом, на основе

результатом которого осуществляется планирование террористического акта. В отношении объектов взрыва нужно отметить, что описываемые лица избирают, как правило, легкие или слабо защищенные цели.

Так, в период с конца декабря 2011 г. – начала января 2012 г. в м. Одессе граждане Российской Федерации О. и М., а также гражданин Республики Казахстан П., будучи членами террористической организации «Имарат Кавказ» и действуя по предварительному сговору, принимали участие в террористической организации с целью совершения террористических актов на территории Российской Федерации путем осуществления взрывов на стратегически важных объектах. 04.01.2012 в г. Одесса, гр. О., П. и М. незаконно изготовили самодельное взрывное устройство, которое загорелось, спровоцировав взрыв, в результате чего гр. М. погиб, а другие были задержаны сотрудниками правоохранительных органов Украины.

„Профессионал”. Эта группа лиц отличается высоким уровнем подготовки. Данные лица в течение длительного периода времени проявляют стойкий интерес к средствам и методам взрыва. Знания в сфере химии и физики взрыва носят, как правило, углубленный характер. Наиболее распространенным мотивом, кроме указанных в предыдущем случае, является выполнение заказа. Возраст лиц этой группы колеблется достаточно широко (это мужчины от 30 до 50-60 лет), крайне редко придерживаются определенного, характерного только для них „почерка”. Однако, невзирая на углубленные знания в своей отрасли, они предпочитают работать с одной конструкцией, в которую постоянно вносятся усовершенствования. В качестве используемых материалов в большинстве случаев применяют промышленные и военные взрывчатые вещества, нередко – легко возгораемые вещества.

Относительно объектов взрыва и используемых методов, необходимо отметить, что данным классификационным типом лиц может быть избран любой объект, для изучения которого будет уделено максимальное количество времени. Изучение объекта проводится благодаря отработанной технике наблюдения. При размещении взрывного устройства

осуществляется точный расчет взрывного действия, направленного исключительно на поражение цели, без избыточной поражающей силы. Проведение взрыва обычно осуществляется без предупреждения, однако если оно имеет место, необходимо учитывать четкое соблюдение установленного данным субъектом графика.

О профессионале могут свидетельствовать совершенство самодельного взрывного устройства, а также примененные меры собственной безопасности (например, включение к электрической цепи взрывного устройства предохранителей для предотвращения случайного взрыва). Специалисты такого уровня способны малым зарядом причинить наибольшее разрушение, знают уязвимые места зданий и транспортных средств. Они обучены изготовлению и установлению мин-ловушек, использованию для изготовления взрывчатых веществ общедоступных материалов, что делает их опасными не только в свете вероятности совершения преступлений ими самими, но и возможности передачи своих знаний и навыков иным лицам.

Причастность к тому или иному взрыву подобных „специалистов” устанавливается по ряду объективных признаков, которые включают в себя набор приемов и навыков минирования, известных только специалистам какой-либо из отраслей минно-подрывного дела. Способ изготовления самодельного взрывного устройства, вариант иницирования взрыва, способ закладки заряда, расчет его соответствия могут свидетельствовать о степени квалификации преступника в разных отраслях взрывного дела.

Большой интерес для разработки мероприятий по предупреждению и раскрытию данной категории преступлений представляют сведения о прежних судимостях лиц, которые совершают террористические акты способом взрыва самодельного взрывного устройства. Согласно данным судебной-следственной практики, большинство лиц (78%) ранее не были судимы и потому не находились на учете в органах внутренних дел. Данное обстоятельство говорит о необходимости ориентировать силы и средства правоохранительных органов на выявление и сбор информации относительно

лиц, ранее не судимых, но имеют отношение к изготовлению, охране, перевозке, использованию взрывных материалов на промышленных предприятиях и военных частях, а также относительно лиц, интересующихся технологией взрыва в сети Интернет.

Для характеристики личности преступника важное значение имеют его морально-психологические черты. Изучение материалов уголовных производств позволило прийти к выводу о том, что субъектам рассмотренных преступлений свойственны крайний эгоизм и эгоцентризм, который определяет примитивно анархическую позицию личности, пренебрежение к интересам других людей, жестокость, отсутствие чувства жалости. Отдельные из названных качеств, вместе с другими негативными свойствами личности (повышенная впечатлительность, злопамятность, склонность к злоупотреблению алкоголем и т. п.) прямо указывались в материалах уголовных производств.

Так, например, по уголовному делу № 1163 относительно гражданина Украины Ш., который угрожал осуществить подрыв Президента Украины, а в его желье были обнаружены электродетонаторы и боеприпасы, Марьинским райсудом Донецкой области вынесен приговор, согласно которого гр. Ш. приговорено к 5 годам лишения свободы с принудительным лечением по месту отбывания наказания (2005 г.)

Особенностью рассмотренной категории преступников, которая отличает их от большинства других, которые совершают преступления против личности, является то, что в совершенных ими противоправных действиях не находят проявления такие черты, как импульсивный и рефлексивный характер поведения. Выбирая в качестве средства совершения террористического акта взрывное устройство, преступник стремится добиться максимального разрушительного и психологического влияния, временами не останавливаясь перед опасностью причинения смерти или телесных повреждений самому себе. Большинство террористических актов с применением взрывных устройств были совершенны хладнокровно,

с предварительно обдуманном намерением.

На основании исследований материалов судебно-следственной практики нами выделены основные мотивы совершения террористических актов с применением самодельных взрывных устройств в Украине. Такими являются:

- нарушение общественной безопасности, запугивание населения,
- влияние на принятие решений органами власти,
- дискредитация органов власти (в том числе, иностранных государств),
- получение материальной выгоды,
- устранение конкуренции или укрепление своего положения и др.

Возраст преступников, совершивших террористический акт путем взрыва самодельного взрывного устройства на территории Украины, имеет достаточно широкий диапазон: от 19 до 60 лет, в 100% раскрытых эпизодов – мужского пола.

Подводя итог, необходимо отметить, что сведения о личности преступника имеют важное значение не только для криминалистической характеристики террористических актов, совершенных с помощью самодельного взрывного устройства, дальнейших научных исследований этого вида преступлений, но и для выбора тактики некоторых следственных (розыскных) действий, профилактической деятельности следователя.

Выводы. Таким образом, на основании результатов проведенного исследования предлагаем в содержание элемента криминалистической характеристики террористических актов, совершенных с помощью самодельного взрывного устройства «личность преступника», включать сведения об его профессионализме во взрывном деле и на этом основании классифицировать преступников на три вида: аматора, полупрофессионала и профессионала. Важное значение имеют также данные о мотивах совершения преступления, возрасте, поле и др. информация. Необходимо отметить, что содержательный состав данного элемента должен быть расширен, что требует дальнейших научных исследований.

Список использованной литературы:

1. Ведерников Н. Т. Изучение личности обвиняемого и методика расследования преступлений / Н. Т. Ведерников // Методика расследования преступлений (общие положения) : материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). – М., 1976. – С. 134–136.
2. Ведерников Н. Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления / Н. Т. Ведерников // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. – М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. – С. 74–77.
3. Глазырин Ф. В. Криминалистическое и судебно-психологическое изучение личности обвиняемого в системе методики расследования / Ф. В. Глазырин // Методика расследования преступлений (общие положения) : материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). – М., 1976. – С. 129–134.
4. Гончаренко В. И. Понятие криминалистической характеристики преступления / В. И. Гончаренко, Г. А. Кушнир, В. Л. Подпалый // Криминалистика и судебная экспертиза : респ. междувед. науч.-метод. сб. – К. : Вища шк., 1986. – Вып. 33. – С. 3-8.
5. Хмыров А. А. Криминалистическая характеристика преступления и предмет доказывания / А. А. Хмыров // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. – М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. – С. 48–54.
6. Комисарова В. И. Расследование отдельных видов преступлений. Учеб. пособие. – Саратов, 2003. – 232 с.
7. Кримінальний вибух: поняття, характеристика, аналіз, розслідування / В. П. Бахін, М. А. Михайлов // За ред. Я. Ю. Кондратьєва. – К., 2001. – 132 с.
8. Галахов С. С. Криминальные взрывы. Основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера / С. С. Галахов. – М.: Экзамен, 2002. – 288 с.

ПОНЯТИЕ ОТРАЖЕНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

С. ЧЕГОДАЕВА,
кандидат юридических наук, доцент (Московский университет МВД России)

SUMMARY

The article discusses the concept of reflection in forensics, analyze types of reflection, its signs. Also analyzed in terms of different scientists about the nature of reflection, its elements and values in criminology.

Keywords: reflection, matter interaction, substrate identity, identification.

В статье рассматривается понятие отражения в криминалистике, анализируются типы отражения, его признаки. Также анализируются точки зрения различных учёных по поводу сущности отражения, его элементов и значения в криминалистике.

Ключевые слова: отражение, материя, взаимодействие, субстратное тождество, идентификация.

Постановка проблемы. Отражение – понятие многозначное. Оно может употребляться в широком смысле значения (например, отражение – всеобщее свойство материи, ключевое понятие теории познания) [1] и в узком смысле этого термина, применительно к частным видам отражения (например, отражение света).

В своем классическом исследовании «Диалектика природы» Ф. Энгельс приводит 6 типов отражения:

- *отражение сознанием бытия [2];*
- *отражение науки как форм движения материи [3];*
- *отражение субъективной диалектики как объективной [4];*
- *отражение математическими абстракциями реальной действительности [5];*
- *извращенное фантастическое отражение действительности в идеологии и религии [6].*

Как видим, и здесь наблюдается сочетание глобального значения отражения с его частными проявлениями.

Актуальность темы. Говоря об отражении, всегда характеризуют его как одно из основных свойств материи. Такое определение имеет глубинный смысл, подчеркивая значимость и многоаспектность отражения. Здесь уместно привести высказывание В.И. Ленина, который отмечает: «Логично предположить, что вся материя обладает свойством по существу родственным с ощущением – свойством отражения» [7].

Иными словами: подобно тому, как все в живой природе обладает свойством ощущения, неживая природа обладает свойством отражения. В криминалистическом плане для нас представляют интерес обе формы отражения.

Отражение называют свойством материи [8], основным свойством материи [9], атрибутом материи [10], ключевой основой теории познания [11].

Каждое из приведенных определений призвано подчеркнуть (выделить) главное свойство отражения и оттенить его значимость в теории познания в частности и вообще в материалистической диалектике.

Цель статьи – рассмотрение

понятия, сущности и значения отражения в криминалистике на основе анализа точек зрения различных учёных.

Изложение основного материала. В первую очередь необходимо определиться, о каком виде отражения пойдет речь в данном исследовании.

«Под отражением мы понимаем, - пишут авторы материалистической диалектики, - способность материальных объектов изменяться в соответствии с внешним воздействием, т.е. путем преобразования собственных свойств и структуры воспроизводить особенности воздействующего или отражаемого материального объекта [12].

При этом авторы выделяют два важнейших фактора: 1) отражение всегда является результатом воздействия (непосредственного или опосредованного) отражаемого объекта на отражающий и 2) изменения, возникающие в отражающем объекте, в той или иной мере адекватны специфике отражаемого объекта, т.е. способны давать достаточно полное представление о свойствах отражаемого объекта. «Отражение имеет место только

тогда, когда налицо единство обоих моментов» - заключают авторы [13].

А.Я. Пономарев и В.С. Тюхтин определяют отражение тоже как результат изменения объекта из-за его взаимодействия с другими объектами, но при этом оговаривают ряд ограничений. Они пишут: «Отражение в собственном смысле как специфическое (а не универсальное) свойство есть такое изменение одного объекта в результате его взаимодействия с другим, когда структура этого изменения, зависящая от другого объекта и соответствующая какой-либо его стороне, используется как средство ориентировки и самоуправления для самосохранения этого объекта [14]. При этом авторы выделяют два момента: 1) при взаимодействии изменения могут наступить как в отражающем, так и в отражаемом объектах; 2) чем выше организованность взаимодействующих систем, тем полнее отражение.

Энциклопедическое определение отражения и его основные характеристики даны следующим образом: «Отражение – всеобщее свойство материи, заключающееся в воспроизведении, фиксировании того, что принадлежит отражаемому предмету. Любое отражение несет в себе информацию об объекте отражения. Способность к отражению, а также характер ее проявления зависят от уровня организации материи. В качественно различных формах отражение выступает в неживой природе, в мире растений, животных и, наконец, у человека. Взаимодействие различных материальных систем имеет своим результатом взаимоотражение, которое выступает в виде простой механической деформации (например, отпечаток тела на песке), сокращения или расширения в зависимости от колебаний окру-

жающей температуры (например, термометра); отражение света – изменение электромагнитных волн (например, фотография); отражение звуковых волн (например, эхо); химических изменений (например, цвет лакмусовой бумаги); физиологических процессов (например, сужение зрачка при ярком свете) и т.д.» [15].

Здесь, также как и у выше упомянутых авторов, говорится об изменении в результате взаимодействия отражающего и отображаемого объектов. Ценным является указание на информационную сущность отражения. Впечатляет перечень возможных форм отражения: от простейших до сверх сложных (физиологические и психофизиологические).

Приведенных определений отражения вполне достаточно, чтобы выделить его основные признаки (характеристики) и тем самым определить, о каком отражении пойдет речь в данной статье. Итак, отражение – это всегда результат взаимодействия отражаемого и отображающего объектов, взаимодействие может быть непосредственным и опосредованным; полнота и точность отражения зависят от многих условий, в первую очередь, от степени организованности взаимодействующих систем (чем выше организованность материи, тем адекватнее отражение); формы отражения весьма разнообразны: от простейших (остаточная деформация как результат приложения силы к объекту) до отражения высшей категории сложности (отражение как основа теории познания отражения реальности мира в сознании человека).

Вместе с тем, интересно обратить внимание и на иные концепции отражения, авторы которых считают необходимым (или целесообразным) добавить иные элементы в определение отражения.

По мнению С.М. Шалютина, в первую очередь это касается предложений о внесении в определение отражения таких элементов как: 1) субстратное тождество отображенного и отображающего; 2) соотношение образа и предмета [16].

Решение этих вопросов имеет важное значение, как для общей теории отражения, так и особенно для криминалистической теории отражения при учете наличия в науке и практике криминалистики теории криминалистической иден-

тификации и большого количества разнообразных идентификационных задач, решаемых повседневно.

Однако предлагаемое авторами толкование субстратного тождества коренным образом отличается от диалектического понимания тождества и ничего общего не имеет с криминалистическим отождествлением (идентификацией).

Так, В.В. Орлов пишет: «Тело адекватно воспроизводит те качества воздействующего предмета, которые присущи самому отражающему телу. Значит отражение адекватно лишь постольку, поскольку тела сходны по своей природе и не адекватны, если они различны» [17].

С такой позицией нельзя согласиться. Возражая против тезиса, предложенного В.В. Орловым, возьмем в качестве примера линейные следы (трассы) в следах разреза, разруба или на боковой поверхности пули и т.п. О каком единстве родов свойств можно говорить, сопоставляя твердый нагар на стенках канала ствола и мягкой оболочки пули, на боковой поверхности которой этот нагар оставил линейные следы в виде трасс? Это, как известно, постоянно решаемая задача идентификации. Точно также мы не найдем сходства свойств стального лезвия ножа, топора и свойства древесины, на которой этими предметами оставлены следы разреза (на веточках дерева), разруба (линейные следы – трассы на срубленных деревьях).

В.В Орлов не ограничивается сходством свойств, он говорит и о динамике (процессе) отражения: «Физические процессы не обладают способностью воспроизводить качественную сторону вещей, за исключением тех, которые сходны с ними» [18].

И с этим тезисом никак нельзя согласиться. Возьмем снова пример с пулей, выстреленной из канала ствола. Физическим процессом является прохождение пули по каналу ствола и ее контакт при этом с полями нарезков. Причина – давление в патроне и стволе благодаря сгоранию пороха, следствие – линейные следы (трассы) на боковой поверхности пули от полей нарезков. Условия – состояние канала ствола в момент прохождения пули.

На качественную сторону отображения следов на пуле могут влиять очень многие факторы, относящиеся как к причине, так и к

условиям физического процесса отражения, влияющим на качественную сторону отражения: усиленный заряд пороха, ослабленный заряд пороха, плотность посадки пули в гильзе, масса пули, вид оболочки, выстрел не подкалиберной пулей, состояние канала ствола: сухой, вычищенный, нечищенный, настрел (количество выстрелов, сделанных ранее без чистки канала), ствол чистый смазанный, наличие только мягкого нагара, наличие мягкого и твердого нагара, износ канала ствола и т.п. Все эти и многие другие факторы способны определить качество отражения: адекватность и выраженность линейных следов на пуле.

Подобным образом можно проанализировать и иные процессы образования как линейных, так и точечных следов, фигурирующих в качестве объектов исследования при криминалистической идентификации. Все подобные примеры будут служить опровержением приводимому высказыванию В.В. Орлова: «Когда взаимодействуют качественно разнородные объекты, специфика отображаемого тела теряется. Сходство оригинала и копии сводится к количественному соответствию воздействия и изменения» [19].

Несмотря на разнородность объектов – участников следового контакта – признаки, отраженного объекта, отобразившиеся в его следе, несут информацию, как о количественной стороне объекта, так и о его качественной стороне.

Тезисы В.В. Орлова страдают еще одной серьезной погрешностью: он не раскрывает употребляемого им понятия «адекватно». Какую адекватность имеет в виду автор: на уровне гомоморфизма или изоморфизма, остается неясным.

Другая группа концепций, ставящая себе задачу дополнения определения отражения новыми признаками, предлагает включить обязательным условием тезис о сходстве отраженного с самим предметом. Вопрос далеко не прост и требует анализа понятия сходства. Чувственное восприятие сходства не дает ответа на этот вопрос, здесь границы сходства достаточно размыты. Все белое сходно по цвету, все соленое сходно по вкусу, все сферическое сходно визуально и «на ощупь» (т.е. по тактильным ощущениям) и т.д. Значит, говорить о сходстве только на основа-

нии чувственного восприятия было бы не реалистично. Следовательно, необходимо подключение абстрактного мышления. Однако тогда существенную роль будет играть степень владения субъектом абстрактным мышлением. Но в этом случае сходство становится чисто субъективной категорией, что делает ее неприемлемой для научного анализа и применения.

Попытки философов разобраться с понятием сходства не могут не вызвать возражения со стороны практиков-криминалистов. Так, С.М. Шелютин пишет: «Сходство никак не может рассматриваться, как требование, которое наряду с изоморфизмом конституирует отражение, ибо изоморфизм то же есть вид сходства, а именно сходство (точнее, тождество) структур, т.е. не поверхностное тождество, данное в явлении и непосредственно воспринимаемое органами чувств, а тождество в существе процессов» [20].

Соглашаясь с тем, что требование включения сходства в определение отражения не является необходимым, мы не можем пройти мимо предложения толковать сходство, как один из видов тождества. Вопрос этот носит принципиальный характер для криминалистики, четко разграничивающей понятия сходства и тождества.

Начнем с понятия тождества (идентификации). Идентификация присутствует во многих науках: ботанике, зоологии, петрографии (науке о камнях), математике и пр. Однако в этих науках под идентификацией (установлением тождества) понимают то, что, по сути, является установлением родовой (видовой) принадлежности (царство, таксон, род, вид, подвид и т.д.). Это, несомненно, не отождествление, а установление сходства основных родовых (видовых) признаков.

В криминалистике подобные вопросы решаются иначе. Под идентификацией (отождествлением) в теории (и практике) криминалистической идентификации понимается установление тождества индивидуально-конкретного объекта (например, конкретного пальца правой руки гр.М, пистолета ПМ №... , ножа, изъятого у гр. М. и т.п.) При этом криминалистическая идентификация исходит из диалектического постулата, что каждый объект материального мира тождественен только самому себе. Еще

Ф. Энгельс отмечал, что две капли воды, взятые из одного кувшина, неизбежно различаются между собой (при изучении под микроскопом) и тождественная каждая себе самой [21].

Криминалистика различает и понятие сходства. Эта группа объектов, собранных по любому основанию деления, основные (наиболее существенные) признаки которых являются общими для всей группы. В криминалистике никогда не смешивают понятия сходства и тождества при учете доказательственного значения факта установления тождества, и факта отнесения объекта всего лишь к группе сходных. Сказанному не противоречит и философская трактовка сходства там, где наличествует изоморфизм.

Здесь целесообразно рассмотреть еще одну концепцию отражения – проблему причинности (установления причинно-следственной связи) при отражении.

Развернувшаяся в литературе полемика касается отражения в неживой природе, что для криминалистов имеет весьма важное значение.

В.С. Тюхтин утверждает, что реальным актом отражения в неживой природе является такой процесс, когда в результате его мы имеем отпечаток изоморфный отображаемому объекту. Тогда отражение есть актуальная (по-нашему, реальная) действительность [22]. В противном случае, при отсутствии отпечатка отражение представляется принципиальной возможностью. Автору возражает С.М. Шалютин, считая, что «отражение в точном значении имеет место тогда, когда из суммарного результата взаимодействия выделено то, что характеризует источник отражения, а то, что принадлежит носителю, исключено, снято, элиминировано» [23]. Мы солидарны с позицией В.С. Тюхтина и вынуждены возразить С.М. Шалютину.

Наличие отпечатка отраженного объекта в неживой природе – это не просто удостоверение факта отражения. Отпечаток (понятие многогранное, т.е. любое реальное отражение, например, след) – это носитель информации: 1) об отраженном объекте (системе); 2) о механизме отражения; 3) о самом носителе информации, его свойствах, степени организованности материи и ее способности воспроизводить особенности и свойства отражае-

мого объекта. Последнее является непременным условием, учитываемым при анализе следов (отпечатков). Возьмем простейший пример. На плоской поверхности предмета оставлен потожировой след пальца (его ногтевой фаланги). В таком следе должен отобразиться папиллярный узор, по которому можно идентифицировать объект (палец). Если след оставлен на поверхности гладкой (абсолютно гладкой), например, зеркало, стекло, полированное дерево и т.п., то пальцевой узор будет четко различим и пригоден для идентификации. Но если микрорельеф воспринимающей поверхности больше (крупнее) микрорельефа слеодообразующего объекта (в рассматриваемом случае валиков и бороздок эпидермиса пальца), то след (отпечаток) не будет нести информации об узоре пальца: например, след на неструганой доске, на шероховатой фанере, на рифленой рукоятке пистолета и т.п.

Иными словами, исключить носителя отпечатка из общей структуры отражения недопустимо, т.к. разрывается единая информационная цепочка. Особенно это очевидно при трасологическом анализе слеодообразования, где всегда учитываются при отражении свойства слеодообразующей поверхности, свойства следовоспринимающей поверхности и следовой контакт (т.е. механизм взаимодействия этих поверхностей). Такой подход может служить схемой (эталонной) познания отражения в неживой природе.

Однако в этой схеме не достает еще одного элемента – это субъект воспринимающий отпечаток, чтобы судить по нему об отраженном объекте.

Эти связи не зависят от субъекта, но от него зависит многое другое в чувственном восприятии отпечатка и в абстрактном мышлении познания отражения (отраженного объекта и механизма отражения). Это:

- а) объем и характер информации об отраженной системе;
- б) свойства его памяти, в т.ч. хранить в памяти аналогичные ситуации;
- в) владение логикой мышления и знание ее законов;
- г) способность воспринимать отражения (наличие рецепторов, их чувствительность и т.д.).

На этом мы ограничимся изложением некоторых концепций, стремящихся включить в опреде-

ление отражения дополнительные элементы, и рассмотрим более подробно такие его составные элементы, фигурирующие в большинстве определений, как: взаимодействие, отражение, следы-отпечатки, связь между оригиналом и копией, реальное и идеальное тождество и некоторые другие аспекты.

Начнем с взаимодействия. Под ним в современной науке понимают любое движение материи. При физических взаимодействиях объектов осуществляется передача и преобразование энергии, вещества.

В результате взаимодействия вещей могут появляться новые системы, новые свойства и состояния. «Универсальным, всеобщим при любых взаимодействиях объектов, отмечают А.Я. Пономарев и В.С. Тюхтин, - является взаимный перенос (передача) отношений упорядоченности (организации, структуры) от одного тела к другому. Упорядоченность относится к компонентам, свойствам и связям (отношениям) системного объекта. Передача и соответствие структур основывается на **законах** взаимодействия, присущих различным классам объектов» [24]. Происходящая при взаимодействии передача структур между объектами характеризует процесс взаимодействия, а полученные при этом следы-отпечатки характеризуют результат взаимодействия.

Способность передавать и изменять структуру объектов при их взаимодействии считается основной (ключевой) в понимании сущности отражения.

Взаимодействие является непременным элементом отражения, но не всякое взаимодействие влечет отражение. Для того чтобы осуществилось отражение, необходимо 1) выделение объекта оригинала и объекта-носителя отраженной информации об оригинале, а также четкое представление об одной из сторонней зависимости носителя от оригинала; 2) отражение в как можно более полном объеме в носителе отношений, сторон, свойств и связей, присущих оригиналу.

Чем выше организованность и упорядоченность систем, тем плодотворнее будет их отражение. В итоге могут быть переданы не только структура объекта, его вещество, но и отношения, заложенные в отражаемой системе. Человек, используя абстракцию, переводит эти отношения в знаковые формулы.

Отражение может нести ин-

формацию о динамике события, его временной характеристике и о статике – пространственной характеристике, когда изучается сам продукт, эффект отражения.

Отражение позволяет судить и об уровне отраженного. Это касается как отражения динамического процесса, так и получения в результате отражения продукта, эффекта отражения. Чем пластичнее взаимодействие объектов, тем больше может быть передано (отражение свойств, их признаков, деталей). Так, способность воспринимающей поверхности к остаточной деформации обеспечивает отражение и фиксацию следов от деталей более твердой слеодообразующей поверхности. Четкость и выраженность таких следов будут определяться приложенной при взаимодействии силой, направлением ее приложения (вектор сил). Воспринимающая поверхность с микрорельефом способна передать информацию о более крупном рельефе слеодообразующей поверхности и т.д.

Различают в понимании отражения его содержание и форму. Под содержанием отражения понимают его материальность в целом, т.е. материальное взаимодействие объектов (вещей) – отражаемых и отражающих. Под формой отражения имеют в виду способы его существования, его типы, виды (в общем плане – формы). Содержание может быть не только материальным, но и идеальным, когда осуществляется гносеологический анализ образа, его соответствия оригиналу.

Выводы. Некоторые философы придают большое значение делению содержания на материальное и идеальное, делают упор на то, что исследователь акта отражения должен всегда четко представлять себе какое содержание он исследует [25].

Нам представляется такая позиция не диалектичной. Нельзя разрывать единый процесс познания отражения. Нельзя судить о сходстве или отличии образа от оригинала без учета условий передачи и фиксации свойств оригинала. И наоборот, какой смысл изучать факторы, влияющие на уровень передачи информации без ее анализа с учетом этих уровней (пластичности передачи).

Таковы наши рассуждения о понятии «отражение» в криминалистике, на которых мы пока остановимся.

Литература:

1. См. БСЭ 3-е изд., Т. 19, С. 11
2. *Энгельс Фридрих.* Диалектика природы, М., Госполитиздат, С. 31.
3. Там же – С. 184
4. Там же – С. 216
5. Там же – С. 181, 231, 237
6. Там же – С. 151
7. *Ленин В.И.* П.С.С., 5-е изд. Т. 18, С. 91.
8. Современные проблемы теории познания диалектического материализма. Кол.авторов. М., Мысль. 1070, С. 248.
9. *Шалютин С.М.* Об отражении как общем свойстве материи// Теория познания и современные науки. М., Мысль. 1967, - С. 74.
10. Материалистическая диалектика. Кол.авторов. М., Мысль. 1982. – С. 10.
11. БСЭ, т. 19, 3-е изд. С. 11.
12. Материалистическая диалектика. Кол.авторов М., Мысль. – С. 11
13. Там же, С. 11
14. Современные проблемы теории познания диалектического материализма. М. Мысль. 1970 – С. 249.
15. Б.С.Э. 3-е изд. Т. 19. – С. 20
16. См. Теория познания и современная наука. М. Мысль. 1967 – С. 90
17. *В.В. Орлов.* Особенности чувственного познания. Пермское изд-во. Пермь. 1962 – С. 20.
18. Там же, С. 23.
19. Там же. – С. 15
20. *С.М. Шалютин.* Указ.раб. С. – 98.
21. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. – С. 87.
22. *Тюхтин В.С.* О природе образа //Вопросы философии. 1969 - № 2, С. 30.
23. *Шалютин С.М.* Указ.раб. – С. 100.
24. См. Современные проблемы теории познания диалектического материализма. – С. 248.
25. См. Современные проблемы теории познания диалектического материализма – С. 251.

ПОНЯТИЕ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СОГЛАСНО НОВОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ

Д. СЕРГЕЕВА,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры правосудия юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина, г. Киев)

SUMMARY

On the basis of theoretical researches of scientists and also requirements of norms of new criminal-procedure legislation of Ukraine a concept and essence of admission of proof is examined as its basic property, its criterias are formed. In the article argued, that criterias of admission of proofs, got the sides of prosecution and defence, victims can not be identical.

Keywords: proof, proving, estimation of proofs, property of proof, admission, judicial form of receipt of proof, Criminal procedure code of Ukraine.

На основании теоретических исследований ученых-процессуалистов, а также требований норм нового уголовно-процессуального законодательства Украины рассматривается понятие и сущность допустимости доказательства как его основоположного свойства, формируются его критерии. В статье аргументируется, что критерии допустимости доказательств, полученных сторонами обвинения и защиты, потерпевшим, не могут быть идентичными.

Ключевые слова: доказательство, доказывание, оценка доказательств, свойство доказательства, допустимость, процессуальная форма получения доказательства, Уголовный процессуальный кодекс Украины.

Постановка проблемы. Включение в новый Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее – УПК Украины) ряда правовых норм, регулирующих вопрос допустимости доказательства, вызвало необходимость их научного осмысления. Проблемам допустимости доказательств значительное внимание в своих трудах уделили В. Д. Арсеньев, Ю. М. Денежный, В. И. Зажицкий, Л. М. Карнеева, Г. В. Костенко, В. А. Лазарева, П. А. Лупинская, Г. М. Миньковский, И. Б. Михайловская, Я. О. Мотовиловкер, С. В. Некрасов, В. Т. Нор, Н. А. Погорейский, Н. В. Сибилева, А. Б. Соловьев, М. С. Строгович, С. А. Шейфер, Н. Е. Шумило, А. А. Эйсман и другие ученые-процессуалисты. В то же время, вопросы, касающиеся понятия допустимости и его критериев, остаются сегодня дискуссионными.

Актуальность. От правильного научного и законодательного определения понятия допустимости доказательства зависит надлежащее обеспечение прав и свобод участников уголовного процесса, обеспечение гарантий и соблюдение принципов уголовного судопроизводства, а также достижение цели и решение его задач, получение достоверного знания о расследуемом событии.

Значение правовой регламентации допустимости доказательств, как обоснованно отмечает Г. В. Костенко, определяется также и тем, что она устанавливает процедуру познания фактических обстоятельств дела, учитывая при этом как имеющиеся (то есть существующие в данной правовой системе) задания судопроизводства, так и их относительную приоритетность [1, с. 70]. Вместе с тем, следует уточнить позицию автора, поскольку в данном случае под процедурой познания фактических обстоятельств дела необходимо понимать лишь то познание, которое

осуществляется в форме доказывания, так как иные виды познания не имеют законодательной процедуры в уголовном судопроизводстве и не имеют правового значения.

Правовая регламентация допустимости доказательств отображает также то или иное преимущество законодателя, который стоит перед выбором между установлением истины любой ценой и сознательной готовностью снизить верооятность ее достижения, чтобы уменьшить риск осуждения невиновного, а также сузить сферу ограничения конституционных прав граждан [2, с. 5].

Цель статьи. Целью статьи является изложение авторского видения понятия “допустимости доказательства”, сформулированного на основе обобщенного анализа точек зрения научных работников и практиков, а также изложение предложений по усовершенствованию законодательного закрепления этого института в новом УПК Украины, а также в УПК других государств.

Изложение основного материала.

Требование допустимости доказательства логично вытекает из положения Конституции Украины, а именно ч. 3 ст. 62, в которой указано, что обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путем, а также на предположениях [3]. Такая же позиция отражена в ч. 3 ст. 17 УПК Украины, которая определяет презумпцию невиновности и обеспечения доказанности виновности в качестве общих принципов уголовного судопроизводства [4].

На необходимости отобразить в определении доказательства допустимость как его неотъемлемое свойство обращалось внимание многими учеными. Однако лишь в УПК Украины 2012 г., в отдельной норме, а именно в ч. 1 ст. 86, впервые в отечественном уголовном процессе сформулирован на уровне уголовного процессуального закона критерий определения допустимости доказательства, в соответствии с которым доказательство признается допустимым, если оно получено в порядке, установленном УПК Украины. В определении доказательства, закрепленном в ст. 84 УПК Украины, также содержится указание на то, что фактические данные, составляющие содержание доказательства, получают в установленном УПК порядке.

Результаты анализа соответствующих норм УПК Украины свидетельствуют о том, что правила допустимости доказательств сформулированы как в позитивной форме, например, ч. 1 ст. 86; ч. 2, 3 в. 88 УПК, в которых законодатель называет частные случаи признания доказательств

и сведений, касающихся личности подозреваемого, обвиняемого допустимыми, а также определяет, какие доказательства следует оценивать в качестве допустимых, так и в форме запретов, то есть правил допустимости доказательств негативного характера (ч. 2 в. 86, ст. 87, ч. 1 ст. 88, ст. ст. 89, 90 УПК Украины).

Осуществляя научный анализ понятия “допустимость доказательства”, в первую очередь отметим, что в научной литературе допустимость рассматривается как внутреннее свойство доказательства. Однако, на наш взгляд, допустимость характеризует в первую очередь фактические данные и их процессуальные источники, которые в своем единстве образуют доказательство. Если фактические данные и их процессуальные источники не владеют свойством допустимости, то в своем единстве они не могут образовывать доказательство в уголовном судопроизводстве, что означает, что не допустимых доказательств в уголовном процессе не существует. Однако в случае соответствия фактических данных и их источников критерию допустимости можно говорить и об одноименном свойстве доказательства.

“Допустимость” буквально означает разрешение, предоставление возможности кому-либо принимать участие в чем-либо или использовать какое-либо средство для чего-либо [5, с. 149-150]; допустимый – тот, который можно допустить, позволить; возможный, разрешенный [6, с. 375].

В науке уголовного процесса высказываются разные точки зрения, касающиеся понятия допустимости доказательства. Путем их обобщения и анализа можно сделать вывод о том, что отдельные ученые в определении понятия допустимости доказательства подчеркивают его возможность служить средством доказывания обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, в результате его соответствия требованиям уголовно-процессуального закона [7, с. 26]; его способность как источника сведений о факте быть средством установления этого факта [8, с. 392]; возможность его использования в уголовном процессе для решения всех вопросов, которые возникают во время производства по делу и при разрешении дела по сути [9, с. 3]; возможность (разрешенность) использования доказательства в процессе доказывания обстоятельств, имеющих значение для правильного

разрешения дела [10, с. 6]; их пригодность для использования в процессе доказывания [11, с. 7]; признанная законодателем возможность использования определенного источника в качестве процессуального носителя информации о фактических данных, имеющих значение для установления истины по уголовному делу, а также процессуального закрепления этой информации уполномоченными на это лицами или органами в установленном законом порядке (путем действий) при соблюдении норм нравственности [12, с. 23] и т. п.

Другая группа ученых определяет допустимость доказательства через его соответствие определенным требованиям уголовно-процессуального закона. Так, Г. М. Миньковский, А. А. Эйман, И. Б. Михайловская, определяя понятие допустимости доказательств, выделяют следующие условия допустимости фактической информации, которая собирается по делу: а) известность и возможность проверки ее происхождения; б) компетентность и осведомленность лиц, от которых она исходит и которые ее собирают; в) соблюдение общих правил доказывания; г) соблюдение правил сбора данных определенного вида, гарантирующих от неполноты и искажений; д) соблюдение правил, гарантирующих полноту и точность фиксации собранной информации в деле; е) отказ от включения в нее догадок, предположений [13, с. 231-232].

П. А. Лупинская считает, что допустимость доказательства включает а) получение сведений из одного из предусмотренных в законе источников; б) получение доказательства с соблюдением процессуальных правил; в) правильный выбор надлежащего источника сведений, особенно в случаях, когда законом определено получение конкретного вида доказательства [14, с. 159-160].

Эти и другие точки зрения на исследуемое понятие обстоятельно проанализированы в монографических исследованиях Н. В. Сибилевой [12], Н. М. Кипниса [2, с. 17-27] и других, посвященных проблематике допустимости доказательств.

В уголовно-процессуальной литературе последних лет также исследовалось понятие “допустимости доказательства”. Так, Н. А. Погорецкий определяет допустимость доказательства как процессуальный институт, сущность которого заключается в том, что относимые фактические данные должны быть по-

лучены из установленного законом источника, уполномоченным на это субъектом уголовного процесса (следователем или судом) и закреплены способом, указанным в уголовно-процессуальном законе [15, с. 460]. К. И. Сулягин обосновывает, что допустимость доказательств является межотраслевым правовым институтом, который основан на конституционном праве личности на исключение доказательств, полученных с нарушением федерального закона, который гарантирует соблюдение важнейших прав и свобод человека и гражданина при осуществлении правосудия [16, с. 19].

Содержание допустимости как свойства уголовно-процессуального доказательства состоит из четырех правил (условий, критериев): 1) надлежащего субъекта его получения; 2) законности источника сведений; 3) использование для его получения лишь того следственного или судебного действия, которое предусмотрено законом; 4) проведение следственного или судебного действия с соблюдением установленных законом требований [2, с. 72-73; 17, с. 192]. Отметим, что изложенные условия (критерии, правила) допустимости доказательства с незначительными отличиями и разной степенью детализации признаются большинством ученых, которые высказываются по этому поводу, потому мы не будем давать их детальную характеристику, поскольку она освещена в юридической литературе [2, с. 25].

На наш взгляд, определение понятия допустимости путем перечисления его критериев не отвечает научным принципам, поскольку определение любого понятия должно формулироваться путем раскрытия его содержания и существенных признаков. Относительно сущности приведенных в определениях критериев допустимости доказательства, то в целом, соглашаясь с предложенными точками зрения, считаем дискуссионной лишь позицию авторов относительно требования получения фактических данных из установленного законом источника. Источник фактических данных (сведений) не может быть установлен законом. Если речь идет о процессуальном источнике фактических данных, то есть об источнике доказательств, перечень которых действительно установлен законом (ч. 2 ст. 84 УПК Украины 2012 г., ч. 2 ст. 65 УПК Украины 1960 г.), то речь должна идти не о получении из него фактических данных, а о за-

креплении фактических данных в соответствующем процессуальном источнике, что является условием проведения процессуального действия с соблюдением установленных законом требований (процессуального порядка проведения).

Источник фактических данных (сведений), на наш взгляд, также должен оцениваться как допустимый, то есть такой, относительно использования которого уголовный процессуальный закон не содержит запретов (например, не отвечают условию допустимости такие источники сведений, как защитник, священнослужитель, врач, и т. п., предоставляющие информацию, ставшую им известной в связи с выполнением профессиональных обязанностей; свидетель, который не может пояснить первичный источник сообщаемых сведений; не является допустимым источником фактических данных анонимное письмо и т. п.) Такие предложенные критерии допустимости, как научность и моральность [12, с. 23] также поддаются обоснованной критике [2, с. 25; 18, с. 45].

Обоснованной является, на наш взгляд, позиция ученых, которые среди общепринятых критериев (условий) допустимости доказательств рассматривают заимствованное из англосакского доказательного права “правило о плодах отравленного дерева” [10, с. 58, 217-219], в соответствии с которым не является допустимым доказательство, полученное с использованием другого недопустимого доказательства.

Отдельными учеными отмечается, что это правило не является критерием допустимости доказательств, а представляет собой теоретическую конструкцию, которая применяется на практике в качестве следствия признания одного из доказательств недопустимым, причем недопустимость “последующих” доказательств является только следствием признания исходного доказательства недопустимым [16, с. 36]. Такой подход является несколько упрощенным, отображающим ситуацию удаления из уголовного производства доказательств, полученных на основании недопустимого доказательства. Однако, результаты анализа судебной следственной практики, а также анкетирования следователей ОВД, прокуроров, которые осуществляют процессуальное руководство до судебным расследованием, свидетельствуют о том, что лишь в 14% случаев признания доказательств недопустимыми сторона обвинения

признала недопустимыми и производные от “ущербного” доказательства. Поэтому, на наш взгляд, “правило о плодах отравленного дерева” следует рассматривать частным случаем установления соответствия источника фактических данных как критерия допустимости доказательства в каждом отдельном случае оценки фактических данных и их процессуальных источников.

В. А. Лазарева отстаивает точку зрения, в соответствии с которой допустимость не является свойством доказательства, она характеризует процесс, процедуру его получения органом расследования. Поэтому, на ее взгляд, правильно говорить не о допустимости доказательства, а о допустимости использования доказательства, полученных с нарушением требований закона [19, с. 188]. Аргументируя свою позицию, автор верно отмечает, что нарушение порядка осуществления следственного действия способно оказывать влияние не только на допустимость, но и на достоверность доказательства. Однако соблюдение процедуры само по себе еще не является достаточной гарантией достоверности полученных сведений и не исчерпывает все условия, при которых возможно использование доказательства [19, с. 188]. Полностью соглашаясь с вышеизложенным тезисом, считаем, что соблюдение процедуры действительно не является гарантией достоверности доказательства, однако является гарантией именно его допустимости, и, конечно, процессуальный порядок получения доказательства действительно не исчерпывает, а также не определяет порядок использования доказательства в уголовном судопроизводстве. Поэтому считаем достоверность именно внутренним свойством доказательства, которое приобретает, когда доказательство получено в предусмотренном законом порядке (форме).

Отметим также, что отдельные процессуалисты обоснованно взаимосвязывают допустимость доказательства с его процессуальной формой и указывают, что допустимость – это пригодность доказательства с точки зрения его процессуальной формы [20, с. 14; 21, с. 61; 22, с. 7]. Такая точка зрения нуждается в отдельном исследовании понятия и сущности процессуальной формы и ее соотношения с допустимостью доказательства. В пределах этой статьи лишь коротко отметим, что процессуальная форма получения доказательств регламентирована рядом

положений УПК Украины.

Так, в ч. 1 ст. 93 УПК Украины отмечено, что сбор доказательств осуществляется сторонами уголовного производства, потерпевшим, в порядке, предусмотренном кодексом. Ч. 2 и 3 ст. 93 УПК закрепляют способы сбора доказательств стороной обвинения и стороной защиты, потерпевшим, которые, несомненно, также являются субъектами доказывания, хотя и не названы в ч. 1 ст. 84 УПК Украины.

Однако, результаты научного анализа соответствующих положений действующего УПК Украины дают основания для вывода о том, что для отдельных мероприятий по получению доказательств четкой процессуальной формы не установлено. Следовательно, возможным является вывод о том, фактические данные, полученные в ходе их проведения, не могут составлять содержание доказательств, поскольку получены в порядке, не предусмотренном УПК Украины. На наш взгляд, такая ситуация является проявлением тенденции законодателя к упрощению процессуальной формы, поскольку бюрократизация и избыточная детализация УПК Украины 1960 г., а также отдельных проектов УПК признавались чуть ли не главным их недостатком. Однако, по нашему мнению, выборочное упрощение процессуальной формы отдельных процессуальных действий, в частности, в результате проведения которых может быть получено доказательство, которое наблюдается в действующем УПК Украины 2012 г., и одновременно, законодательное закрепление понятия доказательства, его допустимости, предусматривающие соблюдение процессуальной формы, являются неприемлемыми для уголовно-процессуального закона, поскольку не гарантируют получение доброкачественных доказательств.

Что же касается процессуальной формы получения доказательств стороной защиты, потерпевшим, то необходимо заметить, что их деятельность по получению доказательств практически не регламентирована уголовным процессуальным законом (исключение составляет ч. 3 ст. 93 УПК Украины, которая устанавливает перечень средств получения доказательств стороной защиты, потерпевшим). В связи с этим в литературе высказывается мысль, что из-за отсутствия процессуального порядка получения доказательств стороной защиты может ставиться под сомне-

ние их допустимость [23, с. 255].

На наш взгляд, такая точка зрения является необоснованной, поскольку отсутствие правовой процедуры получения доказательств не означает ее нарушение субъектом доказывания. Скорее должен возникать вопрос о том, являются ли фактические данные, полученные в порядке, не предусмотренном УПК, доказательствами. По нашему мнению, доказательства, полученные стороной защиты, следует считать допустимыми, если они были получены способом, предусмотренным ч. 3 ст. 93 УПК Украины с соблюдением общих принципов уголовного судопроизводства.

Следовательно, соблюдение процессуальной формы получения доказательства как установленного уголовным процессуальным законом порядка, обеспечивающего возможность проверки процесса его получения, и делает доказательство допустимым. Понятие «допустимость доказательства» и «процессуальная форма» получения доказательства соотносятся как результат деятельности и условие ее достижения.

Считаем, что критериями допустимости доказательств, полученных стороной обвинения являются: а) надлежащий субъект, б) надлежащий источник фактических данных; в) надлежащее процессуальное действие, г) соблюдение процессуального порядка его проведения (если такой установлен УПК. К примеру, в ст. 271 УПК Украины, которая регламентирует проведение такого негласного следственного (разыскного) действия, как контроль за совершением преступления, определены лишь формы его проведения, процессуальный порядок проведения не регламентирован).

Критериями допустимости доказательства, полученного стороной защиты, потерпевшим, являются 1) получение доказательства путем, указанным в ч. 3 ст. 93 УПК Украины, 2) соблюдение требований ст. ст. 87-90 УПК Украины относительно допустимости доказательств, а также общих принципов уголовного судопроизводства.

Выводы. Исходя из анализа точек зрения процессуалистов относительно понятия допустимости доказательства, а также соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства, можно сделать вывод о том, что допустимость доказательства является его свойством, отображающим соблюдение процессуальной формы его получения.

Критериями допустимости доказательства, полученного стороной обвинения, являются: а) надлежащий субъект, б) надлежащий источник фактических данных; в) надлежащее процессуальное действие, г) соблюдение процессуального порядка его проведения (если такое установлено УПК). Критериями допустимости доказательства, полученного стороной защиты, потерпевшим, являются его получение путем, указанным в ч. 3 ст. 93 УПК Украины с соблюдением требований ст. ст. 87-90 УПК Украины, а также общих принципов уголовного судопроизводства.

Также считаем, что доказательства, о которых идет речь в ч. 1 ст. 88 УПК Украины, касающиеся судимостей подозреваемого, обвиняемого или совершения ими других правонарушений, которые не являются предметом соответствующего уголовного производства, а также сведения о характере или отдельных чертах характера подозреваемого, обвиняемого, не являются недопустимыми в подтверждение виновности подозреваемого, обвиняемого в совершении уголовного правонарушения, а являются неотносимыми в таком уголовном производстве, поскольку определяющим критерием оценки в этом случае является не процесс их получения, а содержание.

Список использованной литературы:

1. Костенко Р. В. Понятие и признаки уголовно-процессуальных доказательств / Р. В. Костенко. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. – 240 с.
2. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н. М. Кипнис. – М., 1995. – 128 с.
3. Конституція України // Відомості Верховної Ради України – 1996. – № 30. – Ст. 141.
4. Кримінальний процесуальний кодекс України. Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України» станом на 25 травня 2012 року: (Відповідає офіц. текстів) – К.: Алерта, 2012. – 304 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / 2-е изд. – М., 1952. – 843 с.
6. Словник української мови в 11 томах. – Київ: «Наукова думка», 1970. – 1980. – Т. 2. – 934 с.
7. Зажицкий В. О допустимости доказательств / В. Зажицкий // Российская юстиция. – 1999. – №3. – С. 26-30.
8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М., 1968. – Т. 1. – 470 с.
9. Ляхов Ю. А. Допустимость доказа-

тельств в российском уголовном процессе / Ю. А. Ляхов. – М., 1999. – 80 с.

10. Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В. В. Золотых. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 288 с.

11. Некрасов С. В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве / С. В. Некрасов. – М.: Издательство «Экзамен», 2004. – 128 с.

12. Сибільова Н. В. Допустимість доказів у радянському кримінальному процесі / Н. В. Сибільова. – К.: НМК ВО, 1991. – 64 с.

13. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин, изд. 2-е исправл. и доп., М., «Юрид. Лит.», 1973. – 736 с.

14. Уголовный процесс: Учебник // Под ред. П. А. Лупинской и И. В. Тыричева. – М., 1992. – 568 с.

15. Погорельский М. А. Функціональне призначення оперативно-розшукової діяльності у кримінальному процесі: монографія / М. А. Погорельский. – Х.: Арсис, ЛТД, 2007. – 576 с.

16. Сулягин К. И. Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в хаде досудебного производства по уголовному делу / К. И. Сулягин. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008. – 200 с.

17. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб – 2-е изд., перераб. и доп. / Л. Н. Башкатов и др.; отв. Ред. И. Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2009. – 672 с.

18. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие / Ю. К. Орлов. – М.: «Проспект», 2000. – 144 с.

19. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практич. пособие / В. А. Лазарева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 359 с.

20. Соколов А. Процессуальный порядок признания в суде доказательств не имеющими юридической силы / А. Соколов // Российская юстиция. – 1994. – №10. – С. 14-17.

21. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М.: Издательство НОРМА, 2008. – 240 с.

22. Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г. М. Резник. – М., 1977. – 118 с.

23. Омельченко Т. В. Джерела доказів за новим кримінальним процесуальним кодексом України / Т. В. Омельченко // Докази і доказування за новим Кримінальним процесуальним кодексом України (до 75-річчя з дня народження доктора юридичних наук, професора Михайла Макаровича Михеєнка): матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 6-7 грудня 2012 р., м. Київ. – Х.: Видавель Строків Д. В., 2013. – С. 253-256.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ДОСТУПА К ВЕЩАМ И ДОКУМЕНТАМ КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ ОХРАНЯЕМОЙ ЗАКОНОМ ТАЙНЫ

В. СЛИПЧЕНКО,

начальник кафедры уголовного процесса Днепропетровского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции

SUMMARY

In this article, we investigate the possibility of practical application by the prosecution and defense temporary access to the things and documents that contain the secret, protected by law. We are considering the questions of the validity of the petitions of the prosecution and defense to have access to things and documents in the order prescribed by Art. 162 of the Criminal Procedure Code. The author carried out a systematic analysis of the legislation of the Ukraine for the regulation of existing legally protected secrets and reveals a remedial order justify access to them before the court. The relevance of this research highlights by the novelty of the institution in the criminal procedure legislation of the Ukraine, as well as by the characteristics and frequency of its use in the structure of other procedural acts aimed at collecting and verifying evidence.

Keywords: Criminal trial, temporary access to the things and documents, information, information with restricted access, types of secrets, which is protected by law, the legal mode of information.

В данной статье исследуется возможность практического применения стороной обвинения и защиты временного доступа к вещам и документам, которые содержат охраняемую законом тайну. Рассматриваются вопросы обоснованности ходатайств сторон на доступ к вещам и документам в порядке, предусмотренном ст. 162 УПК Украины. Автором проводится системный анализ законодательства Украины на предмет регламентации существующих видов охраняемых законом тайн и раскрывается процессуальный порядок обоснования доступа к ним перед судом. Актуальность исследования подчеркивается новизной указанного института в уголовно-процессуальном законодательстве Украины, а также спецификой и частотой его применения в структуре других процессуальных действий, направленных на сбор и проверку доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс, временный доступ к вещам и документам, информация, информация с ограниченным доступом, виды охраняемых законом тайн, правовой режим информации.

Постановка проблемы. Эффективность досудебного расследования напрямую зависит от оперативного, своевременного и полного сбора криминалистически значимой информации. Процессуальный порядок ее истребования, проверки и приобщения к материалам уголовного производства в определенных случаях требует своего согласования с прокурором и получения разрешения суда. Таким является и установленный с 20.11.2012 года главой 15 УПК Украины порядок временного доступа сторон обвинения и защиты к вещам и документам. Проблема применения указанного института связана с тем, что при его регламентации законодателем установлен как общий порядок обоснования временного доступа, ознакомления и изъятия вещей и документов (ст. 159), так и специальный (ст. 162), применяемый в тех случаях, когда речь идет о вещах и документах, содержащих охраняемую законом тайну.

Актуальность темы. Своевременность и необходимость указанного исследования связана с тем, что УПК Украины установил четкие требования к обоснованности получения доступа к отдельным видам информации, а особенно той, которая охраняется законом в силу ее правового режима. Одновременно следует констатировать, что порядок получения информации, предусмотренной положениями ст. 162 УПК Украины, выходит за пределы уголовно-процессуальных отношений и регламентируется также другими отраслями права. Например, порядок доступа к государственной, банковской, коммерческой, лечеб-

ной и нотариальной тайнам, тайне личной и семейной жизни и др.

Проблемы института временного доступа к вещам и документам, а также основания применения мер процессуального принуждения на досудебном и судебном этапах уголовного производства уже стали предметом научных дискуссий в трудах ученых и практиков Ю.П. Аленина, Ю.М. Грошевого, А.Н. Гумина, Н.С. Карпова, О.В. Каплиной, В.Т. Нора, Н.А. Погорецкого, О.А. Подковского, С.Р. Тагиева, Л.Д. Удаловой, Н.Е. Шумило и др. Однако процессуальный порядок получения временного доступа к вещам и документам, которые со-

держат охраняемую законом тайну, остается малоисследованным и требует своего освещения с целью решения существующих проблем его применения.

Также следует констатировать, что по количеству полученных разрешений на проведение временного доступа к вещам и документам указанное процессуальное действие в несколько раз превышает количество обысков и негласных следственных (розыскных) действий. Так, по данным Генеральной прокуратуры Украины, в период с 20.11.2012 по 15.09.2013 года получено постановление следственных судей на проведение 118 796 временных доступов к вещам и документам из поданных 126 901 ходатайств; 30 911 обысков из поданных 33 909; 59 910 негласных следственных (розыскных) действий из поданных 64 869, соответственно [1]. В связи с чем по количеству проводимых в этом плане мероприятий его вполне заслуженно можно поставить на третье место после допросов и осмотров места происшествия.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о повышенной актуальности избранной темы и необходимости ее комплексного исследования.

Целью статьи является характеристика существующего порядка

применения временного доступа к вещам и документам как способа раскрытия охраняемой законом тайны в структуре процессуальных действий, направленных на сбор и проверку доказательств.

Изложение основного материала исследования. Необходимость получения постановления суда на проведение временного доступа к вещам и документам может возникнуть как в силу прямого указания обстоятельств совершенного преступления, так и в связи с необходимостью проверки выдвигаемых следственных версий как стороной обвинения, так и защиты. Указанные нами два основания доступа требуют четкой мотивировки в подаваемом ходатайстве и должны быть достаточно обоснованы перед судом в силу действия принципа состязательности сторон и требований ч. 2 ст. 160 УПК Украины.

Изучение материалов следственно-судебной практики, а также системный анализ главы 15 УПК Украины, в контексте регламентации общего порядка применения мер обеспечения уголовного производства в разделе 2 УПК Украины, свидетельствует о том, что законодателем установлены *общий и специальный* порядок обоснования временного доступа сторон к вещам и документам. Так, общий порядок обоснования доступа регламентирован в ст. 159 и ст. 160 УПК Украины и включает в себя обязательное указание в ходатайстве на: перечень вещей или документов, к которым необходимо получить доступ; основания считать, что запрашиваемые вещи или документы находятся у конкретного лица; значение вещей или документов для уголовного производства, согласно ст. 91 УПК Украины; процессуальная возможность их использования в качестве доказательств, в силу требований ст. 84, ст. 98 и ст. 99 УПК Украины. Кроме того указанные в ходатайстве данные должны подтверждать факт совершения преступления, степень его тяжести и соизмеримости с запрашиваемыми мерами, а также краткое изложение обстоятельств дела с указанием на существование потребностей досудебного расследования в таком доступе. К требованиям специального порядка, согласно положений ст. 162, п. 6 ч. 2 ст. 160 и ч. 6 ст. 163 УПК Украины, следует отнести четкое указание в ходатайстве на существование нормативно-правового основания

для получения доступа к данному виду информации/сведений, а также аргументацию невозможности иным способом установить имеющее значение для досудебного расследования обстоятельство.

В случае постановки перед следственным судьей (судом) вопроса об изъятии вещей и документов, которые содержат охраняемую законом тайну, необходимо конкретно аргументировать недостаточность получения их копий, например, для проведения почерковедческой или судебно-бухгалтерской экспертизы.

Следует констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство других государств намного уже регламентирует требования к обоснованию необходимости получения доступа к охраняемой законом тайне. Так, ч. 3 ст. 183 УПК РФ указывает лишь на то, что выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ [2]. В указанной статье регламентирован судебный порядок получения разрешения на производство отдельных видов следственных действий и порядок рассмотрения ходатайства в суде. УПК Молдовы в ч. 2 ст. 126 только устанавливает требование, согласно которому выемка документов, содержащих сведения, составляющие государственную, коммерческую, банковскую тайну, а также информации о телефонных переговорах производится только с санкции судьи по уголовному преследованию [3]. Нечеткость регламентации указанного порядка была характерна и для УПК Украины 1960 года.

Согласно УПК Украины № 4651-VI от 13.04.2012, семь из десяти¹ видов мер процессуального принуждения, указанных в ч. 2 ст. 131, за исключением вызова следователем, прокурором (ст. 133), временного изъятия имущества (глава 16, ч. 7 ст. 236 и ч. 7 ст. 237) и задержания лица сроком до 72 часов (ст. 207-211), применяются на основании постановления следственного судьи или суда (ч. 1 ст. 132) [4]. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что УПК Украины на

сегодняшний момент является самым прогрессивным процессуальным законом Европы.

В связи с этим аргументация необходимости получения доступа к вещам и документам, которые содержат охраняемую законом тайну, в ходатайстве следователя (прокурора) или стороны защиты, кроме прочего, должна носить характер соизмеримости с тяжестью совершенного преступления, реальными потребностями досудебного расследования и подтверждаться невозможностью сбора/проверки доказательств другим способом. Такая повышенная требовательность к ходатайству следователя (прокурора) и стороны защиты связана с тем, что получение временного доступа к охраняемой законом тайне, а соответственно ее раскрытие в интересах досудебного расследования позволяет вторгнуться в сферу частной и личной жизни человека, его профессиональной и творческой деятельности, то есть перечня тех прав и благ, что так тщательно охраняются не только законами нашего государства, но и международными актами.

Таким образом, при планировании досудебного расследования и проведении процессуальных действий, направленных на сбор и проверку доказательств, следователь и прокурор должны учитывать существующий правовой режим информации, содержащейся в запрашиваемых документах и других источниках. Для этого необходимо осознавать, что, согласно ч. 1 ст. 20 Закона Украины «Об информации», по своему правовому режиму и порядку доступа вся информация в Украине делится на две группы: *открытую информацию и с ограниченным доступом*. Ко второй группе относится *конфиденциальная, тайная и служебная информация* (ч. 1 ст. 21 указанного Закона). На основании существующей классификации видов информации можно констатировать, что ст. 162 УПК Украины, несмотря на свое название, а именно «Вещи и документы, которые содержат охраняемую законом тайну», в самом содержании нормы выходит за рамки предмета регулирования и охватывает не только «охраняемую законом тайну», но и большинство других видов информации с ограниченным доступом. Указанное несоответствие названия статьи ее содержанию требует отдельного научного анализа и выходит за границы

предмета нашего исследования. Мы сосредоточим свое внимание лишь на процессуальных возможностях применения временного доступа к вещам и документам как способа раскрытия охраняемой законом тайны.

Исходя из положений ст. 162 УПК Украины, при составлении ходатайства как стороной обвинения, так и защиты необходимо учитывать следующие виды охраняемых законом тайн/информации, порядок доступа к которым может быть разрешен на основании постановления следственного судьи (суда) при достаточном нормативно-правовом обосновании ее раскрытия, а именно:

- в соответствии с ч. 3 ст. 25 Закона Украины «Об информации», журналист имеет право не раскрывать источник информации или информацию, которая позволяет установить источники информации, кроме случаев, когда его обязали к этому решением суда [5];

- в соответствии с ч. 1 ст. 40 «Основ законодательства Украины о здравоохранении», медицинские работники и другие лица, которым в связи с выполнением профессиональных или служебных обязанностей стало известно о болезни, медицинском обследовании, осмотре и их результатах, интимной и семейной стороне жизни гражданина, не имеют права разглашать эти сведения, кроме предусмотренных законодательными актами случаев [6];

- в соответствии с ч. 1 ст. 8 Закона Украины «О нотариате», совокупность сведений, полученных при совершении нотариального действия или обращения к нотариусу заинтересованного лица, в том числе о личности, имуществе, личных имущественных и неимущественных права и обязанностях и т.д., составляет нотариальную тайну [7];

- согласно ст. 505 Гражданского кодекса Украины, к коммерческой тайне относится информация, которая является секретной в том смысле, что она в целом или в определенной форме или совокупности ее составляющих является неизвестной и не является легкодоступной для лиц, которые обычно имеют дело с видом информации, к которому она принадлежит, в связи с этим имеет коммерческую ценность и была предметом адекватных существующим обстоятельствам мер по сохранению ее секретности, принятых

лицом, законно контролирующим эту информацию. Коммерческой тайной также могут быть сведения технического, организационного, коммерческого, производственного и другого характера, за исключением тех, которые в соответствии с законом не могут быть отнесены к коммерческой тайне [8]. Например, постановление Кабинета Министров Украины № 611 от 09.09.1993 г. «О перечне сведений, которые не составляют коммерческой тайны» [9]. К ним относятся учредительные документы, документы, разрешающие заниматься предпринимательской или хозяйственной деятельностью и ее отдельными видами; информация по всем установленным формам государственной отчетности; данные, необходимые для проверки исчисления и уплаты налогов и других обязательных платежей; сведения о численности и составе работающих, их заработной плате в целом и по профессиям и должностям, а также наличие свободных рабочих мест; документы об уплате налогов и обязательных платежей; документы о платежеспособности и др.

- в соответствии с ч. 2 ст. 21 Закона Украины «Об информации», конфиденциальной является информация о физическом лице, а также информация, доступ к которой ограничен физическим или юридическим лицом, кроме субъектов властных полномочий [5];

- в соответствии с ч. 1 ст. 60 Закона Украины «О банках и банковской деятельности», информация относительно деятельности и финансового состояния клиента, которая стала известна банку в процессе обслуживания клиента и взаимоотношений с ним или третьим лицам при предоставлении услуг банка, является банковской тайной. Согласно ч. 2 ст. 60 указанного Закона, к ней относятся: сведения о банковских счетах клиентов, в том числе корреспондентские счета банков в Национальном банке Украины; операции, проведенные в пользу или по поручению клиента, осуществленные им сделки; финансово-экономическое состояние клиентов; информация об организационно-правовой структуре юридического лица - клиента, его руководителях, направлениях деятельности; сведения о коммерческой деятельности клиентов или коммерческой тайны, любого проекта, изобретений, образцов продукции и другая коммерческая информация и др. [10];

- Конституция Украины в ч. 1 ст. 32 гарантирует каждому запрет на вмешательства в его личную и семейную жизнь, обеспечивает соблюдение тайны переписки, телефонных разговоров, телеграфной и другой корреспонденции (ст. 31); запрет сбора, хранения, использования и распространения конфиденциальной информации о лице без его согласия (ч. 2 ст. 32);

- в соответствии с ч. 1 ст. 9 Закона Украины «О телекоммуникациях», охрана тайны телефонных разговоров, телеграфной или другой корреспонденции, передаваемой техническими средствами телекоммуникаций, и информационная безопасность телекоммуникационных сетей гарантируются Конституцией и законами Украины [11];

- основания, порядок доступа и использования персональных данных о лице или получения информации из существующих баз персональных данных определяется Законом Украины «О защите персональных данных» и другими нормативно-правовыми актами. К таким данным относятся сведения или совокупность сведений о физическом лице, которые позволяют его идентифицировать (ст. 2 указанного Закона) [12];

- согласно ст. 1 Закона Украины «О государственной тайне», государственной тайной считается вид секретной информации, которая охватывает сведения в сфере обороны, экономики, науки и техники, внешних отношений, государственной безопасности и охраны правопорядка, разглашение которых может нанести ущерб национальной безопасности Украины [13]. Единственным общегосударственным классификатором таких сведений является Свод сведений, составляющих государственную тайну [14].

Следует также учитывать, что кроме приведенных законодательных актов, при обосновании ходатайства стороной обвинения или защиты целесообразно учитывать положения приказов, распоряжений и инструкций органов государственной власти и управления, которые более детально регламентируют порядок хранения, использования и раскрытия отдельного вида охраняемой законом тайны. Например, постановление Национального банка Украины № 267 от 14.07.2006 г. «Об утверждении Правил хранения, защиты, использования и раскрытия банковской тайны» [15], Инструк-

ция о порядке совершения нотариальных действий нотариусами Украины, утвержденная приказом Министерства юстиции Украины № 296/5 от 22.02.2012 г. [16], и др.

Кроме того, согласно абз. 2 ч. 6 ст. 163 УПК Украины, доступ к вещам и документам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, не может предоставляться лицу, не имеющему к ней допуска в соответствии с требованиями Закона Украины «О государственной тайне». Во всех остальных случаях правовые основания, порядок, сроки и границы доступа к охраняемой законом тайне во время проведения временного доступа к вещам и документам указывается в постановлении следственного судьи (суда).

Выводы. Как видно из вышесказанного, законодателем установлен специальный порядок обоснования перед следственным судьей целесообразности проведения временного доступа к вещам и документам, когда они содержат охраняемую законом тайну. В связи с этим в ходатайстве стороны обвинения или защиты, кроме прочего, должны найти свое отражение такие обстоятельства, как: перечень вещей и документов, к которым запрашивается доступ; основания считать, что вещи или документы находятся у конкретного физического или юридического лица; значение запрашиваемых вещей и документов для уголовного производства; процессуальная возможность или необходимость их использования в качестве доказательств; существование нормативно-правовых оснований для получения доступа к данному виду охраняемой законом информации; невозможность иным способом доказать имеющие значение для конкретного досудебного расследования обстоятельства.

Раскрытие и обоснование существующего процессуального порядка применения временного доступа к вещам и документам, которые содержат охраняемую законом тайну, не решает всех существующих проблем правоприменительной практики указанного института, а, в свою очередь, требует продолжения научных исследований в таких направлениях, как обоснованность и мотивированность судебного решения о предоставлении временного доступа к вещам и документам в порядке, предусмотренном ст. 162 УПК Украины, особенности апел-

ляционного порядка обжалования временного доступа к вещам и документам, содержащим охраняемую законом тайну: тактические особенности проведения обыска по результатам невыполнения постановления следственного судьи о доступе к вещам и документам, содержащим охраняемую законом тайну, процедурные возможности доступа сторон к материалам, содержащим охраняемую законом тайну.

Список использованной литературы:

1. Практика застосування нового КПК України станом на 15.09.2013 року: підготовлена Генеральною прокуратурою України для проведення міжнародної науково-практичної конференції 30 жовтня 2013 року на тему «Кримінальний процесуальний кодекс України: практика застосування та перспективи розвитку» // Веб-сайт офісу Ради Європи в Україні [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.coe.kiev.ua/news/2013/11/13-11-13-ua.html>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года. [Электронный ресурс]. Режим доступу: <http://base.garant.ru/12125178>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова №122-XV от 14 марта 2003 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступу: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3833
4. Кримінальний процесуальний кодекс України: прийнятий Верховною Радою України 13 квітня 2012 року № 4651-VI // [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>
5. Про інформацію: Закон України від 02 жовтня 1992 року № 2657-XII // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2657-12>
6. Основи законодавства України про охорону здоров'я: Закон України від 19 листопада 1992 року № 2801-XII // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2801-12>
7. Про нотаріат: Закон України від 02 вересня 1993 року № 3425-XII // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3425-12>
8. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 року № 435-IV // Офіційний

сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/435-15>

9. Про перелік відомостей, що не становлять комерційної таємниці: постанова Кабінету міністрів України № 611 від 09.09.1993 р. // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/611-93-%D0%BF>

10. Про банки і банківську діяльність: Закон України від 07 грудня 2000 року № 2121-III // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2121-14>

11. Про телекомунікації: Закон України від 18 листопада 2003 року № 1280-IV // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1280-15>

12. Про захист персональних даних: Закон України від 01 червня 2010 року № 2297-VI // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2297-17>

13. Про державну таємницю: Закон України від 21 січня 1994 року № 3855-XII // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3855-12>

14. Звід відомостей, що становлять державну таємницю: затверджений Наказом Служби безпеки України від 12 серпня 2005 року № 440 // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0902-05>

15. Правила зберігання, захисту, використання та розкриття банківської таємниці: затверджені постановою Національного банку України від 14 липня 2006 року №267 // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0935-06>

16. Інструкція про порядок вчинення нотаріальних дій нотаріусами України: затверджена наказом Міністерства юстиції України № 296/5 від 22 лютого 2012 р. // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0282-12>

¹ Норма части второй ст. 131 УПК Украины указывает на девять пунктов, но в первом пункте речь идет о применении двух разных мер процессуального принуждения «вызова» и «привода».

ПЛЕБСОЛОГИЧЕСКОЕ, КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА В УКРАИНЕ

Н. СКРЫГОНЮК,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

SUMMARY

Mass riots in the historical era of in Ukraine are being studied in the article in a format of plebsology as in a new philosophic legal one. The facts of mass riots in the period of the specified socio-economic epoch are thoroughly accumulated in details and some plebsological conformities to natural laws for peasantry mass behavior in the struggle for their innately social rights are impartially distinguished in the proper legal standard. The proneness to conflict for relationship between a peasant and a power in a period of feudalism basically has purely a plebsologic nature; moreover, in some cases it can be developed at the modern level.

Keywords: plebsology, legal philosophy, mass riots, feudalism.

В статье плебсологическое, как новый философско-правовой формат, исследуются массовые беспорядки исторической эпохи феодализма в Украине. В период указанной общественно-экономической эпохи всесторонне анализируются события массовых беспорядков и на должном научном уровне объективно выделяются плебсологические закономерности массового поведения крестьянства в борьбе за свои естественно-социальные права. Конфликтность отношений крестьянина с государством в период феодализма в своей основе имеет сугубо плебсологический характер, а в некоторых измерениях может проявляться и на современном уровне.

Ключевые слова: плебсология, философия права, массовые беспорядки, феодализм.

Постановка проблемы. Известно, что плебсология (лат. plebs – народ, толпа, гр. logos – учение) сегодня – это философско-правовое учение [2], отдельное направление философии права [6] и междотраслевая гуманитарно-правовая наука [1]. Сущность плебсологической оценки массовых беспорядков эпохи феодализма в Украине предусматривает, что предметом данного исследования фактически есть противоречия естественно-правового и социально-правового характера, которые возникли между человеком и государством в момент начала государственности и не потеряли своей актуальности и сейчас. И это потому, что массовые беспорядки постоянно сопровождают человечество, и указанный исторический процесс сегодня в условиях обновленного государственно-правового строительства в Украине приобретает плебсологическое, как нового философско-правового содержания. Это непосредственно касается и такой классово-антагонистической, общественно-экономической формации как феодализм (от лат. feodum – поместье).

Актуальность темы предложенного научного исследования заключается в том, что массовое поведение крестьянства в конфликтных ситуациях с государством в период исторической эпохи феодализма имела отрицательный, солидарный характер, а её закономерности наделяны четким природно-социальным содержанием, а следовательно в отдельных случаях могут проявляться и на современном этапе государственно-правового строительства в Украине.

Научных исследований по тематике плебсологическое, как философско-правовая оценка массовых беспорядков эпохи феодализма в Украине по объективным причинам, к сожалению, никто не проводил, а потому соответствующие материалы отсутствуют.

Целью статьи является анализ

массовых беспорядков эпохи феодализма в Украине в разрезе новой философско-правовой оценки – плебсологическое.

Изложение основного материала исследования. Традиционно так сложилось, что из философских подходов феодализм интерпретировался как целое, компоненты которого составляли объемный научный массив [7, С. 720]. С философско-правовой точки зрения, вся система социального бытия эпохи феодализма целесообразно классифицировать по признакам: 1) экономического направления (способ хозяйствования); 2) политико-правового направления (структура земельной собственности, отношения взаимности как зависимости, политическое господство военных сотанов структурированных в иерархию); 3) духовно-конфессионального те-

чения (религия – доминатор науки и светской, нецерковной жизни). В указанных пределах данной формы концентрировались проблемы той же философии, права, политики, морали, образования, искусства, литературы и др.

Основой феодализма является собственность феодала (помещика) на землю и личная зависимость от него крестьян (крепостных), работающих на его земле, которые ведут мелкое индивидуальное хозяйство. За пользование наделами крестьянин был обязан на кабальных условиях обрабатывать землю помещика. В период формации феодализма доминировало натуральное хозяйство с низким уровнем развития производительных сил и общественного разделения труда. Имела место система мелкого крестьянского землепользования и крупного феодального землевладения. Фактически на собственном труде крестьян и ремесленников создавалась их единоличная собственность – продукты частного хозяйства и орудия труда. В создании материальных благ, культурного, социально-политического развития общества большое значение имело крестьянство, как то, что непосредственно связано с сельскохозяйственным производством. Правовое положение крестьянства зависело от феодалов и, как правило, приобретало состояния рабства. Это вполне закономерно приводило к тому, что между феодалами и крестьянством систематически имело место плебсологическое напряжение, которое трансформировалось в массовые

беспорядки, а затем – в мощные восстания. С плебсологического мировоззрения всю сферу данных общественных отношений целесообразно градуировать на «вертикальные» и «горизонтальные». Что касается последних, то они в обычных социальных условиях отражались благодаря правовым отношениям, регулирующих производственную и торговую деятельность людей в государстве, организовались на основе корпоративности, по общности интересов. В частности, ремесленники близкой или одной специальности объединялись в цехи. Это касается и церковно-хозяйственных организаций: усадеб, поместий, сел, хуторов, монастырей, основу которых составляли религиозные общины монахов или монахинь из принадлежащими им землями и капиталом.

Горизонтальность данных общественных и правовых отношений предопределяла, с одной стороны, внутреннюю закономерность однотипности взглядов их участников на мир как определенной совокупности умозаключений, но с другой стороны, такие отношения не совпадали с действующими в государстве стандартами норм поведения как социальными ценностями. Данное обстоятельство обеспечивало расширение формата массовых беспорядков, которые просматривались и были близкими простому народу по мотивационным причинам. Ведь образцом жизнедеятельности украинского простого народа всегда было казачество как воля. Поэтому право бунтовать, восставать считалось в Украине обычным делом. Однако для большинства народных масс это частично приводило к ослаблению репрессий от властных институтов, то есть определенного взаимодействия лица, толпы, общества – с одной стороны, и государством – с другой. Массовые беспорядки эпохи феодализма имели характерные особенности, которые были присущи всем нациям и народам. Украинские народные массы, как мелкие сельскохозяйственные производители, проявляли большое недовольство своим социально-правовым положением. Бремя психологического и экономического принуждения на временно надельной земле особо сказывалось.

Плебсологическая сущность указанного принуждения для крестьянина, его нелегких обязанностей – очевидна. Противостояние добра простого народа (его стремление

к свободе, справедливости, чести, достоинству) и зла (декларируемого государственной властью, неволе, жестокости, гневу) – вечное, как мир, а в особо выраженных формах олицетворено данное явление в эпосе феодализма. В рамках украинских земель период феодализма охватывается во временной продолжительности еще перед тем, как была принята христианская вера. Закончился же он в конце XIX в. Истоки крепостного права у восточных славян начинались с периода Киевской Руси. Относительно земель Украины, то закрепощения её крестьянства осуществлялось по принципу региональности. Так, на землях, оккупированных Литвой, закрепощение крестьян началось с 1447 г., на Закарпатье – в начале XVI в. Закрепощение крестьян Слободской и Левобережной Украины, как юридический факт, состоялось в соответствии с царского указа от 14 мая 1783 года [5, С. 198]. Поэтому именно под таким углом зрения желательно вести полемику о плебсологическом содержании массовых беспорядков эпохи феодализма в Украине.

В несвободной среде крестьянства всегда находился тот, кто своими действиями влиял на скопление людей, побуждал их к тому, чтобы действовать по собственному усмотрению, несмотря на действующие правовые ограничения. Стремление крестьянина к личной свободе закономерно вызвало его самоуправство, своеволие, которые реализовывались, как правило, в форме массового произвола. И это потому, что у человека, незаконно лишено государственной властью его естественного права свободы, возникло личное понимание справедливости, которое формировалось на протяжении длительного периода, а реализовалось в конкретной ситуации места и времени. Склонность человека к бунту в обычных жизненных обстоятельствах феодализма интерпретируется в форме его неповиновения естественным и социальным условиям и обстоятельствам – строптивости, нежеланием слушать кого-то, а действовать в соответствии со сложившейся ситуацией. Сила психологического неповиновения лица существенно увеличивается в условиях общины, тем более толпы, человеческой массы. Склонность человека к бунту в условиях феодального строя, как система психологических призна-

ков, характеризуется нежеланием, отказом подчиняться представителю власти. Предпочтение к бунтарству формируется благодаря совокупности душевных признаков человека, которые заложены в его темпераменте, характере и проявляются в его действиях. Образ крестьянина – бунтаря в лице Николая Джерри удачно и литературно изобразил в социально-экономический период крепостнической и пореформенной украинской действительности в 1875 году писатель демократического направления – Нечуй-Левицкий, в одноименной повести «Николай Джеря». Автор точно раскрыл сущность процесса промышленной плебсологизации крестьянства, а его плебсологический характер имел несколько усложненную структуру. Наделены от природы признаками лидерства в конкретных условиях неволи крестьяне – бунтари побуждали своими поступками, а также словесно, других крестьян к борьбе с несправедливостью. Ведь каждый должен осознавал значение свободы для себя, своей семьи, односельчан, потому постоянно стремился быть свободным. Тот же Николай Джеря сначала организовал среди односельчан бунт, а затем бежал от господина. Побег он повторил также из другого места своей работы. Государственная же власть, в свою очередь, преследовала свободолюбивых крестьян, их приговаривали к лишению свободы, обязывали к рекрутской повинности в регулярной русской армии и военном флоте. Стремление простонародья к свободе жестоко каралось властями. Ведь, феодализм – это общественно-экономическая формация, заменившая рабовладельческий или первобытнообщинный строй и которая предшествовала капитализму, а потому, как любая другая историческая эпоха, способствовала творению для каждой нации, народа, их элиты – ведущей социальной группы, особых политических доктрин. Сущность соответствующих теорий состояла в том, что сначала национальная и социальная элиты имели привилегированные права на уровне обычаев. Впоследствии указанные права нормировались государством и набирали материальную и процессуальную формы – законов. Законодатель вынужден был констатировать также и сведенные к малейшему юридическим пределам права крестьянства. Со временем, при разных обстоятельствах, права простого на-

рода, национальной и социальной элиты отменялись, что, конечно же, приводило к массовым беспорядкам. По своей плебсологической природе такие выступления, как правило, возбуждались в условиях толпы, дальше они либо завершались, либо протекали в форме массовых беспорядков и лишь затем, при определенных условиях, могли перерасти в восстание. Вместе с тем известно, что и восстания иногда являются заранее организованными, в том числе типа самоорганизации. Классическим примером восстания является Турбаивское восстание (1789-1793 гг.) Поводом к Турбаивскому восстанию была неудачная попытка местных крестьян путем обращения в соответствующие инстанции царской Российской империи добиться освобождения от крепостной зависимости. Крестьяне отказались отбывать барщину, создали сельское самоуправление. Восставшие, будучи возмущены отказом чиновников записать их в казаки, 19 июня 1789 года убили помещиков Базилевских. Четыре года турбаивцы все общественные дела решали на своем собрании, а исполнительную власть в селе осуществляли избирательные атамань, судья, писарь. Под влиянием Турбаивского восстания выступили также жители сел Крынок, Остапье, Очеретоватого. В июне 1793 года Турбаивское восстание было подавлено. Данное восстание считается самым значительным антифеодальным крестьянским беспорядком в Украине во второй половине XVIII в. Плебсологическая оценка Турбаивского восстания дает возможность увидеть источники настоящего естественного права: человека, нации на свободу; общины на самоуправление. Плебсологический анализ помогает сделать вывод, что крупные восстания в период феодального строя провоцировали локальные, массовые беспорядки. Значительное количество массовых беспорядков произошло на Правобережной Украине в период большого национально-освободительного феодального восстания против польско-шляхетского гнета, 1650-1660 г. XVII в., которое называют Коловщиной. Массовые беспорядки охватили Киевщину, Брацлавщину, Подолье, Волинь, Галичину, Прикарпатье. События Коловщины имели объективно существующую связь с последующим Гайдамацким движением в Украине. Во времена Коловщины и Гайдамацкого движения крестьянские волнения произошли в 1734

году, 1768 году в селе Турбов (в 25 км к Юго-востоку от Винницы). Указанные события, как и другие массовые беспорядки существенно ослабили барскую Польшу, которая доживала последние десятилетия своего государственного существования. Фактически же, польское государство прекратило существование в 1795 г., а через некоторое время в 1793 году Правобережная Украина была насильственно присоединена к России. Массовые беспорядки крестьянства сопровождалась произволом крестьянских толп, а со временем приобрели историческое содержание. Плебсологическая оценка данной проблемы – трёхаспектное направление. Во-первых, любые массовые социальные события, в том числе восстания, могут быть прогнозируемыми. Во-вторых, массовым беспорядкам, как и восстаниям, на момент их протекания может быть дана объективная плебсологическая оценка. В-третьих, каждое негативное и позитивное событие в социуме с участием человеческих масс приобретает настоящее плебсологическое осмысление лишь со временем.

Борьба крестьянства за освобождение от крепостничества продолжалась систематически во всех регионах Украины, даже во времена тотальной деспотии. Борьба за освобождение от крепостничества сопровождалась и локальными массовыми беспорядками. Основная причина совершения произвола в селах и поселках Украины неорганизованными и самоорганизованными скоплениями крестьян, действовавших в форме толп, это то, что они ощущали моральную поддержку того или иного повстанческого закона. Отмена в Российской империи в 1861 году крепостного права было обусловлено двумя основными причинами.

Первая – крепостничество существенно тормозило развитие промышленности и сельского хозяйства. В результате Российская империя среди государств Европы находилась на одном из последних мест. И это потому, что подневольный труд характеризовалась малой производительностью. Однако товарно-капиталистические отношения постепенно, но уверенно и неотвратимо реорганизовали социальное бытие центра государства и его окрестностей. В обществе происходило серьезное обострение противоречий.

Так, вторая причина отмены крепостного права имела политическую природу. В регионах постоянно воз-

никали и происходили стихийные крестьянские волнения, которые иногда приобретали форму кратковременных локальных, обособленных, партизанских войн, повстанческих движений. Здесь интересна для периода феодализма в Украине проблема казачества. Ведь в Украине XV-XVIII вв. казаком считался свободный человек из крепостных крестьян или городской бедноты, который убежал в южные земли и участвовал в освободительной борьбе против татаро-турецких и польских захватчиков. Казаком также считался потомок такого человека [3, С. 855]. Возникновение же казачества связано с ростом феодальной эксплуатации украинского простого народа Польско-Литовским государством, усилением национального и регионального гнета. Плебсологические постижения времен казачества позволяет резюмировать, что воля украинского народа в указанный период – это результат его умственного поведения: «принятие решения о победе из крепостной зависимости» и непосредственно само бегство к казакам, обучение и организованная борьба за свою свободу и свободу других, а следовательно, свободу Украины.

Исторически так сложилось, что в том или ином крае Украины повстанческие крестьянские движения имели свои характерные свойства. Например, повстанческое крестьянское антифеодальное движение начали в XVI в. повстанцы – крестьяне в Галичине, Закарпатье, Буковине, как участники национально-освободительной борьбы против феодально-крепостнического гнета польской и украинской шляхты, австрийских, венгерских и молдавских помещиков. Партизаны действовали до первой половины XIX в. Впервые о повстанцах упоминается в документах 1529 года. Наивысшего подъема их движение достигло в 30-40-х гг. XVIII в. под руководством А.В. Довбуша (1700-1745 гг.), отряд которого действовал в количестве около 50 человек. Захваченное у арендаторов, ростовщиков, купцов и сельских богачей имущество А.В. Довбуш раздавал беднякам [4, С.265]. Деятельность повстанцев по своему плебсологическому содержанию имела характер справедливости, хотя и реализовалась за счет насилия, хитрости и надлежавшей организации. С позиции действующего законодательства деятельность повстанцев была незаконной. Однако участни-

ки указанных отрядов считали, что их действия соответствуют обычаям, морально-этическим нормам, стремлением простого народа, воли и справедливости. Аналогичным плембологическим содержанием отмечается по своей сути повстанческое крестьянское движение против крепостничества, имевшего место на Подолье в первой половине XIX в. под руководством поистине народного героя У.Я. Кармелюка (1787-1835 гг.). Впоследствии указанное повстанческое движение распространилось на Киевщину и Бессарабию. Впрочем, анархическое передвижение небольших отрядов народных мстителей безжалостно преследовалось властями, а потому имело в основном фрагментарно-местную тенденцию.

После отмены в 1861 году крепостного права в Российской империи, в составе которой на правах колонии находилась Украина, процесс бунтания народных масс на непродолжительное время несколько приостановился. Крестьяне Украины быстро поняли, что в очередной раз власть поступила нечестно. Правда благодаря реформе крестьяне получили личную свободу и право свободно распоряжаться своим имуществом. Впрочем, реформа не удовлетворила в полной мере интересов крестьян Украины. Ведь 28% до реформенного наделного владения крестьян (1 млн. дес. земли) отошло помещикам. Недовольство крестьян перерастало в массовые беспорядки. Всего в Украине в 60-х годах XIX в. произошло почти 3,1 тыс. крестьянских выступлений, охвативших более 2 млн. человек из 4160 сел. В связи с усилением феодального гнета антифеодальные восстания распространялись также и в государствах Европы. Например, в 1524-1526 гг. имела место крестьянская война в Германии – антифеодальное восстание крестьян, поддержанное частью радикального бюргерства и простого народа.

Крестьянские войны эпохи феодализма (восстания) были также в Китае (1628-1645 гг.), России (под руководством: С.Т. Разина (1667-1671 гг.), А.И. Пугачева (1773-1775 гг.), другие (1603 г., 1604 г., 1606-1607 гг., 1610 г.) и других государствах. Массовое крестьянское недовольство пребыванием в крепостничестве существенно способствовало национально-освободительной борьбе украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого 1648-1654

гг., что стало по сути зарождением украинской государственности. Правда главной движущей силой народных восстаний в Украине было казачество. И впоследствии Украину частями полностью оккупировали, а её народ закрепостили. Крепостные крестьяне Украины постигали своим умом смысл свободы и неволи, анализировали воспоминания живых свидетелей, а позже – услышали повествования, в которых своими словами, словами-диалектами излагались легендарные события прошлого о борьбе за ограничение привилегий и против крепостничества. Некоторые крестьяне сравнивали своё настоящее нищенское порабощение с бывшими фактами, как невыдуманными событиями, и приходили к окончательному логическому итогу, что человек имеет право на свободу и волю, которые можно достичь благодаря побегу, выкупу, дарованию. Следует отметить, что как раз на подстенках переводов Т.Г. Шевченко написал поэму «Гайдамаки», а сам он, кстати, был выкуплен из крепостничества.

Плембологическое напряжение в государстве, сопровождаемое массовыми беспорядками, восстаниями, закономерно приводило к постепенным положительным последствиям для простого народа. Законодатель был вынужден проводить реформы. Так, в 1848 году во время революции в Австрии правительство издало закон об отмене крепостного права, в том числе в Галичине, на Буковине, в Закарпатье и Восточной Галичине. Например, во время революции 1848-1849 гг. в Австрии, на Буковине произошло одно из крупнейших антикрепостнических выступлений крестьян, которое возглавил крепостной – Лукьян Кобылица. Он в 1843-1844 гг. возглавлял крестьянские выступления 16 сел, а в ходе революционных событий в Австрии крестьяне избрали его в австрийский парламент. С плембологических взглядов обозначенное возможно интерпретировать так: естественное право человека, нации может быть совершенным, если за него организовано борется человеческая масса. А бороться стоит. Так, промежуток времени феодальной эпохи в истерзанной Украине характеризуется очень большим количеством массовых беспорядков; действующая государственная власть квалифицировала их как преступления и применяла надлежащие, на её взгляд, контрмеры. Бунтовали жители сел, поселков

и городов. Крепостничество, как национально-социальное иго, замедляло естественное развитие украинского общества, а потому осуждалось передовыми его светилами. Против закрепощения украинского крестьянства выступали писатели Стефан Зизаний (1570-1600 гг.), В.В. Капнист (1758-1823 гг.), поэт и философ Г.С. Сковорода (1722-1794 гг.) и другие. Со временем идея антикрепостничества получила широкое признание в кругу интеллигенции. В частности, в декабре 1845 года – январе 1846 года по инициативе М.И. Гулака, М.И. Костомарова, В.М. Белозерского в Киеве была создана тайная политическая антикрепостническая организация – Кирилло-Мефодиевское общество. Традиционно считается, что участники общества размежевались в двух направлениях политической борьбы: либерально-буржуазном (М.И. Костомаров, В. Белозерский, А.В. Маркович, А.Д. Тулуб, Д.П. Пильчиков, М.И. Савич, П.А. Кулиш) и революционно-демократическом (Т.Г. Шевченко, И. Гулак, А.А. Нарвочкий, И.Я. Посяда, Г.Л. Андрусский). Как бы то ни было, но в марте 1847 года власти запретили Кирилло-Мефодиевское общество, а его участников привлекли к ответственности. Впрочем, кроме массовых беспорядков в украинской крестьянской среде имела значительный вес общая преступность, как система общественно опасных, порочащих действий, наносящих существенный ущерб конкретному человеку и обществу. Феодальный строй в Украине, а следовательно, феодальные отношения постепенно вытесняются капиталистической общественно-экономической формацией, источником которой является частная собственность на средства производства и капитал, как эксплуататор наемного труда. Одновременно законодатель превращает также и землю в товар. Однако любой политико-исторической эпохе в пределах соответствующего общественно-экономического строя присущи свои внутренние и внешние плембологические процессы. При надлежащих условиях и обстоятельствах участники данных процессов – нации, народы – возмущаются, совершая массовые беспорядки. Стихийные восстания, когда нации и народы проявляют большое недовольство, раздражение, беспокойство, закономерно повторяются через определенные промежутки времени. Указанная периодичность зависит от уровня тех социальных факторов, ко-

торые побуждают участников плебсологических процессов к массовому бунтарству. Правда формы и формат таких общественных беспорядков с учетом временного измерения существенно различаются.

Плебсологическое содержание массовых беспорядков эпоху феодализма, как и внутренняя их особенность, отличается тем, что оно в основном лишено разумной основы и конечной цели. Хаотичность действий сопротивления крепостных крестьянских масс, простого народа за свое освобождение от крепостного права не могла привести к решению сущности проблемы. С другой стороны, на территории Украины в начале XIX в. получило начало и ширилось дворянское оппозиционное движение, которое направлено против самодержавия и крепостничества. Как ни странно, но участники движения стремились достичь успеха без участия народа, возлагали надежду на армию, то есть были сторонниками военного переворота. Междувластие, сложившееся после смерти Александра I, вызвало 14 (26) декабря 1825 г. в Петербурге преждевременное, неудачное выступление руховцев-декабристов. После раскрытия и расследования данного «преступного деяния» к высшей мере наказания (повешение) были осуждены: П.И. Пестель, К.Ф. Рылев, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин, П. Каховский, а 121 человек сосланы в Сибирь [3, С. 491]. Впоследствии историки назвали участников упомянутых событий декабристами – как российскими дворянскими революционерами. С позиции плебсологии это дворянское революционное движение как социальный процесс даже с его неудачными последствиями бесспорно имел определенное положительное значение для осмысления критической ситуации, сложившейся в Российской империи, и представителями власти, и представителями народа. Впрочем, в случае, если бы переворот произошел, то это привело бы к существенным изменениям в существующей общественно-политической системе государства. Ради объективности заметим, что для революционеров-преемников борьба декабристов за отмену крепостничества и свержения самодержавия – убедительный урок избегания ошибок в их деятельности.

Неорганизованность крестьянского повстанческого движения эпохи феодализма в Украине хотя и яв-

ляется типичным его чертой, однако имеет исключения. Кстати, это касается и некоторых других государств. На сознание крепостных крестьян в борьбе за их освобождение влиял факт наличия различных категорий свободных людей, например, свободных казаков, свободных земледельцев и др. Так, в Украине с 1803 г. по царскому указу существовала социальная группа свободных крестьян, которые на определенных условиях освобождались от крепостной зависимости на основе добровольного соглашения с помещиком.

Плебсологическая полнота характеристики массовых беспорядков эпохи феодализма фактически немыслима без тщательного анализа исторически обусловленного способа производства – добычи материальных благ, необходимых для жизнедеятельности социума (средств производства и предметов потребления). Для указанного периода не так важна оценка нормативно-правовых актов, санкционированных на государственном уровне крепостничество в колониальной Украине, как обратной, вполне естественной стороны этой проблемы. Плебсологическое как философско-правовое осмысление феодального способа производства материальных благ рационально декларировать в смысле естественного права. Ведь феодальный способ производства был основан на полной собственности феодалов на землю и частичном владении крестьянами-крепостными – основными работниками во всех отраслях хозяйствования. Это означает, что в контексте темы исследования массовые беспорядки эпохи феодализма следует рассматривать как одну из плебсологических форм лишения крестьянина позорного правового положения крепостного.

На протяжении 2005-2012 годов в каждом из регионов Украины, где в период феодализма имели место массовые беспорядки (Винницкая, Закарпатская, Черновицкая, Полтавская, Черкасская, Черновицкая области), нами было опрошено 6000 человек сельского населения (по 1000 человек в области). Из 100 % опрошенных 2% имели высшее образование, 8% – среднее техническое и неполное среднее, 90 % среднее образование. 41% опрошенных имели сведения из рассказов односельчан, а также из литературных источников о массовых беспорядках с участием местного населения во времена феодализма. 35% опрошенных считают,

что основным недостатком в действиях участников массовых беспорядков было то, что они в основном характеризовались неорганизованностью, локальностью и отсутствием конечной стратегической цели.

Выводы. В заключительном выводе проблемы плебсологического как философско-правовой оценки массовых беспорядков эпохи феодализма нужно отметить следующее. Для украинского крестьянина, в том числе и в сегодняшних условиях, свойственные такие закономерности массового поведения:

1) если правильный и справедливый путь простого народа к свободе незаконный, институт законности в государстве – условный, фальсифицированный;

2) сопротивление крестьянства государственной власти в Украине имеет естественно-правовые основы;

3) человеческие массы в Украине в основном ведут борьбу с органами государственной власти на местах неорганизованно, эпизодически в форме толпы (это касается также борьбы крестьян в период феодализма за освобождение от крепостничества на местном «горизонтальном» уровне. Причём, как правило, украинские крестьяне-повстанцы понимали, что причиной их крепостничества является форма правления государством, при которой верховная власть полностью и неограниченно была сосредоточена у одного человека – самодержца. Тем не менее, мятежники по объективным условиям и обстоятельствам не имели реальных шансов объединиться в мощную силу сопротивления самодержавию);

4) без голоса народа власть не понимает желаний народа (в период феодализма крестьянин не имел права выражать свое мнение при решении общественных или государственных дел. По этим причинам украинский народ реализовал свои мысли, высказывания о свободе благодаря массовым беспорядкам и восстаниям. Выступления же простонародья власть жестоко наказывала);

5) надежду на революционные возможности крестьянства Украины в противостоянии с государством не оправдывали себя. Это подтверждается также этнопсихологией украинского народа, что отражалось, например, в пословицах, как коротких обучающих выражениях. Так, с точки зрения плебсологического как философско-правового мировоззре-

ния в поговорке: «Моя хата с краю...» заложен глубокий смысл терпеливого украинского крестьянина;

б) армия – наиболее организованная сила, на которую можно рассчитывать, чтобы свергнуть любой абсолютизм (в историческую эпоху феодализма абсолютизм служил базовым социально-правовым фундаментом системы крепостнических общественных отношений, при которых помещик имел право на лицо – крепостного, его имущество и труд. А это потому, что в соответствии с действующим крепостным правом, социальное положение крестьянина в подавляющем большинстве случаев характеризовалось тяжёлыми условиями жизни).

Безусловно, дальнейшие научные исследования проблемы плебсологические как философско-правовой характеристики массовых беспорядков в период феодализма будут все более приобретать межотраслевое значение. И это, прежде всего, потому, что общество постоянно совершенствуется.

Список использованной литературы:

1. Людина і держава – плебсологічний вимір: матеріали П'ятої (ювілейної) Всеукр. Наук.-практ. Конф. (м. Київ, 26 жовтня 2012 р.) / [відп. за вип. М.І. Скригонюк]: [матеріали доповідей і виступів]. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2013. – Вип. 5. – 478 с.

2. Скригонюк М.І. Плебсологія як філософсько-правове вчення: [монографія]. – К.: Вид. ПАРАПАН, 2008. – 764 с.

3. Глумачний словник української мови: У 3-х т. – Видання 2-ге / [укладачі: В. Яременко, О. Сліпущко]. – К.: Аконіт, 2003. – Т. 1. – 926 с.

4. Українська Радянська Енциклопедія / [голов. ред. М.П. Бажан]. – К.: Головна редакція УРЕ, 1961. – Т. 4.

5. Український Радянський Енциклопедичний Словник: В 3-х т. / [редкол.: А.В. Кудрицький (відп. ред.) та ін.]. – 2-ге вид. – К.: Голов. ред. УРЕ, 1987. – Т. 2. Каліграфія – Португальці.

6. Феноменологія злочину (плебсологічний прaxis): монографія / М.І. Скригонюк, Ю.Г. Семенов, Л.І. Чулінда, Н.А. Вангородська; [за заг. ред. М.І. Скригонюка]. – К., 2011. – Ч. 1. – 335 с.

7. Философский энциклопедический словарь / [гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов]. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

КОЛЛИЗИИ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ В СПЕЦИАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ ОБ ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ)

А. РОМАНЮК,
соискатель кафедры гражданского права и процесса (Национальная академия внутренних дел, г. Киев, Украина)

SUMMARY

This article is dedicated to the analyses of current legal and regulatory framework associated with historical and cultural values relations regulation. Were analyzed the existing rules of civil law and the special legislation of Ukraine on the objects of cultural heritage in order to identify collisions. Was proposed a mechanism for resolving of each of the considered collisions types.

Keywords: collisions, culture, cultural property, object of cultural heritage, legislation, legal relationship.

Статья посвящается анализу действующего законодательства и нормативно-правовой базы в сфере регулирования отношений, связанных с оборотом исторических и культурных ценностей. Проанализированы действующие нормы гражданского права и специального законодательства Украины об объектах культурного наследия на предмет выявления коллизий. Предложен механизм разрешения каждого из рассмотренных видов коллизий.

Ключевые слова: коллизии, культура, культурные ценности, объект культурного наследия, законодательство, правоотношения.

Постановка проблемы. В действующем законодательстве об охране культурного наследия сформулирована тенденция четкого разделения объектов культурного наследия на движимые и недвижимые, в связи с чем возникает разница в подходах к режимам их охраны. Необходимо отметить, что наряду со специальным законодательством, которое регулирует вопросы сохранения культурного наследия, в этой сфере действуют также нормы другого законодательства, в частности, которое регулирует отношения собственности. Столкновение двух и более правопорядков, регулирующих вопросы оборота культурных ценностей, ведет к необходимости выбора применимого права и преодоления, таким образом, коллизионной проблемы. Правовое регулирование этой проблемы признается неотложной необходимостью, так как отсутствие в законодательстве Украины прямой коллизионной привязки для определения права, подлежащего применению к культурным ценностям, ведет к трудностям применения его на практике.

Актуальность темы. Проблемы правового регулирования гражданского оборота культурных ценностей и их правового режима входят в комплекс проблем современного украинского гражданского права. Они связаны с недостаточным и порой противоречивым регулированием имущественного оборота в целом. Сфера имущественного оборота регулируется в основном нормами гражданского права с присущей им диспозитивностью. Вместе с тем, особый правовой режим культурных цен-

ностей предполагает и публично-правовое регулирование.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном правовом анализе коллизионных норм, направленном на решение проблемы выбора применимого права при рассмотрении вопросов права собственности на культурные ценности. Исследование правового режима исторических и культурных ценностей определено необходимостью выяснения условий гражданского оборота этих объектов, механизмов реализации и защиты права владе-

ния, разработки рекомендаций для правоприменительной деятельности и устранения коллизий, существующих на данный момент в праве. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) провести анализ действующего законодательства о культурных ценностях, основных групп возникающих в рассматриваемой сфере отношений для понимания перспектив развития института;

2) определить отраслевую принадлежность, как норм права, так и правоотношений, возникающих с культурными ценностями.

Изучение данной проблемы обусловлено недостаточными научно-исследовательскими разработками. В советское время проблематика правового режима культурных ценностей нашла свое отражение в работах Н.Д. Бобоедовой¹, М.М. Богуславского², Л.Н. Галенской³, Л.А. Стешенко⁴ и ряда других авторов. Однако указанные авторы затрагивали лишь международно-правовой и административный аспекты правового режима культурных ценностей. Цивилистическая проблематика правового режима культурных ценностей выступила объектом монографического исследования А.П. Сергеева⁵.

В Украине довольно длительный период проблема охраны историко-культурного наследия освещалась в большей степени только в историческом аспекте (М. Грушевский, А. Жуковский, С. Заремба, Л. Скорик, Л. Тронько, П. Толочко и др.). Особенного внимания заслуживают научные разработки В. Акуленко[1], Каткова Т.Г.[3], Т. Курило[4], научные исследования которых имеют историко-правовой аспект становления и развития законодательства охраны историко-культурного наследия.

Изложение основных положений. После принятия в 2010 году Закона Украины «О культуре» законодательство в данной сфере было выделено в отдельную отрасль, однако дискуссии о том, следует ли строить законодательную систему на основе общего (Гражданский, Земельный, Трудовой, Налоговый, и др. кодексы) или отраслевого законодательства продолжают. В настоящее время возобладали первый подход, а также принцип по-

стоянного внесения дополнений и изменений в уже действующие законы. Поэтому именно общее законодательство (в котором отмечены некоторые особенности, связанные с правовым статусом исторических и культурных ценностей) составляет один из важнейших аспектов регулирования сферы культуры.

Одним из явных недостатков действующего законодательства о культурных ценностях является разобщенность понятийного аппарата, а в наибольшей степени тот факт, что само определение культурных ценностей в одних актах включает в себя материальные и нематериальные блага, движимые и недвижимые объекты, а в иных – рассматриваются только как движимые материальные объекты, что в итоге провоцирует развитие коллизий, как связанных с правоприменительной деятельностью, так и в сфере реализации права. Но эти проблемы преодолимы, хотя нет надежды на моментальное их разрешение.

На наш взгляд, проблема терминологии все так же будет актуальна, пока законодатель не решится на создание рамочного закона, подобного Основам законодательства о культуре, или полной переработке последнего, для внесения ясности в понятийный аппарат и создания предпосылок к формированию новой отрасли права – права культурных ценностей, синтезированной из различных норм, подобно экологическому праву. Это позволит избавиться от такого выявленного явления, как межотраслевая принадлежность большинства норм, регулирующих отношения с культурными ценностями.

Среди наиболее проблемных аспектов оборота исторических и культурных ценностей, обусловленных недостаточным законодательным регулированием, в первую очередь необходимо упомянуть о коллизиях Гражданского кодекса Украины и специального законодательства. Это:

1) ограничения в обороте культурных ценностей, установленные в специальных законах (ЗУ «О вывозе, ввозе и возврате культурных ценностей» от 21.09.1999 г., ЗУ «О музеях и музейном деле» от 29.06.1995 г.), но отсутствующие в Гражданском кодексе Украины. По-

следний не выделяет культурные ценности в качестве вещей, ограниченных в обороте;

2) большое количество императивных норм, регулирующих гражданский оборот культурных ценностей, что противоречит принципам гражданского права, так как указанные ограничения не отнесены к категории вещей, ограниченных в обороте;

3) отсутствие в Гражданском кодексе Украины указания на специальную форму сделки купли-продажи культурных ценностей, в то время как в ст. 33 Закона Украины «О вывозе, ввозе и возврате культурных ценностей» указано: в целях предотвращения незаконного вывоза культурных ценностей и передачи права собственности на них все договора, которые попадают под действие данного закона составляются в письменной форме. Закон Украины «О музеях и музейном деле» также предусматривает письменную форму и даже государственную регистрацию перехода прав на отдельные виды культурных ценностей (музейные предметы и музейные коллекции). Выходит, что по общему правилу, необходимость обязательного письменного оформления и нотариального заверения договоров предусмотрена по отношению к имуществу, которое имеет значительную ценность, но только в строго определенных случаях, когда речь идет о недвижимости, земельных участках, транспортных средствах... А культурные ценности, стоимость которых может значительно превосходить стоимость перечисленных объектов, в этот список не входят.

4) в законодательстве отсутствует порядок отнесения движимых культурных ценностей к особо ценным, в отличие от недвижимых, правовой статус которых установлен Законом Украины «Об охране культурного наследия».

5) отсутствует официальный общепринятый документ, подтверждающий право собственности на культурные ценности физических или юридических лиц (кроме судебного решения). По этой причине, а также по причине отсутствия реестра отягощений, нотариусы не удостоверяют договора купли-продажи предметов культурного наследия. Без этого документа не-

возможно:

- оформить наследство, залог, обмен, доверенность;
- получить разрешение на вывоз за пределы страны;
- оценить предмет культурного наследия.

Нельзя оставить без внимания еще один пробел в законодательстве, который касается экспертизы и оценки культурных ценностей. Закон Украины “Об охране культурного наследия” (ст.19) определяет, что каждый памятник имеет имущественную ценность, которая исчисляется в денежной единице Украины. Памятники подлежат денежной оценке. Нормативы и методика денежной оценки памятников утверждены постановлением Кабинета Министров Украины от 26 сентября 2002 г. № 1447.

Согласно ч. 3 ст. 352 Гражданского кодекса, в случае неотложной необходимости обеспечения условий для сохранения памятника культурного наследия иск о его выкупе может быть предъявлен без предупреждения. Выкупленный памятник культурного наследия переходит в собственность государства. Цена памятника культурного наследия определяется по соглашению сторон, а в случае возникновения спора – по решению суда. В данном случае речь идет об недвижимом объекте культурного наследия и следовательно возможно применить указанную выше методику.

Закон Украины “О музеях и музейном деле” (ст.2) возлагает на музейные заведения обязанность осуществлять все виды оценки предметов, которые могут быть определены как культурные ценности, с целью включения их в музейный фонд Украины.

Совсем иначе обстоит дело с оценкой движимых объектов культурного наследия. В действующем законодательстве упущен вопрос о необходимости денежной оценки всех других “движимых” предметов материально-культурного наследия, которые находясь в частной собственности (за исключением случаев перемещения их через государственную границу).

Беглый анализ действующей нормативной базы показывает, что оценка культурных ценностей должна производиться также в случаях:

- принудительного отчуждения культурных ценностей, как упоминалось выше;

- изъятия культурных ценностей таможенными или правоохранительными органами или конфискации их по решению суда и обращению их в доход государства;

- возникновения имущественных споров о стоимости культурных ценностей;

- определения размеров ущерба, причиненного преступными или неосторожными действиями, и размеров их возмещения;

- нахождения клада, который имеет культурную ценность, и определения размера вознаграждения за него;

- решения суда или по решению уполномоченного органа о необходимости проведения оценки культурных ценностей;

- для определения при оценке недвижимого объекта культурного наследия стоимости произведений монументального искусства и элементов декоративно-прикладного искусства, которые нельзя отделить от памятника без причинения ему вреда;

- обязательного страхования;

- оформления наследства, дарения или обмена и др.

Заявленные к вывозу (временному вывозу) и возвращенные после временного вывоза культурные ценности подлежат обязательной государственной экспертизе. Порядок проведения государственной экспертизы культурных ценностей и размеры платы за нее утверждены постановлением Кабинета Министров Украины от 26 августа 2003 г. № 1343, действующем с изменениями.

Экспертиза – это изучение, проверка, аналитическое исследование, количественная или качественная оценка высококвалифицированным специалистом, учреждением, организацией определенного предмета, требующие специальных знаний в соответствующей сфере общественной деятельности, результаты которых оформляются в виде экспертного заключения. Проведение экспертизы является достаточно сложной процедурой, поскольку процесс идентификации произведений искусства, к сожалению, пока не поддается четко зафиксированному формальному описанию

и зависит от профессионального уровня и профессиональной интуиции эксперта. [2, С. 65].

Правовые отношения в сфере охраны, учета и использования историко-культурного наследия регламентируются как нормативными актами национального законодательства, так и международно-правовыми документами, включая конвенции и рекомендации ООН, ЮНЕСКО, УНИДРУА, Совета Европы, Модельные законы и соглашения в рамках СНГ, многосторонние и двусторонние межгосударственные договоры и межведомственные соглашения.

Частью общей проблемы реализации международных актов в сфере охраны культурного наследия является систематизация обязанностей, которые вытекают из этих актов, и анализ уровня их исполнения. Необходимо при этом отметить, что существует ряд международных документов, к которым Украина на сегодняшний момент не присоединилась и которые не порождают для нее обязательств, а именно: Международная хартия по охране и реставрации недвижимых памятников и знаменательных мест (Венецианская хартия 1964 г.), Международная хартия по охране исторических садов (Флорентийская хартия 1981 г.), Международная хартия по охране исторических городов (Вашингтонская хартия 1987 г.), Международная хартия по охране археологического наследия (Лозаннская хартия 1990 г.), Международная хартия по охране традиционного архитектурного наследия (Стокгольмская хартия 1998 г.), Международная хартия по охране и реставрации архитектурно-градостроительного наследия (Краковская хартия 2000 г.), Рижская хартия по аутентичности и реконструкции исторических объектов в контексте сохранения культурного наследия 2000 г., Будапештская декларация всемирного наследия (2002 г.) [7, с. 93-94]. Хотя существуют основания считать, что присоединение к перечисленным документам способствовало бы улучшению охраны культурного наследия в Украине.

Для повышения качества нормативно-правовых актов нами также предлагается использовать результаты сравнительного метода

элементов правовой системы. Целью использования данного метода является изучение права других государств, в связи с численными международными связями, юридическими соглашениями, а также унификацией права.

Сравнительный метод дает возможность сделать вывод о том, как решаются похожие вопросы в типологически разных или одинаковых правовых системах. К их решению могут применяться разные или одинаковые юридико-технические способы. Результаты их решения могут быть также разные или одинаковые. Это касается, например, составления договоров, способов исполнения обязательств.

Указанный метод является эффективным, если законодательство, судебная практика, обычаи, нормы морали, которые регулируют определенные общественные отношения, анализируются комплексно. Указанное было бы идеальным в случае применения норм иностранного государства. В целом, сравнительный метод способствует глубокому познанию собственного права, благодаря формированию выводов, которые базируются на опыте других правовых систем.[8, 416 с.]

Данный метод широко применяется в законотворческой деятельности государств СНГ. К примеру, в Республике Молдова, государственная политика в сфере охраны культурного наследия базируется на соблюдении международных конвенций и гармонизации национального права с международным. Охрана культурного наследия для Республики Молдова является одним из приоритетов государства. В стране активно идет разработка нового закона об охране памятников археологии и закона об охране движимого культурного наследия. Для эффективности и имплементации норм международного права во внутреннее законодательство правительство РМ предлагает рассматривать как более приемлемый путь - гармонизацию национального законодательства с международным [6, 19 с.].

Выводы. В целом, законодательная база Украины в сфере охраны культурного наследия может быть охарактеризована как достаточно развитая, но наряду с этим существует серьезная проблема на ста-

дии реализации норм действующего законодательства в сфере охраны культурного наследия. Нуждаются в скорейшей доработке нормы, регулирующие отношения, связанные с приобретением культурных ценностей по давности владения, выкупом государством культурных ценностей, заявленных к вывозу за рубеж, страхованием временно вывозимых культурных ценностей, осуществлением принудительного отчуждения бесхозяйственно содержимых культурных ценностей, регистрацией сделок с культурными ценностями.

Список использованной литературы:

1. Акуленко, В.І. Охорона пам'яток культури в Україні (1917–1990) / В.І. Акуленко. – Київ, 1991. – 274 с.
2. Горбик, В.О. З історії охорони та збереження пам'яток в Україні. В.О. Горбик, Г.Г. Денисенко, М.Т. Пархоменко // Пам'ятокознавчі студії в Україні: теорія і практика. – К., 2007. – Розд. 2. – С. 65-92.
3. Каткова, Т.Г. Правова охорона культурної спадщини в Україні / Т.Г. Каткова. – Х.: Право, 2008. – 216 с.
4. Курило Т. Становлення та розвиток законодавства про охорону культурної спадщини України в сучасний період / Т. Курило // Право України. – 2001. – № 6. – С. 108–110.
5. Мартыненко, И.Э. Международная и национальные правовые системы охраны историко-культурного наследия государств-участников СНГ : учеб. пособие / И.Э. Мартыненко. – Москва: Зерцало-М, 2012. – 943с.
6. Мельничук Е.И. Статус всемирного природного и культурного наследия человечества в международном праве: автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук.: спец. 12.00.11/ Е.И. Мельничук. – К., 2006. – 19 с.
7. Юринец Юлия Леонидовна. Международно-правовая охрана культурного наследия в контексте международных обязательств Украины: правоприменение и судебная практика / Ю. Л. Юринец // Вестник хозяйственного судопроизводства. - 2011. - № 4. - с. 93-94.
8. Фединяк Г.С., Фединяк Л.С. Международное частное право // Уч. пособ. 2-е изд., допол. К., Юринком Интер, 2000. - 416 с.

¹Бобоедова, Н.Д. Административно-правовые проблемы охраны и использования памятников истории и культуры [Текст] : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 Теория управления, административное право и процесс, финансовое право, информационное / Н. Д. Бобоедова. - М. : Б. и., 1988. - 25 с.

²Богуславский, М. М. Международная охрана культурных ценностей [Текст] / М. М. Богуславский. - М. : Междунар. отношения, 1979. - 192 с.

³Галенская, Л. Н. Музы и право. Правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры [Текст] / Л. Н. Галенская. - Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. - 223 с.

⁴Штенко, Л. А. О памятниках истории и культуры [Текст] / Л. А. Штенко, В. Д. Тепферов. - М. : Юрид. лит., 1977. - 80 с

⁵Сергеев, А. П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР [Текст] / А. П. Сергеев. - Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. - 192 с.

СПОСОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ РИКОШЕТА ПУЛИ ПУТЕМ СРАВНЕНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ВХОДНЫХ ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ОБРАЗОВАВШИХСЯ ПРИ ВЫСТРЕЛЕ ИЗ 9-ММ ПИСТОЛЕТА МАКАРОВА

А. ГУСЕНЦОВ,

старший преподаватель кафедры криминалистики УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

SUMMARY

Based on the results of a comprehensive study conducted by the author of the laboratory experiment scientifically sound way to determine whether there is a ricochet bullet by comparing the characteristics of input gunshot injuries, formed when fired from a 9-mm Makarov pistol with estimated values of the experimental gunshot injuries, resulting from ricochet.

Keywords: fire damage, bullet ricochet.

На основании комплексного исследования результатов проведенного лабораторного эксперимента автором разработан научно обоснованный способ определения признаков рикошета пули путем сравнения характеристик входных огнестрельных повреждений, образовавшихся при выстреле из 9-мм пистолета Макарова, с расчетными значениями экспериментальных огнестрельных повреждений, образовавшихся в результате рикошета.

Ключевые слова: огнестрельное повреждение, пуля, рикошет.

Постановка проблемы. К настоящему времени судебно-медицинская наука и практика достигли значительных успехов в изучении морфологии огнестрельной травмы, однако особенности огнестрельных повреждений, образовавшихся в результате рикошета пули, и закономерности их возникновения, практически не изучены. Изменение первоначальной траектории и скорости полета пули, возникающие после рикошета [5, с. 7], приводит к формированию необычной морфологической картины [1; 9; 10; 12], что существенно осложняют судебно-медицинскую трактовку характера образовавшихся огнестрельных повреждений и решение других специальных вопросов, и в конечном итоге может привести к ошибочной юридической оценке действий стрелявшего.

Цель исследования – разработка научно обоснованного способа определения признаков рикошета пули во входных огнестрельных повреждениях, образовавшихся при выстреле из 9-мм пистолета Макарова путем изучения совокупности их характеристик.

Материал и методы

Для достижения поставленной цели использовались результаты лабораторного эксперимента, проведенного автором в 2007-2012 гг. на базе Государственного экспертно-криминалистического центра МВД Республики Беларусь [3; 7-8]: в общей сложности произведено 350 выстрелов, из которых зачетными, т.е. сопровождавшимися рикошетом от экспериментальной преграды и завершившимися формированием огнестрельного повреждения экспериментальной мишени, признаны 330.

Выстрелы производились по 4 видам экспериментальных преград, наиболее часто встречающихся в объектах окружающего мира (зданиях, сооружениях, транспортных средствах и т.п.): кирпич глиняный обыкновенный марки 100 (далее – «Кирпич»), пенобетон марки D600 класса B2,5 (далее – «Бетон 1»), бетон марки M350 класса B25 (далее – «Бетон 2»), сталь марки Ст45 (далее – «Металл»). Объектами попадания пули после рикошета являлись как небиологические мишени (фрагменты бязи размерами 50x50 см, широко используемой для пошива предметов одежды; далее – «Мишень»), так и биологические мишени (кожно-мышечные лоскуты, изъятые с ампутированных нижних конечностей человека; далее – «Лоскут»). Использование в качестве мишеней указанных объектов, их параметры соответствуют мето-

дикам, применяемым в судебно-медицинской науке [2, с. 7-8; 5; 10].

В ходе проведения эксперимента установлено, что при выстрелах по «Бетону 1» рикошет пули возникает только при значении угла встречи пули с преградой 10° , а при его больших значениях происходит разрушение повреждение преграды. Указанная особенность обусловила отсутствие достаточного количества данных для определения влияния данного вида преграды на характеристики огнестрельных повреждений.

Образовавшиеся входные пулевые огнестрельные повреждения экспериментальных мишеней были подвергнуты комплексному судебно-медицинскому исследованию [4], результаты которого обработаны с применением математико-статистических методов, позволивших выявить статистически значимое отличие средних значений параметров входных пулевых огнестрельных повреждений в зависимости от значений угла встречи пули с преградой (10° , 20° , 30° , 40° , 50°); для указанных значений угла встречи пули с преградой установлены 95% доверительные интервалы количественных параметров огнестрельных повреждений в зависимости от вида преграды и объекта попадания пули после рикошета; для увеличе-

ния статистической значимости полученных результатов установлены 99% доверительные интервалы для совокупностей значений угла встречи пули с преградой (10-20° и 30-50°).

Результаты и обсуждение

В ходе проведения визуального исследования входные пулевые огнестрельные повреждения были условно разделены на 2 группы: при наличии одного повреждения либо нескольких, равных или при-

близительно равных по размерам они были названы «Основными повреждениями» (ОП); при наличии нескольких повреждений, из которых одно гораздо больше других по размерам, оно было названо «Основным повреждением», а остальные, гораздо меньшие по размерам – «Дополнительными повреждениями» (ДП).

В результате применения математико-статистических методов установлены расчетные значения

границ 95% доверительных интервалов для средних значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (1-11).

Таблица 1 – Расчетные значения границ 95% доверительных интервалов для средних значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 10°).

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	95% доверительный интервал		
		Нижняя граница	Верхняя граница	
Количество ОП	1	1	1	
Длина ОП (см)	1,016	0,940	1,091	
Ширина ОП (см)	0,67	0,63	0,71	
Количество ДП	0,07	0,05	0,20	
Площадь ДП (см ²)	2,34	2,34	2,34	
Длина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,70	0,53	0,86	
Ширина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,42	0,29	0,56	
Длина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,72	0,53	0,92	
Ширина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,47	0,34	0,60	
Длина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,68	0,52	0,85	
Ширина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,45	0,30	0,59	
Количество частиц свинца на поверхности объекта попадания пули (дм ²)	2,16	1,73	2,59	
	«Бетон 2»	1,21	0,67	1,75
	«Кирпич»	2,98	1,86	4,09
	«Металл»	2,42	1,44	3,40

Таблица 2 – Расчетные значения границ 95% доверительных интервалов для средних значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 20°).

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	95% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Количество ОП	1	1	1

Продолжение таблицы 2

Длина ОП (см)	1,178	1,088	1,268
Ширина ОП (см)	0,68	0,62	0,74
Количество ДП	0,89	0,22	1,56
Площадь ДП (см ²)	439,20	224,21	654,19
Длина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,75	0,57	0,92
Ширина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,51	0,33	0,69
Длина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,94	0,79	1,09
Ширина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,69	0,55	0,83
Длина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,67	0,51	0,83
Ширина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,47	0,33	0,61

Количество частиц свинца на поверхности объекта попадания пули (дм ²)	2,47	1,86	3,08
«Бетон 2»	1,60	0,89	2,30
«Кирпич»	3,10	1,85	4,35
«Металл»	2,71	1,49	3,94

Таблица 3 – Расчетные значения границ 95% доверительных интервалов для средних значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 30°).

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	95% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Количество ОП	1,04	0,963	1,111
Длина ОП (см)	1,217	1,105	1,328
Ширина ОП (см)	0,78	0,72	0,84
Количество ДП	1,44	0,53	2,36
Площадь ДП (см ²)	319,11	102,57	535,64
Длина участка обтирания вокруг ОП (см)	1,19	1,00	1,38
Ширина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,73	0,59	0,87
Длина участка отложения меди вокруг ОП (см)	1,32	1,18	1,45
Ширина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,92	0,79	1,04
Длина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	1,15	0,94	1,36
Ширина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,70	0,55	0,85
Количество частиц свинца на поверхности объекта попадания пули (дм ²)	10,34	5,90	14,77
«Бетон 2»	5,98	1,72	10,24
«Кирпич»	7,24	4,56	9,92
«Металл»	17,79	5,30	30,28

Таблица 4 – Расчетные значения границ 95% доверительных интервалов для средних значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 40°).

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	95% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Количество ОП	1,19	0,920	1,451
Длина ОП (см)	1,637	1,430	1,844
Ширина ОП (см)	0,86	0,78	0,95
Количество ДП	3,46	2,41	4,52
Площадь ДП (см ²)	258,78	150,82	366,74
Длина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,99	0,73	1,26
Ширина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,69	0,47	0,91
Длина участка отложения меди вокруг ОП (см)	1,54	1,37	1,70
Ширина участка отложения меди вокруг ОП (см)	1,07	0,92	1,22
Длина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	1,52	1,28	1,76
Ширина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,94	0,77	1,11
Количество частиц свинца на поверхности объекта попадания пули (дм ²)	9,35	6,59	12,10
«Бетон 2»	6,19	3,66	8,71
«Кирпич»	4,47	2,35	6,59
«Металл»	17,38	10,90	23,86

Таблица 5 – Расчетные значения границ 95% доверительных интервалов для средних значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 50°)

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	95% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Количество ОП	1,28	1,084	1,472
Длина ОП (см)	1,446	1,265	1,627
Ширина ОП (см)	0,76	0,61	0,91
Количество ДП	2,33	1,75	2,91
Площадь ДП (см ²)	168,46	100,53	236,38
Длина участка обтирания вокруг ОП (см)	1,16	0,93	1,38
Ширина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,76	0,59	0,93
Длина участка отложения меди вокруг ОП (см)	1,32	1,16	1,48
Ширина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,80	0,67	0,93
Длина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	1,64	1,42	1,86
Ширина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	1,09	0,89	1,30
Количество частиц свинца на поверхности объекта попадания пули (дм ²)	9,27	6,66	11,88
«Бетон 2»	9,43	6,44	12,43
«Кирпич»	6,87	3,03	10,71
«Металл»	11,51	4,86	18,15

Для увеличения статистической значимости полученных результатов значения угла встречи пули с преградой были сгруппированы в два диапазона (10-20° и 30-50°), после чего вновь произведен расчет описательных статистик для каждой из групп (табл. 6-7).

Таблица 6 – Расчетные значения границ 99% доверительных интервалов для количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 10-20°).

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	99% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Количество ОП	1	1	1
Длина ОП (см)	1,07	1,02	1,13
Ширина ОП (см)	0,68	0,64	0,71
Количество ДП	0,37	0,11	0,62
Площадь ДП (см ²)	366,39	118,51	614,27
Длина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,72	0,60	0,83
Ширина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,46	0,36	0,57
Длина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,81	0,68	0,94
Ширина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,56	0,46	0,66
Длина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,68	0,56	0,79
Ширина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,46	0,36	0,55
Количество частиц свинца на поверхности объекта попадания пули (дм ²)	2,29	1,94	2,65
«Бетон 2»	1,40	0,98	1,83
«Кирпич»	3,04	2,24	3,84
«Металл»	2,57	1,82	3,31

Таблица 7 – Расчетные значения границ 99% доверительных интервалов для количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 30-50°).

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	99% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Количество ОП	1,18	1,07	1,29
Длина ОП (см)	1,43	1,33	1,54
Ширина ОП (см)	0,80	0,73	0,87
Количество ДП	2,41	1,92	2,89
Площадь ДП (см ²)	222,16	164,82	279,50
Длина участка обтирания вокруг ОП (см)	1,13	1,01	1,26
Ширина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,74	0,64	0,83
Длина участка отложения меди вокруг ОП (см)	1,38	1,28	1,47
Ширина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,90	0,82	0,98
Длина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	1,46	1,33	1,59

Продолжение таблицы 7

Ширина участка отложения свинца вокруг ОП	0,93	0,82	1,04
Количество частиц свинца на поверхности объекта попадания пули (дм ²)	9,65	7,75	11,56
«Бетон 2»	7,20	5,35	9,05
«Кирпич»	6,19	4,56	7,83
«Металл»	15,56	10,66	20,46

В результате проверки значимости различий значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) по уровням фактора угол встречи пули с преградой (непараметрический тест Крускала-Уоллиса) с учетом объекта попадания пули установлено, что параметры количественных характеристик основных и дополнительных повреждений находятся в зависимости от вида экспериментальной мишени.

Принимая во внимание вышеизложенное, проведен анализ соответствующих значений параметров для двух уровней фактора угла встречи пули с преградой отдельно для каждого вида экспериментальной мишени (табл. 8-11).

Таблица 8 – Расчетные значения границ 99% доверительных интервалов для средних значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 10-20°, вид экспериментальной мишени – «Мишень»).

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	99% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Количество ОП	1,00	1	1
Длина ОП (см)	1,09	1,04	1,14
Ширина ОП (см)	0,70	0,67	0,73
Количество ДП	0,39	0,10	0,68
Площадь ДП (см ²)	439,20	224,21	654,19
Длина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,72	0,60	0,83
Ширина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,47	0,36	0,58
Длина участка отложения меди вокруг ОП (см)	1,00	0,88	1,13
Ширина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,69	0,59	0,79
Длина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,62	0,52	0,72
Ширина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,41	0,32	0,49
Количество частиц свинца на поверхности объекта попадания пули (дм ²)	2,29	1,94	2,65
Бетон 2	1,40	0,98	1,83
«Кирпич»	3,04	2,24	3,84
«Металл»	2,57	1,82	3,31

Таблица 9 – Расчетные значения границ 99% доверительных интервалов для средних значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 30-50°, вид экспериментальной мишени – «Мишень»)

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	99% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Количество ОП	1,19	1,06	1,31
Длина ОП (см)	1,46	1,35	1,57
Ширина ОП (см)	0,83	0,75	0,90
Количество ДП	2,53	2,00	3,06
Площадь ДП (см ²)	235,22	175,21	295,24
Длина участка обтирания вокруг ОП (см)	1,12	0,98	1,26
Ширина участка обтирания вокруг ОП (см)	0,70	0,60	0,81
Длина участка отложения меди вокруг ОП (см)	1,40	1,31	1,49
Ширина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,94	0,86	1,02
Длина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	1,39	1,26	1,53
Ширина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	0,86	0,75	0,96
Количество частиц свинца на поверхности объекта попадания пули (дм ²)	9,65	7,75	11,56
Бетон 2	7,20	5,35	9,05
«Кирпич»	6,19	4,56	7,83
«Металл»	15,56	10,66	20,46

Таблица 10 – Расчетные значения границ 99% доверительных интервалов для средних значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 10-20°, вид экспериментальной мишени – «Лоскут»).

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	99% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Количество ДП	0,25	0,00	0,77
Длина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,22	0,11	0,33
Ширина участка отложения меди вокруг ОП (см)	0,17	0,09	0,25
Длина участка отложения свинца вокруг ОП (см)	1,19	0,50	1,87

Таблица 11 – Расчетные значения границ 99% доверительных интервалов для средних значений количественных параметров основных и дополнительных повреждений (ОП и ДП) (угол встречи пули с преградой равен 30-50°, объект попадания пули «Лоскут»).

Параметры огнестрельных повреждений	Среднее	99% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Количество ДП	1,28	0,62	1,93

Продолжение таблицы 11

Длина участка отложения меди вокруг ОП	1,40	1,31	1,49
Ширина участка отложения меди вокруг ОП	0,66	0,37	0,95
Длина участка отложения свинца вокруг ОП	2,03	1,58	2,49

Таким образом, производя сравнение результатов исследования искомым огнестрельным повреждениям (которые, предположительно, образовались в результате рикошета) со средними значениями параметров экспериментальных повреждений, заведомо образовавшихся в результате рикошета (табл. 1-11), устанавливается наличие либо отсутствие признаков рикошета пули в изучаемых огнестрельных повреждениях, которые отличаются в зависимости от значений угла встречи пули с преградой, видов экспериментальных преград и мишеней.

Выводы

1. В результате лабораторного эксперимента и последующего комплексного судебно-медицинского исследования биологических экспериментальных мишеней выявлено статистически значимое отличие средних значений параметров входных пулевых огнестрельных повреждений в зависимости от значений угла встречи пули с преградой (10° , 20° , 30° , 40° , 50°).

2. Для каждого из указанных значений угла встречи пули с преградой установлены 95% доверительных интервалов количественных параметров огнестрельных повреждений в зависимости от вида преграды и объекта попадания пули после рикошета.

3. Для увеличения статистической значимости полученных результатов установлены 99% доверительных интервалов для совокупностей значений угла встречи пули с преградой ($10-20^{\circ}$ и $30-50^{\circ}$).

Список использованной литературы:

1. Бедрин, Л.М. Об особенностях повреждений при обычных и некоторых своеобразных поражениях пуль винтовки: автореф. дис. ...канд. мед. наук: 14.00.24, /Л. М. Бедрин; Воронеж. гос. мед. инст. – Воронеж, 1951. – 21 с.

2. Гаджиева, Д.Б. Особенности следов близкого выстрела из некоторых современных образцов огнестрельного оружия (экспериментальное исследование) : автореф. дис. ...канд. мед. наук : 14.00.24 / Д.Б. Гаджиева ; Гос. бюджет. образоват. учреждение доп. проф. образования «Рос. мед. акад. последипломного образования» М-ва здравоохранения Рос. Федерации. – М., 2007. – 25 с.

3. Гусенцов, А.О. Особенности экспериментального моделирования рикошета огнестрельного снаряда / А.О. Гусенцов, Э.В. Туманов, В.А. Чучко // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. – Минск. – 2012. – № 1. – С. 166–169.

4. Гусенцов, А.О. Эволюция дополнительных методов исследования огнестрельных повреждений в судебно-медицинской науке и практике / А.О. Гусенцов // Мед. журн. – Минск, 2012. – № 3. – С. 41–42.

5. Обысов, А.С. Надежность биологических тканей : монография / А.С. Обысов. – М.: Медицина, 1971. – 104 с.

6. Погребной, А.А. Пособие криминалиста: Установление обстоятельств происшествия по следам рикошета на преградах и пулях: учеб. пособие для вузов. / А.А. Погребной – М., «Приор-издат», 2004. – 112 с.

7. Установка для моделирования рикошета огнестрельного снаряда в экспериментальных условиях: пат. 14359 Респ. Беларусь, МПК7 F 42В 35/00, F 41J 1/00/ А.О. Гусенцов, В.А. Чучко, Г.В. Мережко; заявитель Белорус. гос. мед. ун-т. – № а 20081371; заявл. 30.10.2008; опублик. 30.04.2011 // Афіцыйны бюл. / Дзярж. камітэт па навуцы і тэхналогіях Рэспублікі Беларусь, Нац. цэнтр інтэлектуал. уласнасці. – 2011. – № 2. – С. 119.

8. Чучко, В.А. Методика моделирования рикошета в экспериментальных условиях / В.А. Чучко, А.О. Гусенцов // Мед. журнал –

Минск, 2009 – № 1 (27). – С. 108-110.

9. Gonzales, T.A. Wounds by Firearms in Civil Life / T.A. Gonzales // American Journal of Surgery. – 1934. – Vol. 26, - No. 1. – P. 43-52.

10. Cecchetto, G. Estimation of the firing distance through micro-CT analysis of gunshot wounds / G. Cecchetto [et al.] // International Journal of Legal Medicine. – 2011. – Vol. 125. – I. 2. – P. 245–251.

11. Leistler, M.J. Tötungsdelikte durch Schusswaffen aus dem Sektionsgut der Rechtsmedizin Münster 1993 - 1999 Dissertation / M.J. Leistler. – München. – 2006. – 93 p.

12. Rao, D. Firearm injuries / D. Rao // [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.forensicpathologyonline.com/index.php?option=com_content&view=article&id=62&Itemid=88. Дата доступа: 18.01.2012.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В. ЗВЕРХОВСКАЯ,
соискатель кафедры гражданского права НУ «ОЮА»

SUMMARY

The article deals with the peculiarities of transferring the rights on cultural values under civil law contracts. The author studies specific legislation in the field of cultural values and made appropriate conclusions about the need of its improvement.

Key words: cultural values, contract, guard obligation.

В статье рассмотрены вопросы особенностей перехода прав на культурные ценности на основании гражданско-правовых договоров. В результате проведенного исследования специального законодательства в сфере охраны культурных ценностей автором сделаны выводы о необходимости его усовершенствования и внесены конкретные предложения.

Ключевые слова: культурные ценности, договор, охранное обязательство.

Постановка проблемы. Культурные ценности Украины являются неотъемлемой частью мирового культурного наследия. Отношения по их сохранению регулируются Конституцией Украины, Законом Украины «Об охране культурного наследия» [1], другими нормативно-правовыми актами. Сохранение и приумножение культурных ценностей относятся к приоритетным направлениям политики государства в сфере культуры. Согласно ратифицированных Верховной Радой Украины международных конвенций, охрана культурных ценностей является международно-правовым обязательством нашего государства перед мировым сообществом.

В связи с этим требует дальнейшего усовершенствования система учета, использования, консервации, реставрации, музеефикации объектов культурного наследия, контроля за выполнением владельцами, уполномоченными ими органами, пользователями обязательств по содержанию памятников в надлежащем состоянии [2, с.1-2.]. Результативность мер, направленных на обеспечение сохранности, защиты и рационального использования культурных ценностей, зависит от решения комплекса вопросов. Среди них важное значение имеет предотвращение незаконного отчуждения культурных ценностей на основании гражданско-правовых договоров.

Изложение основного материала. Обязательственные правоотношения оформляют переход культурных ценностей как объектов гражданских правоотношений от одного лица к другому. Обязательства - это такие гражданские правоотношения, в силу которых одно лицо (кредитор) имеет право требовать от другого лица (должника) совершения определенных действий или воздержания от совершения определенных действий, а должник обязан это требование выполнить [3, с. 405-406]. Для целей данного исследования необходимо рассмотреть две группы обязательств: обязательства по передаче культурных ценностей в собственность и обязательства по передаче культурных ценностей в пользование.

Группа обязательств по передаче культурных ценностей в собственность включает договоры купли-продажи, мены, дарения и др. Договор купли-продажи в аспекте рассматриваемой проблематики имеет свои особенности, а именно: при продаже памятника, кроме памятника, который не подлежит приватизации, собственник или уполномоченный им орган обязаны в письменной форме уведомить об этом соответствующий орган охраны культурного наследия с указанием цены и других условий продажи (ч. 1 ст. 20 ЗУ «Об охране культурного наследия»). Кроме того в соответствии с ч.2 ст. 20 ЗУ «Об охране культурного наследия» центральный орган исполнительной власти в сфере охраны культурного наследия имеет право приоритетной покупки памятника национального значения.

Актуальность темы исследования. Следует отметить, что на сегодня в цивилистической литературе отсутствуют специальные исследования культурных ценностей в качестве объектов гражданских прав в соответствии с законодательством Украины и, в частности, объектов обязательственных правоотношений.

Состояние исследования. Отдельные виды культурных ценностей и их характеристика были предметом исследования таких авторов, как А. Сергеев, В. Горбачев, В. Тищенко, С. Долгов и др. Однако проблемы гражданского оборота культурных ценностей в трудах указанных ученых не были предметом отдельного исследования и рассматривались наряду с другими вопросами, в частности, о переме-

щении культурных ценностей через таможенную границу.

Цель и задачи исследования. Целью работы является комплексное изучение теоретических и практических проблем гражданско-правового оборота культурных ценностей по законодательству Украины, а также формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования культурных ценностей и рекомендаций по устранению проблем в правоприменительной практике.

Для достижения указанной цели в работе рассмотрены культурные ценности как объект обязательственных отношений, выявлена специфика договорных обязательств относительно культурных ценностей, освещены тенденции развития законодательства в этой сфере.

Орган охраны культурного наследия Совета министров Автономной Республики Крым, органы охраны культурного наследия областных, Киевской и Севастопольской городских, районных государственных администраций и органы охраны культурного наследия местного самоуправления имеют право приоритетного приобретения памятника местного значения. В случае отказа от осуществления этого права или неосуществления его в течение месяца со дня получения уведомления собственник или уполномоченный им орган имеет право на продажу памятника. Право преимущественной покупки памятника не применяется, когда покупателем памятника, находящегося в частной собственности, являются дети, супруг и родители или, при их отсутствии, братья и сестры, а также дед и бабушка как со стороны отца, так и с стороны матери, и племянники и племянницы продавца.

Правила о привилегированной покупке в первую очередь рассчитаны на случаи, когда продавцами достопримечательности выступают физические лица. Однако, как известно, лишь незначительная часть памятников, принадлежащих физическим лицам, состоит на учете. Итак, практическая ценность указанной нормы закона о привилегированной покупке в случае ее распространения только на зарегистрированные объекты сводится к минимуму. Поэтому в законодательстве, а именно в ст. 20 ЗУ «Об охране культурного наследия», следует закрепить норму, согласно которой правовой режим купли-продажи памятника распространяется на любой вновь обнаруженный объект, имеющий культурную ценность.

Кроме указанной проблемы, трудности на практике возникают также в связи с реализацией права привилегированной покупки памятника, поскольку в законодательстве не установлен порядок его осуществления. Использование по аналогии закона правил, установленных законом для продажи доли в праве общей собственности, по нашему мнению, не представляется возможным, поскольку указан-

ные правоотношения отличаются по содержанию. Таким образом, в связи с указанной проблемой законодательство в сфере охраны культурных ценностей также подлежит усовершенствованию.

К способам возмездной реализации культурных ценностей также относится договор мены (ст. 715 ГК Украины). Этот договор имеет много общего с договором купли-продажи, поэтому к нему применяются общие положения о купле-продаже (ст. 716 ГК Украины). Разница заключается в том, что при заключении договора мены культурных ценностей государство не пользуется правом преимущественного получения памятника в свою пользу.

Договор дарения культурных ценностей является безвозмездным и имеет очень широкое распространение на практике. По договору дарения одна сторона (даритель) передает или обязуется передать в будущем второй стороне (одаряемому) безвозмездно имущество (дар) в собственность (ч. 1 ст. 717 ГК Украины). Согласно ст. 722 ГК Украины право собственности на дар возникает с момента его принятия. Даритель, передавший вещь предприятию, организации транспорта, связи или другому лицу для вручения ее одаряемому, имеет право отказаться от договора дарения до вручения вещи одаряемому. Если дар направлен одаряемому без его предварительного согласия, дар является принятым, если одаряемый немедленно не заявит об отказе от его принятия. Принятие одаренным документов, удостоверяющих право собственности на вещь, других документов, удостоверяющих принадлежность дарителю предмета договора, или символов вещи (ключей, макетов и т.п.), является принятием дара.

Договор дарения может быть как реальным, так и консенсуальным. Если даритель передает безвозмездно имущество в собственность одаряемому, то договор дарения считается заключенным с момента передачи имущества одаряемому, и договор является реальным. Договор может быть консенсуальным, когда даритель обязуется передать в

будущем одаряемому имущество в собственность.

Сторонами в договоре дарения могут быть физические лица, юридические лица, государство Украина, Автономная Республика Крым, территориальная община. Относительно субъектного состава договора дарения необходимо сделать замечание. Государство действует исключительно в общественных интересах и поэтому принимать подарки в качестве частного лица не может, поэтому государство принимает участие в качестве одаряемого только в договоре пожертвования.

Среди обязательств возмездного характера по передаче культурных ценностей в пользование наиболее часто встречается аренда. В соответствии со ст. 25 Закона Украины «Об охране культурного наследия» предоставление объектов культурного наследия, являющихся памятниками, в пользование юридическим и физическим лицам с научной, культурно-образовательной, туристической и других целей осуществляется с соблюдением установленных Законом Украины «Об охране культурного наследия» требований. Юридические и физические лица, в пользовании которых находятся памятники, отвечают за их сохранность и обязаны соблюдать требования органов охраны культурного наследия. Юридические и физические лица обязаны обеспечить сохранность памятников на землях, которыми они пользуются, и заключать с органами охраны культурного наследия охранные договоры.

Согласно Постановления Кабинета Министров Украины «Об утверждении Порядка заключения охранных договоров на памятники культурного наследия» от 28 декабря 2001 № 1768 [4] охранный договор устанавливает режим использования памятника культурного наследия или его части, в том числе территории, на которой он расположен.

Собственник памятника или его части или уполномоченный им орган (лицо) обязан не позднее чем через один месяц с момента получения достопримечательности или его части в собственность или в пользование заключить охранный

договор с соответствующим органом охраны культурного наследия.

Если памятник относится к категории памятников национального значения, охранный договор подписывается органом охраны культурного наследия, на территории которого находится памятник, после согласования его с центральным органом исполнительной власти в сфере охраны культурного наследия.

На памятник национального значения, относящийся к сфере управления центрального органа исполнительной власти, охранный договор заключается с центральным органом исполнительной власти в сфере охраны культурного наследия.

В охранный договор указываются особенности режима использования памятника, виды и сроки выполнения реставрационных, консервационных, ремонтных работ, работ по благоустройству его территории, других памятникоохраняемых мероприятий, необходимость которых определяется соответствующим органом охраны культурного наследия.

Согласно охранным обязательствам по неподвижным памятникам истории и культуры, утвержденного Приказом Министерства культуры СССР от 13.05.1986 г. [5], пользователь достопримечательностью обязан:

1. применять меры к обеспечению сохранности памятника истории и культуры;

2. проводить реставрацию памятника только при наличии специального разрешения государственного органа охраны памятников и под его контролем;

3. использовать памятник в объеме, который обеспечивает его сохранность;

4. сообщать государственному органу охраны памятников о повреждении или гибели памятника.

Охранные обязательства могут содержать и другие мероприятия по обеспечению сохранности памятников в соответствии с действующим законодательством.

Бесплатное пользование культурными ценностями применяется в сфере социально-культурного

обслуживания населения государственными организациями. Так, физические и юридические лица бесплатно пользуются услугами библиотек и архивов, которые предоставляют материалы значительной исторической или научной ценности. Пользование культурными ценностями, которые хранятся в библиотеках и архивах, регулируется ЗУ «О библиотеках и библиотечном деле» [6] от 27 января 1995 № 32/95-ВР. Также, на основании Указа Президента Украины «О мерах по возвращению религиозным организациям культового имущества» [7] от 4 марта 1992 № 125, культурные ценности бесплатно могут передаваться религиозным организациям.

Выводы. По результатам проведенного исследования договорных оснований перехода прав на культурные ценности нами были предложены конкретные изменения и дополнения к действующему гражданскому законодательству Украины, в частности, о порядке отчуждения культурных ценностей по договору купли-продажи. Также было установлено, что особенностями правового регулирования гражданского оборота культурных ценностей являются: установление обязанности государства, органов местного самоуправления, органов исполнительной власти по соблюдению правового режима обнаружения, сохранения, использования, изучения и популяризации культурных ценностей (ст. 54 Конституции Украины), неотчуждаемый характер отдельных объектов культурного наследия, возможность законодательного ограничения прав субъектов гражданского права с целью обеспечения охраны культурных ценностей, возможность ограничения свободы перемещения культурных ценностей на территории Украины для обеспечения их сохранности; ограниченная гражданско-правовая оборотоспособность культурных ценностей, приоритет сохранения культурных ценностей перед их коммерческим использованием, при смене собственника объекта культурного наследия обязательства по его сохранению следуют за объектом

культурного наследия; приоритет права государства на приобретение культурных ценностей, находящихся в частной собственности, при их отчуждении.

Список использованной литературы:

1. Про охорону культурної спадщини: Закон України від 29.09.2000 р. // Відомості Верховної Ради України – Офіц. вид. – 2000 р. – № 39. – Ст. 333.

2. Про затвердження Загальнодержавної програми збереження та використання об'єктів культурної спадщини на 2004 – 2010 роки: Закон України від 20 квітня 2004 року № 1692-IV // Відомості Верховної Ради України. – Офіційне видання. – 2004 р. – № 32. – Ст. 390.

3. Харитонов Е.О., Саниахметова Н.А. Гражданское право Украины: Учебник / Е.О. Харитонов, Н.А. Саниахметова. – Х.: ООО «Одиссей», 2004.

4. Про затвердження Порядку укладення охоронних договорів на пам'ятки культурної спадщини: Постанова Кабінету Міністрів України від 28 грудня 2001 р. № 1768 // Офіційний вісник України. – Офіційне видання. – 2002 р. – № 1. – С. 77. – Ст. 6. – Код акту 21050/2002.

5. Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры: Приказ Министерства культуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. – 1986. – № 11. – С. 50.

6. Про бібліотеки і бібліотечну справу: закон України від 14.02.1995 1995 р. – Відомості Верховної Ради України. – Офіційне видання. – № 7. – Ст. 45.

7. Про заходи щодо повернення релігійним організаціям культового майна: Указ Президента України від 4 березня 1992 року № 125 // Збірник Указів Президента. – 1992 р. – № 1.

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СЕРВИТУТА, ЭМФИТЕВЗИСА И СУПЕРФИЦИЯ

Е. СЛИПЧЕНКО.,
соискатель кафедры гражданского права НУ «ОЮА»

SUMMARY

The article is devoted to a comparative analysis of the legal regulation of servitutus, emphyteusis and superficies in civil legislation of Ukraine. It has been investigated the features of servitutus, emphyteusis and superficies. The propositions to improve the civil legislation of Ukraine are formulated.

Key words: servitutus; emphyteusis; superficies; the civil law of Ukraine.

Статья посвящена сравнительной характеристике сервитута, эфитевзиса и суперфиция как вещных прав на чужое имущество по гражданскому законодательству Украины. В работе исследованы характерные признаки сервитута, эфитевзиса и суперфиция. На основании проведенного исследования предложены изменения к гражданскому законодательству с целью усовершенствования правового регулирования указанных институтов.

Ключевые слова: сервитут; эфитевзис; суперфиций; гражданское право Украины.

Постановка проблемы. В период существования СССР, в силу административного регулирования земельных отношений, вещные права на земельные участки и, в частности сервитут, суперфиций и эфитевзис, долгое время не были включены в гражданское и земельное законодательство Украины. Только с принятием Гражданского кодекса Украины [1] (далее - ГК Украины) и включением в него системы прав на чужое имущество повысился научный интерес к проблеме использования земли на основании сервитута, суперфиция и эфитевзиса. При этом на сегодня было бы неправильно говорить о достаточной изученности этих институтов по гражданскому праву Украины.

Актуальность темы исследования. Проблемы правового регулирования сервитута, суперфиция и эфитевзиса неоднократно выступали предметом исследования цивилистов, однако в современной юридической науке разграничение этих институтов не проводилось.

Состояние исследования. Исследование сервитута, суперфиция и эфитевзиса имело место в трудах ученых-цивилистов: Д. Азаревича, Г. Белова, Н. Боголепова, Д. Генкина, Р. Гонгало, М. Гончаренко, В. Гутьевой, А. Дзеры, Г. Дормидонтова, О. Иоффе, А. Копылова, Н. Кузнецова, Р. Майданика, В. Мусина, Н. Нерсесова, А. Подопригоры, С. Погребного, Е. Харитоновна, Г. Шершеневича, Л. Щенниковой и других. Однако, существует ряд невыясненных принципиально важных проблем теоретического характера, анализ которых будет способствовать разрешению противоречий в правоприменительной практике, касающихся сервитута, суперфиция и эфитевзиса.

Цель и задачи исследования.

Целью данного исследования является выяснение понятия, содержания и характерных признаков институтов эфитевзиса, сервитута и суперфиция по гражданскому законодательству Украины с точки зрения гражданско-правовой доктрины, принимая во внимание разработки и достижения представителей школы земельного права, а также формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования этих институтов по действующему ГК Украины и рекомендаций по устранению проблем в правоприменительной практике.

Для достижения указанной цели в работе ставится и решается такая задача: определить проблемы совершенствования законодательства Украины относительно оснований возникновения, осуществления и прекращения сервитута, эфитевзиса и суперфиция.

Изложение основного материала. В соответствии со ст. 401 ГК Украины и ч. 1 ст. 98 ЗК Украины, право земельного сервитута - это право собственника (землепользователя) земельного участка на

ограниченное возмездное или безвозмездное пользование чужим земельным участком (участками). Владелец или землепользователь земельного участка вправе требовать установления земельного сервитута для обслуживания своего участка согласно ст.ст. 402-404 ГК Украины и ст. 99, 100 ЗК Украины. Следует заметить, что договор о сервитуте должен быть заключен между собственником или пользователем земельного участка, в пользу которого такой сервитут устанавливается (господствующая земельный участок), и собственником земельного участка, на котором сервитут устанавливается (обслуживающая земельный участок). В ч. 1 ст. 100 ЗК Украины отмечается, что собственник или землепользователь земельного участка вправе требовать установления земельного сервитута для обслуживания своего земельного участка. Из этого предписания следует, что одной из сторон сервитутных правоотношений может быть собственник земельного участка или землепользователь, право которых соответственно удостоверяется государственным актом на право собственности на земельный участок, государственным актом на право постоянного пользования земельным участком или договором аренды земельного участка. Что касается другой стороны сервитутных правоотношений, то ею также могут выступать собственник земельного участка или землепользователь. Сторонами же отношений эфитевзиса и суперфиция могут быть только собственник

земельного участка и эмпитевта или суперфициарий соответственно.

Гражданским законодательством Украины определяются характерные черты и основания возникновения эмпитевзиса. Однако, следует отметить, что в ГК Украины отсутствует определение эмпитевзиса, а сущность его может быть выяснена только из анализа характерных ему признаков, предусмотренных ст. 407 ГК Украины. В частности, согласно ч. 1 ст. 407 ГК Украины право пользования чужим земельным участком (эмпитевзис) устанавливается договором между собственником земельного участка и лицом, изъявившим желание пользоваться этим земельным участком для сельскохозяйственных нужд (далее - землепользователь).

По договору о эмпитевзисе к эмпитевте переходит право пользования земельным участком в полном объеме, а владелец земельного участка, оставляя за собой право распоряжения им, не может препятствовать в осуществлении его прав. То же самое касается и суперфиция. Тогда, как установление земельного сервитута не ведет к лишению собственника земельного участка, относительно которого установлен земельный сервитут, прав владения, пользования и распоряжения им (ч.5 ст. 403 ГК Украины, ч. 3 ст. 98 ЗК Украины).

Сервитут сохраняет действие в случае перехода к другим лицам права собственности на имущество, в отношении которого он установлен. Земельный сервитут устанавливается в пользу земельного участка, а значит, при смене владельцев (пользователей) – господствующего или обслуживающего земельного участка – не требует перезаключения. Указанная черта присуща всем вещным правам на чужое имущество.

Договор сервитута, а также договоры о эмпитевзисе и суперфиции не требуют обязательного нотариального удостоверения, однако вступают в силу после их государственной регистрации в порядке, установленном для государственной регистрации прав на недвижимое имущество [2, с. 22-27, 3, с. 16-23, 4, с. 343-348]. Обязательным

приложением к такому договору должен быть кадастровый план, где четко определены границы земельного участка, предоставленного в сервитут, эмпитевзис или суперфиций [5, с. 77-81].

Согласно ч.1 ст. 402 ГК Украины, а также ч. 1 ст. 100 ЗК Украины, определено, что земельный сервитут может быть установлен договором, законом, завещанием или решением суда. В отличие от сервитута, для эмпитевзиса законом предусматривается лишь одно основание его возникновения - договор между собственником земельного участка и эмпитевтой. Для отношений суперфиция, кроме договора, предусмотрена возможность его установления в завещании в виде завещательного отказа (ч.1 ст. 413 ГК Украины, абз.2 ч.1 ст. 102-1 ЗК Украины).

Сервитут может принадлежать собственнику (владельцу) соседнего земельного участка, а также другому конкретно определенному лицу (личный сервитут). То есть, кроме земельного сервитута, ГК Украины содержит понятие личного сервитута. Такой сервитут устанавливается в пользу конкретного лица, а не в пользу земельного участка. Однако, эмпитевзис и суперфиции устанавливаются в отношении конкретного лица, определенного в качестве стороны в договоре или наследника или отказополучателя в завещании (для суперфиция).

Земельный участок, который передается эмпитевте по договору об установлении эмпитевзиса, должен использоваться исключительно для сельскохозяйственного производства. Кроме того, договор эмпитевзиса должен содержать перечень видов сельскохозяйственного производства, которые разрешается осуществлять эмпитевте. Суперфиций же предусматривает передачу земельного участка в пользование с целью застройки. Что касается сервитута, то в этих отношениях целевое назначение земельного участка не имеет значения.

В то же время, право пользования чужим земельным участком сельскохозяйственного назначения имеет признаки сельских земельных сервитутов. Однако между

ними есть существенные различия. В частности, земельный сервитут - это право пользования частью чужого земельного участка, а право пользования чужим земельным участком сельскохозяйственного назначения (эмпитевзис) - это право пользования всем чужим земельным участком для производства сельскохозяйственной продукции. Так, в Решении Барского районного суда Винницкой области от 14 мая 2010 г. по делу № 2ц-46/2010 г. отмечается, что ООО «Сады Подолье» в соответствии с требованиями ст. 401 ГК Украины и ст. 98 ЗК Украины просило установить земельный сервитут в виде предоставления Обществу права бесплатного прохода людей и проезда специальной сельскохозяйственной техники к яблоням с целью ухода за ними и сбора урожая, круглогодично в течение 49 лет, на земельные участки под многолетними насаждениями, площадью согласно государственных актов, расположенных на территории Терешковского сельсовета, предоставленной на праве собственности гражданам. Вместе с тем суд считает, что указанные требования свидетельствуют не о земельном сервитуте, а о эмпитевзисе, поскольку при передаче ООО «Сады Подолье» в пользование земельного участка для садоводства общество получает в безусловное пользование весь без исключения земельный участок для сельскохозяйственного производства, при котором владельцы земельных участков теряют всякую возможность пользование такой частью земельного участка. Указанные правоотношения должны регулироваться нормами ст.407 ГК Украины и ст.102 -1 ЗК Украины, но данные нормы предусматривают лишь договорный порядок установления эмпитевзиса и не предусматривают судебного порядка его установления. Поэтому по решению суда данные требования не подлежат удовлетворению. Кроме того, они не подлежат удовлетворению и в соответствии с требованиями ст.125 ЗК Украины, которая предусматривает, что приступать к использованию земельного участка до установления его границ в нату-

ре (на местности), получения документа, удостоверяющего право на него, и государственной регистрации запрещается. Как свидетельствует справка исполнительного комитета Терешковского сельского совета № 509 от 12 мая 2010 только два земельных участка граждан выделены в натуре, и среди них не присутствуют участки, принадлежащие истцу и ответчику [6].

Сервитут, в отличие от эфитевзиса и суперфиция, не подлежит отчуждению. Право пользования чужим земельным участком для сельскохозяйственных нужд (эфитевзис) и право пользования чужим земельным участком для застройки (суперфиций) могут отчуждаться или передаваться в порядке наследования, однако право пользования земельным участком государственной или коммунальной собственности не может быть отчуждено ее землепользователем другим лицам (кроме случаев перехода права собственности на здания и сооружения), внесены в уставной капитал, переданы в залог.

Стоимость такого права определяется на основании экспертной оценки, которую осуществляют субъекты хозяйственной деятельности, имеющие соответствующую лицензию на проведение оценочных работ. При этом, только в отношениях эфитевзиса собственник земельного участка пользуется преимущественным правом покупки эфитевзичного права в случае его продажи.

Сервитутное право может иметь как срочный, так и бессрочный характер (личные сервитуты являются пожизненными). Однако, срок пользования земельным участком государственной или коммунальной собственности для сельскохозяйственных нужд или для застройки не может превышать 50 лет (ч. 4 ст. 102-1 ЗК Украины). Общей чертой для всех прав на чужое имущество является то, что договоры об установлении сервитута, эфитевзиса или суперфиция не пролонгируются автоматически с окончанием их срока.

Суперфиций, в отличие от бессрочного договора эфитевзиса, не может быть досрочно расторгнут

по требованию одной из сторон [7, с. 17-21].

Выводы. На основании проведенного исследования, можно сделать вывод, что закрепление сервитута, эфитевзиса и суперфиция в гражданском законодательстве Украины соответствует развитию частно-правовых отношений в сфере использования земли. Однако некоторые положения земельного и гражданского законодательства Украины требуют дополнительного согласования и соответствующих изменений и дополнений. В частности, в нормах ГК и ЗК Украины содержатся повторы нормативного материала о сервитуте, эфитевзисе и суперфиции. Несомненным является факт, что институт вещных прав, в том числе и прав на землю, является институтом гражданского права. Конечно, любой отраслевой кодифицированный акт и, в частности, ЗК Украины, не лишен элементов комплексности [8, с. 28, 33], однако включение в ЗК Украины гражданско-правовых (частно-правовых) по своей природе норм означает, по замечанию Е.А. Суханова, “не просто никоим образом не оправданное дублирование законодательных правил, а и смешивание предметов и принципов регулирования частного и публичного права” [9, с. 215]. Такое смешивание приводит лишь к противоречиям и искусственному усложнению правового регулирования, а на практике к ослаблению государственного контроля за землепользованием. Поэтому, думается, положения главы 16-1 ЗК Украины по эфитевзису и суперфиции должны содержать только отсылочную норму к соответствующим статьям ГК Украины.

Список использованной литературы:

1. Цивільний кодекс України: Закон України від 16.01.2003 р. // Офіційний вісник України. – 2003. – № 11. – Ст. 461. – С. 7.
2. Що таке: сервітут, ефитевзис, суперфіцій // Земельне право України: теорія і практика. – 2008. – № 11. – С. 22-27.
3. Виникнення інституту зе-

мельного серветуту. Законодавче регулювання в Україні // Земельне право України: теорія і практика. – 2009. – № 4. – С. 16–23.

4. Мельник Д.Г. Римське право на українські землі: серветут, ефитевзис, суперфіцій / Д.Г. Мельник // Збірник тез наукових робіт учасників III Міжнародної цивілістичної наукової конференції студентів та аспірантів 4-5 квітня 2008 р. – 2008. – С. 343–348.

5. Харитоновна Т.Є. До визначення співвідношення сервітуту та ефитевзису / Т.Є. Харитоновна // Актуальні проблеми держави та права: Зб.наук.праць. – Вип. 31. – Одеса, 2007. – С. 77–81.

6. Рішення Барського районного суду Вінницької області від 14 травня 2010 р. по справі № 2,,ц,,-46/2010р. [Електрон. ресурс]. – <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/9514450>.

7. Багай Н. Законодавче регулювання суперфіцію та ефитевзису: проблеми співвідношення Цивільного і Земельного кодексів України / Н. Багай // Сучасні проблеми адаптації цивільного законодавства до стандартів Європейського Союзу. – 2006. – С. 17–21.

8. Попондопуло В.Ф. Частное и публичное право как отрасли права / В.Ф. Попондопуло // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 2. – 2002. – С. 28,33.

9. Суханов Е.А. Проблемы правового регулирования отношений публичной собственности и новый Гражданский кодекс // Гражданский кодекс. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский. – М., 1998.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕИЗВЕСТНОГО ПРЕСТУПНИКА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПОРТРЕТОВ

Г. ГЕТЬМАН,

мл. науч. сотрудник лаборатории «Использование современных достижений науки и техники в борьбе с преступностью» Института изучения проблем преступности им. В. В. Сташиса НАПрН Украины

SUMMARY

In the article the opportunities of realization of method of modeling at formation of subjective portraits are considered. New directions of creation a 3D-model of unknown criminal person, based on the method of evolutionary morphing are analyzed. The problems of application of method of modeling of unknown criminal personality at the using of criminalistical technique and information technologies, in particular at formation of subjective portraits (identikit) of such person are marked.

Key words: modeling of unknown criminal personality, subjective portrait, identikit.

В статье рассмотрены возможности реализации метода моделирования при составлении субъективных портретов. Проанализированы новые направления создания 3D-модели лица неизвестного преступника, основывающиеся на методе эволюционного морфинга. Обозначены проблемы применения метода моделирования личности неизвестного преступника при использовании криминалистической техники и информационных технологий, в частности при составлении субъективных портретов (фоторобота) такого лица.

Ключевые слова: моделирование личности неизвестного преступника, субъективный портрет, фоторобот

Актуальность темы. Возникновение новых видов и способов преступной деятельности, формирование, в современных условиях, новых типов преступника обуславливают необходимость разработки и внедрения криминалистических средств, приемов и методов, способствующих раскрытию преступлений, в том числе и установлению личности неизвестного преступника. Одним из эффективных методов, которые применяются для установления личности неизвестного преступника, является моделирование.

Анализ криминалистической литературы позволяет сделать вывод, что исследования в сфере применения метода моделирования, на сегодняшний день, являются актуальными. В то же время это свидетельствует о том, что многие проблемы использования данного метода пока не исследованы, в частности, не в полной мере раскрыты вопросы реализации метода моделирования при использовании криминалистической техники. Поскольку современный преступник для сокрытия следов преступления может использовать современные технологии, следует отметить важность изменений в технико-криминалистическом обеспечении правоохранительных органов, особенно относительно усовершенствования, разработки и внедрения в их практическую деятельность инновационных технологий.

Целью данной статьи является рассмотрение возможности реализации метода моделирования личности неизвестного преступника при составлении субъективных портретов.

Изложение основного материала. Говоря о моделировании личности неизвестного преступника при использовании криминалистической техники, в большинстве случаев речь идет о составлении его субъективных портретов или фоторобота. При этом в большинстве своем внимание ученых сосредоточено именно на правовой регламентации установления личности при использовании субъективных изображений, формировании научных основ словесного и субъективного портретов, методики составления

таких портретов, исследовании и использовании анатомических, функциональных и сопутствующих (косвенных) признаков человека (т.е. формировании системы описания примет внешности человека) и т.д. [15, 8, 7, 9, 11, 10, 12, 13, 14, 5]. Однако нерешенными остаются вопросы реализации метода моделирования личности неизвестного при использовании криминалистической техники, соотношение созданных субъективных портретов и модели, в частности соотношение процесса создания таких портретов и моделирования.

Одним из эффективных направлений применения криминалистической техники в целях моделирования личности неизвестного преступника, как указывалось выше,

является составление субъективного портрета такого лица или его фоторобота. Следует отметить, что в основе построения такого портрета (фоторобота) лежит габитология – учение о внешних признаках человека. Криминалистическая габитология (или габитоскопия), как отрасль криминалистической техники, является достаточно исследованной системой теоретических положений о внешних признаках человека и совокупности методов и научно-технических средств, обеспечивающих сбор, исследование и использование этих признаков для отождествления личности [4, с. 566]. В частности, В. А. Снетков и А. М. Зинин указывают, что «использование в криминалистической практике признаков внешности человека обусловлено их свойствами – индивидуальностью, относительной устойчивостью и рефлексивностью. Индивидуальность внешнего облика человека – это его неповторимость, отличие от всех других людей. Указанное свойство дает возможность идентифицировать, то есть устанавливать тождество конкретного человека по его внешнему облику» [7, с. 3]. Поэтому для создания модели личности неизвестного преступника большое значение имеет построение субъективных портретов. При этом, источниками информации о внешних признаках личности неизвестного преступника (анатомические, антропологические, биологические) могут выступать зафиксированные в памяти потерпевшего, свидетеля или очевидца мысленные образы, которые актуализируются по определенным правилам и должным образом фикс-

сируются, это могут быть и образы, зафиксированные на материальных объектах-носителях (например, фото-, видеоизображения).

Возникновение и развитие такой отрасли криминалистики как габитология неразрывно связано с развитием научных представлений о криминалистике как науке. В период зарождения криминалистики как самостоятельной отрасли знания признание получило и такое направление криминалистики как идентификация личности. Первые представления о научной методике описания лица (словесный портрет) были разработаны Альфонсом Бертильоном. Он считал, что каждый человек отличается от другого размерами тела, а сумма таких размеров дает характерную и индивидуальную формулу для каждого индивида. Именно поэтому данный метод стал называться антропометрическим [21].

Дальнейшее развитие научных представлений об этом методе привело к совершенствованию и созданию различных систем построения субъективных портретов (методы воспроизведения внешности разыскиваемого по показаниям очевидцев или потерпевших). Среди них: 1) синтетические портреты – изготавливаются из фрагментов фотоизображений различных лиц путем их подбора и компоновки под руководством следователя или оперативного работника; 2) рисованные портреты – выполняются художником со слов очевидцев или потерпевших; 3) фоторобот – комплекты фотографических изображений частей лица, которые используются с определенной механизацией; 4) идентификационный комплект рисунков – диапозитивов; 5) компьютерный фоторобот – наиболее современный способ формирования субъективного портрета разыскиваемого лица, представляет собой использование компьютерной программы и средств компьютерной графики с целью построения фотокомпозиционных портретов со слов очевидцев [15, с. 5]. Создаваемые на основе этих систем образы вполне отражают сущность материальной модели, а сам процесс построения субъективного портрета можно назвать моделированием, поскольку, прежде чем получить портрет неизвестного преступника, происходит сбор и анализ информации. На основании такой информации конструируется (создается) материальный образ (модель), который можно увидеть. В дальнейшем он анализируется, что способствует

получению нового знания или его опровержению.

Что касается фоторобота, следует отметить, что особенностью его составления является разработанная и надлежащим образом реализованная на практике методика создания фотороботов неизвестных преступников. Так, В. Ю. Шепитько отмечает, что методика, реализованная в системе ОБРАЗ, была разработана в Институте изучения проблем преступности им. В. В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины и основана на познании общих черт лица свидетелем или пострадавшим на фотоизображении. В системе ОБРАЗ реализована новая методика активизации ассоциативной памяти очевидца при вспоминании им образа увиденного человека и фиксации субъективного образа в виде фотоизображения. Эта система позволяет составлять фотороботы для решения задач розыска с достаточным сходством даже в случаях возникновения негативных факторов. Подобные факторы затрудняют формирование в памяти очевидца четкого субъективного образа увиденного лица, что в дальнейшем приводит к его искажению. К таким факторам следует отнести: плохие условия наблюдения; эмоциональное состояние потерпевшего, которое вызвано нападением или угрозой нападения на него преступником; длительный промежуток времени между наблюдением преступника и составлением фоторобота и т.п.

Информационную основу системы ОБРАЗ составляет база портретов (в фас). Оператор осуществляет в диалоговом режиме управление системой ОБРАЗ в процессе беседы с очевидцем о внешнем облике лица, портрет которого составляется. Очевидец воспринимает определенным образом сформированную графическую информацию, что способствует активизации процесса воспоминания, и указывает на необходимую корректировку фоторобота, который составляется. Управление программой осуществляется с помощью системы Меню, которая обеспечивает гибкую реализацию методики составления фотороботов с учетом специфики конкретного описания [15, с. 64].

Следует отметить, что инновации в сфере совершенствования информационных технологий и вычислительной техники способствовали проведению исследований и разработке новых технологий составления субъективных портретов. Так, А. В. Бусов указывает, что

«программные комплексы нового поколения строятся на основе технологии целостных систем. Суть этой технологии состоит в использовании программ графического морфинга на основе целостного типового лица при создании субъективного облика подозреваемого. К новым программам такого уровня относятся: программы создания трехмерных моделей лица, анимированные (анимационные) программы и модифицированные программы (создание субъективного отображения лица на основе модифицированного алгоритма)» [1, с. 148]. Ученый отмечает, что «в результате таких технических новшеств значительно уменьшается время составления субъективных портретов, что позволяет увеличить психологический контакт специалиста-оператора с очевидцами, расширяя тем самым спектр применения различных психологических приемов при общении с ними» [1, с. 152]. По нашему мнению, внедрение в практику подобных новшеств должно сопровождаться качественными исследованиями в их действенности на практике, эффективности расследования преступлений, в том числе реальности установления лиц, совершивших преступления. При этом спорным представляется момент, который касается установления психологического контакта между оператором и очевидцем при сокращении времени составления субъективного портрета, поскольку временные рамки составления такого портрета неизвестного преступника как раз находятся в прямой зависимости от психологических приемов воздействия на очевидца.

Еще одним достаточно новым направлением в составлении субъективных портретов является создание трехмерной компьютерной модели лица неизвестного преступника [19, с. 235-246; 20, с. 505-517]. Создание 3D-модели лица человека основывается на методе эволюционного морфинга. В этимологическом значении слово «морфинг» происходит от английского morphing – трансформация; технология в компьютерной анимации, визуальный эффект, создающий впечатление плавной трансформации одного объекта в другой [3]. Иными словами, метод эволюционного морфинга основывается на том, что свидетель (группа свидетелей) допускается к работе с уже имеющимися 3D-моделями, образами, производя из них отбор, скрещивание и видоизменение [18, с. 327-332; 17, с. 1-21]. Так, В. И. Протасов описывает технологию ге-

нетического консилиума с использованием эволюционного морфинга лица. При этом ученый указывает, что «свидетели, основываясь на своих воспоминаниях, составляют в первом приближении свои варианты фотороботов и отправляют их на сервер. Сетевая программа предъявляет каждому свидетелю по два варианта фотороботов, полученных на первой итерации его коллегами. Свидетели с помощью специальной процедуры скрещивают эти портреты, получая варианты-потомки. Далее они подвергают мутации лучший из них и выбирают из нескольких мутированных вариантов один, наиболее похожий на оригинал. Эти варианты вновь отправляются на сервер, и цикл итераций повторяется до тех пор, пока в эволюционирующей популяции не окажутся варианты-близнецы, в наибольшей степени похожие на оригинал» [6, с. 83]. Для проверки предложенного метода были проведены исследования. В одном из экспериментов были предварительно измерены художественные способности пяти свидетелей, затем этим лицам на непродолжительное время были предъявлены фотографии в фас и в профиль неизвестного лица. Далее свидетели с использованием генетического консилиума, настроенного на их способности, составляли субъективный портрет. Для этого им потребовалось шесть итераций [6, с. 86]. С нашей точки зрения, в разработке данного метода имеются упущения относительно психологических факторов. Следует отметить, что не каждый человек после совершения в отношении него преступления или после наблюдения преступления сможет самостоятельно, без надлежащей психологической поддержки и воздействия, должным образом воссоздать мысленный образ преступника. Именно поэтому были разработаны определенные психологические приемы воздействия на потерпевшего или очевидца преступления, которым обучены специалисты по составлению субъективных портретов, с учетом особенностей темперамента человека и возможного эмоционального состояния, способностей к фантазированию.

Тем не менее, подобные разработки представляют определенный интерес. Как отмечает А. В. Бусов, «манипуляции с моделью головы производятся в одних программах при помощи регуляторов (ползунков), в других – компьютерной мыши и клавиатуры. Программные средства позволяют демонстрировать модель в различных ракурсах,

выбирая оптимальный поворот или наклон, который запомнился очевидцу. Видоизменения, вносимые в базовую форму лица модели (такие как, например, высота носа, ширина бровей, расстояний между различными частями лица, цвет глаз и т.д.), происходят в реальном времени; по мере изменения любого параметра типового элемента, одновременно изменяется и образ лица на экране, постепенно переходя в подобие реального лица.

При этом поиск в базах данных похожего элемента лица не производится. Изменяются только связанные с типовым элементом внешности параметры модели, и изменения ракурса положения головы на видоизмененные элементы не влияют. В каждой программе по составлению трехмерных субъективных портретов имеется интерактивный редактор, с большим количеством настроек» [1, с. 150].

Выводы. Деятельность по установлению личности неизвестного преступника – сложный процесс. При исследовании проблем моделирования личности неизвестного преступника нами были рассмотрены возможности использования криминалистической техники, в частности использования методики составления субъективных портретов на основе компьютерной техники при составлении фоторобота неизвестного преступника. Также были рассмотрены и проанализированы новые подходы к проблемам составления современных фотороботов неизвестного преступника.

В настоящее время наблюдается тенденция, характеризующая реализацию метода моделирования, который применяется как метод для решения задач расследования преступлений, в частности по созданию модели неизвестного преступника, а также как метод, на котором основываются разработка и совершенствование криминалистической техники для создания таких моделей.

Анализируя возможности реализации метода моделирования при создании субъективных портретов лица неизвестного преступника, следует отметить, что информация криминалистического характера, которую составляют различные фрагменты изображений лица, содержащихся в базах данных, является основой создания модели лица неизвестного преступника. Как известно, «моделирование используется в науке и практике, когда прямое исследование фактов невозможно» [2, с. 4]. Понимая модель как «материально реализованную систему,

которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна заменить его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [16, с. 197], процесс построения фоторобота можно охарактеризовать как моделирование. При этом построение субъективного портрета (фоторобота) заключается в подборе аналоговых фрагментов лица человека и создании материального отображения лица неизвестного преступника, для которых характерно сходство внешних форм и других характеристик, присущих реальному человеку.

Все это свидетельствует о необходимости более глубокого исследования возможности реализации метода моделирования личности неизвестного преступника при использовании криминалистической техники и информационных технологий, в частности при составлении субъективных портретов (фоторобота) неизвестного преступника.

Список использованных источников:

1. Бусов А. В. Перспективы развития технологий по составлению субъективных портретов / А. В. Бусов // Актуальные проблемы совершенствования законодательства, правоприменения и правовых теорий в России и за рубежом : материалы втор. международной науч.-технич. конф., 3 декабря 2009 г. – Челябинск, 2010. – С. 148-152.
2. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений / Игорь Михайлович Лузгин. – М. : Юрид. лит., 1981. – 152 с.
3. Морфинг: материал из Википедии – свободной энцикл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://http://ru.wikipedia.org/wiki>.
4. Настільна книга слідчого / [М. І. Панов, В. Ю. Шепітько, В. О. Коновалова та ін.]. – [3-те вид., перероб. і доп.]. – К. : Ін Юре, 2011. – 736 с.
5. Пичугин С. А. Криминалистическое установление личности с использованием субъективных отображений признаков внешности лица / Сергей Анатольевич Пичугин. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
6. Протасов В. И. Составление субъективного портрета с использованием эволюционного морфинга и квалиметрия метода / В. И. Протасов // Информатика и ее применения. 2010. – Т. 4. – Вып. 1. – С. 83-88.
7. Снетков В. А. Система составления описания внешности человека / В. А. Снетков, А. М. Зинин. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1976. – 24 с.

8. Снетков В. А. Субъективные портреты: изготовление, возможности использования в оперативно-розыскной работе / В. А. Снетков, А. М. Зинин. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1972. – 92 с.

9. Снетков В. А. Частота встречаемости признаков элементов лица / В. А. Снетков, А. М. Зинин, И. Ф. Виниченко. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1972. – 48 с.

10. Терзиев Н. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности / Николай Владимирович Терзиев. – М. : ВЮЗИ, 1961.

11. Терзиев Н. В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности : учеб. пособ. / Николай Владимирович Терзиев. – М., 1956.

12. Топорков А. А. Словесный портрет : практическое пособие / Анатолий Алексеевич Топорков. – М., 1999.

13. Топорков А. А. Словесный портрет. Практикум / Анатолий Алексеевич Топорков. – М. : Юристъ, 2000.

14. Торбин Ю. Г. Словесный портрет. Использование данных словесного портрета в оперативной и розыскной работе / Юрий Григорьевич Торбин. – М., 1980.

15. Шепітько В. Ю. Ідентифікація людини за ознаками зовнішності : науково-практичний посібник / В. Ю. Шепітько. – Х. : ВКФ «Гриф», 2003. – 112 с.

16. Штофф В.А. Моделирование и философия / Виктор Александрович Штофф. – М. – Л., 1966. – 302 с.

17. Frowd C. D. EvoFIT: A Holistic, Evolutionary Facial Identification Technique for Creating Composites / C. D. Frowd, P.J.B. Hancock, D. Carson. Association for Computing Machinery Transactions on Applied Psychology. – 2004. – 1 (1).

18. Hancock P. J. B. Evolving faces from principal components. Behavior Research Methods, Instruments, Computers, – 2000. – 32 (2).

19. Kovera M. B. Identification of computer generated facial composites / M. B. Kovera, S. D. Penrod, C. Pappas, D. L. Thill // Journal of Applied Psychology. – 1997. – 82.

20. Mcquiston-Surrett D. Use of facial composite systems in U.S. law enforcement agencies. / D. Mcquiston-Surrett, L. D. Topp, R. S. Malpass // Psychology, Crime and Law. – 2006. – 12.

21. Swanson Charles R.. Criminal investigation / Charles R. Swanson, Neil Chamelin, Leonard Territo. – 6-th ed. – 2008.

THE PRINCIPLE OF PUBLICITY IN ROMAN CIVIL PROCEDURE

V. KROYTOR,

Professor, Candidate of law, Kharkov national university of internal affairs

SUMMARY

Procedural principles and jura which were created in Ancient Rome (publicity, oral verbal communication, directness, and controversy) have been taken as far as possible by modern legal frameworks.

Publicity of Roman justicement is caused by many factors: the place where it was held – Forum Romanum, where the social life of Rome took place, the time – dies fasta (at summer and winter months when every citizen of Rome could be present at the court trial), examination of the most important cases by several judges (collegiate body of centumvirs, decemvirs and recuperators), public pronouncement of judgments (pronuntiatio) and also promulgation of praetors' claims according to which judges had to determine a case.

Key words: Civil procedure, Court, Formular procedure.

Процессуальные начала и принципы, выработанные в Древнем Риме (публичности, устности, непосредственности, состязательности), были в той или иной мере восприняты современными правовыми системами. Публичность римского судопроизводства обуславливалась многими обстоятельствами: местом его проведения – Римским форумом, на котором проходила общественная жизнь Рима, временем – dies fasti (в летние и зимние месяцы, когда любой гражданин Рима мог присутствовать на судебном заседании), коллегиальным рассмотрением наиболее важных категорий дел (коллегиями центумвиров, децемвиров, рекуператоров), публичным провозглашением судебных решений (pronuntiatio), а также преданием огласке преторских формул, согласно которым было разрешено дело.

Ключевые слова: римский гражданский процесс, суд, формулярный процесс

Introduction. During its development Roman law has created not only institutions and categories of substantive law but also has defined the basic principles of justicement on which modern civil procedure is based.

Assertion that Roman law didn't have knowledge of its division into adjectival law and substantive law has become fact of common knowledge in scientific roman literature but even a superficial survey of Roman law's sources has shown that Roman lawyers paid special attention to questions of procedure as due to formalism strict observance of procedure rules was decisive when of a civil case was tried in a court. For instance incorrect appeal to pretor with the lawsuit, making mistakes in claim drafting resulted in plaintiff's defeat even if justice was on his side. Procedural principles and jura which were created in Ancient Rome (publicity, oral verbal communication, directness, and controversy) have been taken as far as possible by modern legal frameworks. Describing the significance of Roman law O. A. Pidprugora stresses that Romans has managed to achieve such high level of legal culture that it also can be used by humanity nowadays [7, p.3-4].

Methods and used material.

We must say that nowadays in law science there aren't many pieces of work which research exactly the aspects of Roman procedure. So one should recollect only two monographs: «Принципы римского гражданского и уголовного процесса» written by L. N. Zagursky (Л.Н. Загурский) [3] in Russian language and «Римский гражданский процесс» written by O. V. Salogubova (О.В. Салогубова) [9]. Among foreign scientists who research Roman civil procedure can be named E. Metzger («Roman Judges,

Case Law, and Principles of Procedure»)[12], H.F. Jolowicz «Case law in Roman Egypt»[13]. We also should point to primary sources: Gay's institutes, the fourth book of which gives the detailed data on Roman civil procedure [6].

Nowadays there is lack of modern research of Roman civil procedure in Ukraine. According to perspectives of cardinal reforms in procedural legislation in our country appealing to the experience in jurisprudence of Ancient Rome is considered to be current. As Roman civil procedure is the

topic which by its content can be and is the basis of monograph research so in his article we consider appropriate to confine to researching one of the most important principles of Ancient Rome procedure law – publicity.

The aim of the article is to distinguish the basic signs of the principle of publicity in Roman civil procedure that can help to research deeper the meaning of the principle of publicity in civil procedure of Ukraine.

Exposition of basic material. In the first place the conception of publicity for Roman private law is to be defined. Quoting F. N. Millar E. Metzger defines publicity as requirement of procedure to be public even for those who aren't directly interested in its results [12]. This definition of publicity should be taken as working for its researching in Roman private law.

Admittedly the concept «civil procedure» in Ancient Rome should be considered as one of its historic types: Legislating one, Formular one and Extraordinary one. The indicated historical types (or its forms) are certain stages of a thousand-year-development of civil procedure in Ancient Rome. Publicity to a large extent is typical for the first two historical types: Legislating one and Formular one.

As E. Metzger stresses that the principle of publicity guides Formular procedure and earlier Legislating one. According to this requirement the public participating of parties restricts abusing in the procedure. The opposition to publicity isn't privacy but secrecy. E. Metzger admits that the principle of publicity wasn't broken by the fact that some legal suits were tried in private houses. Such trials also could be tried publicly [12].

Once L. N. Zagurckij who was the professor of Harkiv imperial university at the end of his monograph that was dedicated to principles of Roman civil and criminal procedure emphasized that publicity went through all stages of procedure and there weren't any exception to this rule in Roman law: the indictment was proclaimed publicly, witnesses were subpoenaed at the pressure of other persons and even jurors rendered a judgment orally in a whisper [3, p.431].

Legislating procedure (from Latin legis actio – «lawsuit bases on law») appeared in 509 BC and had been lasting till 120 BC that is it began with the foundation of Republic in Rome. But it doesn't mean that Romans hadn't known judicial institutions before that moment. As once L. N. Zagurckij ex-

plained that king conducted a trial on certain days (dies fasti) at the square that is publicly [3, p.431]. The square where the trial was conducted was called forum.

A well-known Forum Romanum which architectural buildings have been kept till nowadays wasn't only the place where civil and criminal cases were tried and also the place for public meetings, orators' speech and settlement of a legal transaction. That is almost all events of legal importance relevant in law events in the life of ancient Romans were held at forum at the presence of people, officials (praetors, quaestor, consuls), witnesses. Forum Romanum was the place of social activities in Rome [2, p.97]. It means nothing but that publicity describes not only civil procedure and also any other social activity on the whole that is inherent to ancient legal conscience.

As E. I. Temnov states ancient people appreciated their civicism, participating in state affairs, they didn't understand those who were lost in their own concerns. The state in an ancient world was made of the life of all citizens and their contribution to it. Ordinary citizens in Athens, Rome felt that the state lived in the life of each of them. And each of them was the «part», «the member», «the authority» of state, its smallest part, its atom (that is from Greek – from Latin individuum – indivisible)[10, p.508].

So publicity of Roman procedure is conditioned by forum – the place where civil investigation was held. Then the word forum that once had meant the place of court trial began to mean court. L. N. Zagurckij directly points to the fact that Roman competent court is called forum [3, p.323]. For instance, forum rei – the court defined by the place of civil defendant's residence, forum domicilii – the court defined by the place of person's dwelling, forum delicti commissi – the court defined by the place where the infraction was committed and et cetera. The original meaning of the word forum is open place, square [1, p.136].

«Court» as the meaning of this word has been preserved in some modern languages. That is for instance this word among other its meanings has such definitions: from Italian foro – court; from Spanish foro – court, tribunal; from German Forum – jurisdiction; from English forum – court [2, p.98].

Publicity of Roman procedure also was conditioned by the time when

lawsuits could be brought. As it was earlier said lawsuit had to be brought on certain days – dies fasti, that were only 40 ones per year. Trials were held at summer and winter months. Praetor couldn't make civil defendant attend court at the stage in jus (D. 2.12.1.) during harvest time and vintage. That is in Ancient Rome lawsuits could be tried for terms if every member of society was able to appear at the forum and see and listen to praetor.

As L. N. Zagurckij admits one of the factors that guaranteed good faith in relation to parties was precisely oral verbal communication and publicity of the procedure [3, p. 326]. It wasn't allowed to render a judgment by default in Legislating and Formular procedures. If the judgment was rendered by default such judgment was considered to be invalid (sentential nullius esse momenti). In Roman law there wasn't a trial by default, the person was given a one-year term to appear in case when the person violated that rule. If the person didn't appear, the crime was unpunished but the court didn't dare to render a judgment by default, without proof without defense [3, p.326]. We should admit that modern civil procedure of Ukraine allows to render the judgment by default that distorts this Roman rule.

We also should say that warrant to appear (in jus vocatio) had to be made publicly at the presence of witnesses (antestatio) whom plaintiff turned to saying such words: «memento quod tu mihi in illa causa testis eris» – «Remember that you will be the witness in this case! ». The number of witnesses has the exceptional meaning for the trial. A famous Roman rule should be mentioned: «Testis unus – testis nullus» – «One witness isn't a witness». There had to be at least two witnesses, the maximum was defined differently by different laws. According to July's law about bribe (de repetundis) there had to be 120 witnesses. Witnesses testified publicly, they were cross questioned [3, p.363-364].

The implementation of publicity of Roman civil procedure also was examination of cases by several judges. During the stage of Republic there was a collegiate body of decemvirs for procedures of disincarceration that consisted of 10 trial jurors. Vindication cases, inheritance cases, landowning cases, special status cases were tried by a collegiate body of centumvirs which consisted of 105 jurors (5 persons from 35 tribes). That is a collegiate body consisted of rep-

representatives from all administrative-territorial units of Roman state at that time. In order to expedite trial pretor as an exception could appoint collegiate body consisted of 3 or 5 persons from recuperators that had to render a judgment in certain time. It happened at procedures concerning disincarceration, compensation for damage under the provisions of international treaties, extortion and bribe and also among foreigners [10, p. 44].

In Roman procedure the judgment was called *sententia*, it was public. The *sententia* made by a judge was pronounced (this action had the name *pronuntiatio*) publicly and it became *res iudicata* (a determined case) that is a law for parties concerning which one couldn't initiate any new question, it became right for parties. The judge couldn't insert amendments to a text of a pronounced publicly judgment because his power expired when the judgment was made and pronounced [3, p.404]. That is public pronouncement of a judgment was to some extent a guarantee for parties so that any other action wouldn't be commenced with regard to their determined case. There was even a statement: «*res iudicata pro veritate habetur*» – «Judgment is considered to be truth». It is the public pronouncement (*pronuntiatio*) that enacted a judgment in the way that made it irrevocable.

Formular procedure had been lasting from 120 BC till III AD. The essence of Formular procedure was that praetor made a written claim which contained directions to the jury concerning how to determine a case. Similar cases repeated and a claim which was made once was used as a model in other cases. In order to save labor the model of a claim was written on a special wooden board (*album*) which stood at forum for general acquaintance [4, p.283]. Soon praetors' practice made constant claims for most cases which were brought to society with the helping of edicts in the form of law blanks.

So the historical type of Formular procedure has the features of publicity due to issuing of constant claims and edicts by praetors according to which judges had to determine cases.

With the beginning of Extraordinary procedure the principle publicity lost its meaningfulness as well as quite a lot of other basic principles. As a well-known legal scholar I. O. Pokrovsky says changes in the forms of justicement and the change of Formular procedure to Extraordinary one

meant a fundamental change of quite a lot of fundamental principles [8, p.155]. Judicial system and justicement of the Republic period significantly differs from judicial system and justicement of the Emperor period. Plaintiff's lawsuit was registered in judicial acts. Warrant to appear was made by government officials. Civil defendants were informed about plaintiff's lawsuit officially. The trial was held at the establishment «in a secret» with the limited access to courts. All stages of procedure were processed in written form [11, p.14].

It is the last form of Roman civil procedure has become a certain prototype of modern model of justicement. We may come to the conclusion that the requirement of Roman principle of publicity of civil procedure which was one of the basic principles of Legislating and Formular procedures isn't presented completely in modern civil procedure.

Conclusions. Summarizing the research of the principle of publicity in Roman civil procedure we should say that publicity of Roman justicement is caused by many factors: the place where it was held – Forum Romanum, where the social life of Rome took place, the time – *dies fasta* (at summer and winter months when every citizen of Rome could be present at the court trial), examination of the most important cases by several judges (collegiate body of *centumvirs*, *decemvirs* and recuperators), public pronouncement of judgments (*pronuntiatio*) and also promulgation of praetors' claims according to which judges had to determine a case.

Nowadays during performance of a great number of reforms in judicial system and procedural laws it is high time to pay the attention of the legislator to the expression of principle of publicity in Roman classical law to avoid mistakes at law-making.

Literature:

1. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения / М. Бартошек. – М. : Юрид. лит., 1989. – 448 с.
2. Биография слов синонимического ряда со значением «собрание, объединение, союз»: Лексикограф. пособие по интернационал. лексике / [под ред. Лапиной М. С.]. – Х. : Изд-во НУА, 2006. – 124 с.
3. Загурский Л. Н. Принципы римского гражданского и уголовного процесса : [монография]. / Л. Н. Загурский. – Х. : Университетская типография, 1874. – 431 с.
4. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима / С. А. Муромцев ; [отв. ред. А. Д. Рудоквас]. – М. : Статут, 2003. – 684 с.
5. Назаренко В. Поняття, сутність та тенденції розвитку юридичного процесу і юридичної процесуальної форми від Стародавнього Риму до сучасності / В. Назаренко // Підприємство, господарство і право. – 2010. – № 5. – С.7 – 11.
6. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М. : Зерцало, 1997. – 608 с.
7. Підпригора О. А. Основи римського приватного права / Підпригора О. А. – К., 1997. – 336 с.
8. Покровский И. А. История римского права / И. А. Покровский – Мн.: Харвест, 2002. – 528 с.
9. Салогубова Е. В. Римский гражданский процесс. / Е. В. Салогубова. – 2-е изд. – М. : Городец-издат, 2002. – 157 с.
10. Темнов Е. И. Звучащая юриспруденция : монография / Е. И. Темнов. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 560 с.
11. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская книга Эпарха. – Рязань: Александрия, 2006. – 592 с.
12. Metzger Ernest. Roman Judges, Case Law, and Principles of Procedure [Электронный ресурс] / Ernest Metzger // Law and History Review. – 2004. – Vol.22. – №.2. – Режим доступа : <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url=http://www.historycooperative.org/journals/lhr/22.2/metzger.html&text=jolowicz+%26quot;case+law+in+roman+egypt+%26quot;>
13. Jolowicz H. F. Case law in Roman Egypt [Электронный ресурс] / H. F. Jolowicz // Journal of the Society of Public Teachers of Law. – 1937. – №14. – P.1-16. – Режим доступа : <http://uscivile.com/materials/reprints/jo-1.pdf>

PREMISE ISTORICE PRIVIND INCRIMINAREA REȚINERII SAU ARESTĂRII ILEGALE

Valeriu CUȘNIR,
prof. univ., dr. hab.
Anatol DOGA, doctorand

SUMMARY

The study object of the following scientific article is the analysis of the historic evolution of the apprehension crime or the illegal arrest incriminated within the Penal Code of the Republic of Moldova. Using the historic method of research there have been highlighted the premises serving as the foundation for incriminating the act of our subject. It has been ascertained that the punishing of the apprehension or of the illegal arrest is tightly linked to the protection and insurance of the fundamental rights and freedom of a person in the context when the representatives of the law use the means of coercion: apprehension and arrest.

Keywords: Criminal code of the Republic of Moldova, means of coercion, historic evolution of the illegal detention or the illegal arrest, fundamental rights and freedom of a person.

* * *

Obiectul de studiu al acestui articol științific îl constituie analiza evoluției istorice a infracțiunii de reținere sau arestare ilegală, incriminată la art. 308 Cod penal al Republicii Moldova. Utilizând metoda istorică de cercetare au fost evidențiate premise ce au stat la baza incriminării faptei menționate. S-a constatat că pedepsirea reținerii sau arestării ilegale este strâns legată de protejarea și asigurarea drepturilor și libertăților fundamentale ale persoanei în contextul punerii în aplicare de către reprezentanții organelor de drept a măsurilor de constrângere: reținerea și arestarea.

Cuvinte-cheie: Cod penal al Republicii Moldova, măsuri de constrângere, evoluția istorică a infracțiunii de reținere sau arestare ilegală, drepturi și libertăți fundamentale ale persoanei.

Introducere. Protecția legalității în domeniul justiției este în mod indispensabil condiționată de asigurarea realizării scopurilor procesului penal. Unul dintre aceste scopuri este ca persoana care a săvârșit o infracțiune să fie pedepsită potrivit vinovăției sale. Întru realizarea acestui scop, legiuitorul oferă organelor de drept posibilitatea de a aplica anumite măsuri de constrângere în privința acestor persoane, măsuri ce presupun o limitare a drepturilor și intereselor lor legale. Totodată, pentru a asigura ca nici o persoană nevinovată să nu fie trasă la răspunderea penală, legiuitorul prescrie anumite limite legale de aplicare a măsurilor de constrângere. Aceste limite sunt strict determinate de legea procesual-penală, iar pentru a preveni depășirea lor, legiuitorul a recurs la mecanismul de protecție juridico-penală, care presupune incriminarea faptelor prin care s-ar încerca aplicarea abuzivă a măsurilor de constrângere.

Istoria apariției instituțiilor cu caracter juridic urmează a fi analizată în strictă corelație cu gradul de evoluție a comunității umane la diferite etape de dezvoltare. Cu referință la normele penale, incriminarea lor a fost în mod direct influențată de necesitatea pe care a resimțit-o societatea de a conserva și de a proteja anumite valori sociale.

În esență, infracțiunea de reținere sau arestare ilegală este o faptă care, pe lângă relațiile sociale referitoare la înfăptuirea justiției, atentează la libertatea fizică a persoanei. Prin urmare, evoluția normelor incriminatorii destinate protecției libertății fizice trebuie să fie analizată prin luarea în considerație a momentului la care drepturile fundamentale au fost recunoscute în calitate de valori sociale supuse protecției penale.

Conținutul de bază. Ideea că ființa umană posedă, prin natura sa, anumite drepturi, s-a ivit în mintea omenească încă în timpurile străvechi și a fost re-

dată apoi în cuvinte strălucite, grație filozofiei stoice și jurisprudenței, în toate epocile următoare, uneori inspirându-se din dogmele religiei creștine, alteleori numai din lumina rațiunii [1, p. 6].

Sistemele de gândire stoice naturaliste, grecești și romane din Antichitate stau la originea concepției drepturilor omului.

Omul, potrivit tezei avansate de sofisti, este stăpînul destinului său și nu se afla la discreția zeilor. Platon, care susține teza naturii universale proprii oamenilor, și Aristotel, care afirma că „numai prin lege devine cineva sclav ori liber, prin natura lor oamenii nu se deosebesc întru nimic”, au avut o contribuție importantă la apariția concepției unui ansamblu de reguli, identificând primul punct al ideii de drept natural [2].

Primul act scris care a recunoscut libertatea ca drept subiectiv al persoanei a fost *Magna Charta Liberatum*. La 12 iunie 1215, Regele Ioan fără de Țară a semnat acest act – unul dintre primele

documente în care erau stipulate expres importante drepturi și libertăți, obligându-se să le respecte. Prin Chartă, semnatarii au convenit că acordă oamenilor liberi ai regatului toate drepturile și libertățile consacrate în Chartă [3, p. 51].

Dante Alighieri (1265-1321), unul dintre cei mai cunoscuți gânditori, filozofi și literați ai vremii sale, în tratatul său de biologie afirma că „libertatea este facultatea ce o are individul de a se purta potrivit firii sale, sub înfrurirea împrejurărilor care purced din structura creierului său și din așezarea actuală a reziduurilor formate mai înainte, potrivit firii sale, sub înfrurirea condițiilor exterioare” [4]. Ideea care se desprinde din această aserțiune și care, de fapt, a fost perpetuată în gândirea juridică este că există o legătură organică între libertatea interioară și libertatea exterioară a individului.

Ulterior, raționaliștii, în secolele XVII și XVIII, pun bazele științifice ale doctrinei drepturilor individuale ale omului, accentuând teoria dreptului natural, definind libertatea ca un drept ce nu poate fi supus unei ordini divine.

Georg Willhelm Friedrich Hegel arăta: „Atunci cînd se susține că «libertatea în genere este să poți acționa așa cum vrei», o atare reprezentare poate fi luată numai ca totală lipsă a culturii gândirii, în care nu se găsește încă nicio urmă a ceea ce este voință liberă în sine și pentru sine, dreptul, moralitatea etc.” [5, p. 193].

Charles Louis de Secondat Montesquieu preciza că „libertatea este dreptul de a face tot ceea ce îngăduie legea și dacă un cetățean ar putea să facă ceva ce ele interzic, el nu ar mai avea

libertate, pentru că și ceilalți ar putea să facă la fel” [4].

De-a lungul istoriei, acest drept și-a găsit consacrare în *Habeas Corpus Act of rights* din 1679, în *Petition of rights* din 1688, în *Declarația franceză a drepturilor omului și cetățeanului* din 1789 [6, p. 283].

Marcind un moment important în gândirea politică și juridică a timpului, Declarația Drepturilor Omului și Cetățeanului, din 1789, a constituit un punct de plecare pentru protejarea și garantarea ulterioară a drepturilor fundamentale în spațiul european. Având ca exemplu Declarația drepturilor de la 1689, din Anglia, și mai ales Declarația de independență a SUA, din 4 iunie 1776, ea a fost percepută ca o declarație universal-valabilă, expresie abstractă a rațiunii eterne, ceea ce i-a asigurat o răspândire foarte largă și durabilă.

Chiar în primul său articol, Declarația drepturilor omului și cetățeanului, adoptată de Adunarea Națională a Franței la 2 octombrie 1789, a consacrat acea formă celebră care avea să fie preluată și comentată în toate documentele ulterioare, referitoare la drepturile omului. Consacrând că oamenii se nasc și rămân liberi și egali în drepturi, Revoluția franceză avea să recunoască tuturor ființelor umane unul dintre cele mai importante drepturi – acela de a se naște și a trăi „în libertate și egalitate”.

În Declarație se stipulează că „libertatea constă în putința de a face tot ceea ce nu vatamă altuia, precizându-se – în acest fel – că practica drepturilor naturale ale omului nu are alte margini decât cele care asigură celorlalți membri ai societății realizarea acelorași drepturi”. Având în vedere importanța precizării acestor limite, în Declarație se consacră obligația de a se determina numai prin lege „marginile libertății”, la confluența libertății unei persoane cu libertatea altei persoane [3, p. 64].

De asemenea, printre garanțiile dreptului la libertate, care au fost consacrate în Declarația din 1789, pot fi menționate:

- Niciun om nu poate fi acuzat, arestat, nici deținut, decât în cazurile stabilite de lege și prin formele prescrise de ea. Cei care solicită, dau, execută sau fac să se execute ordine arbitrare trebuie să fie pedepsiți, dar orice cetățean somat sau arestat în virtutea legii trebuie să se supună imediat; dacă opune rezistență, el se face vinovat.

- Orice om este presupus inocent, pînă în momentul în care a fost declarat vinovat; dacă se consideră indispensabil a-l aresta, orice act de constrîngere, în afara celor necesare pentru reținerea lui, trebuie aspru pedepsite de lege [4].

De asemenea, Declarația din 1789 pentru prima dată a pus bazele controlului social asupra activității organelor autorităților publice, care trebuie să fie dimensionată strict pe ideea respectării principiului legalității. Încă din acele momente tensionate ale Revoluției, luîndu-se în considerație experiența anilor de abuzuri și inegalități, s-a ajuns la concluzia „nevoii controlului social asupra treburilor publice”. În acest sens, în Declarație s-a stipulat ca „societatea are dreptul de a cere socoteală oricărui agent public despre administrația lui” [4].

Preocuparea societății pentru asigurarea drepturilor omului a atins apogeul la etapa contemporană, etapă la care a fost elaborat un instrumentar juridic complex de vocație internațională, în care au fost consacrate mai multe standarde ce au stat la baza elaborării constituțiilor de către statele europene.

În art. 3 al Declarației Universale a Drepturilor Omului din 1948, se stipulează: „Orice ființă umană are dreptul la libertatea și securitatea sa” [7, p. 10].

În același timp, în Pactul internațional cu privire la drepturile și libertățile civile și politice din 1966 citim: „Orice om are dreptul la libertate și la securitatea persoanei sale. Nimeni nu poate fi arestat sau deținut în mod arbitrar. Nimeni nu poate fi privat de libertatea sa, decât din motive legale și în conformitate cu procedura prevăzută de lege” [8, p. 21].

Potrivit art. 5 alin. (1) din Convenția Europeană pentru Apărarea Drepturilor Omului și a Libertăților Fundamentale, „Orice persoană are dreptul la libertate și siguranță. Nimeni nu poate fi lipsit de libertatea sa, cu excepția următoarelor cazuri și potrivit căilor legale:

- a) dacă este deținut legal pe baza condamnării pronunțate de către un tribunal competent;

- b) dacă a făcut obiectul unei arestări sau al unei dețineri legale pentru nesupunerea la o hotărîre pronunțată, conform legii, de către un tribunal ori în vederea garantării executării unei obligații prevăzute de lege;

- c) dacă a fost arestat sau reținut în vederea aducerii sale în fața autorității judiciare competente, atunci cînd există motive verosimile de a bănui că a săvîrșit o infracțiune sau cînd există motive temeinice de a crede în necesitatea de a-l împiedica să săvîrșescă o infracțiune sau să fugă după săvîrșirea acesteia;

- d) dacă este vorba de detenția legală a unui minor, hotărîită pentru educația sa sub supraveghere, sau despre detenția sa legală, în scopul aducerii sale în fața autorității competente;

- e) dacă este vorba despre detenția

legală a unei persoane susceptibile să transmită o boală contagioasă, a unui alienat, a unui alcoolic, a unui toxicoman sau a unui vagabond;

- f) dacă este vorba despre arestarea sau detenția legală a unei persoane pentru a o împiedica să pătrundă în mod ilegal pe teritoriu sau împotriva căreia se află în curs o procedură de expulzare ori de extrădare” [9, p. 139].

În conformitate cu Constituția R. Moldova din 1994, “Libertatea individuală și siguranța persoanei sînt inviolabile” [10].

Aceste imperative legislative au făcut necesară ocrotirea libertății individuale, inclusiv a celei fizice, prin mijloace juridico-penale specificul căroră constă în incriminarea faptelor de pericol, prin săvîrșirea cărora aceasta ar putea fi lezată.

Nu intenționăm să relatăm retrospectiva istorică de incriminare a tuturor infracțiunilor care atentează la libertatea fizică a persoanei, ci doar a celor care vizează privarea ilegală de libertate, săvîrșită de către reprezentanții organelor care înfăptuiesc sau care contribuie la înfăptuirea justiției.

Cu referință la dreptul medieval, pravilele românești prevedeau mai multe categorii de infracțiuni, unele dintre care pot fi atribuite infracțiunilor contra justiției: falsul (vicleșugul); nesupunerea la executarea hotărîrilor; jurămîntul mincinos [11, p. 133].

În Transilvania era incriminată reclamația falsă și nedreaptă în justiție, fapta fiind pedepsită cu o amendă bănească numită *emenda linguae*. De asemenea, era stabilită răspundea penală și pentru pîra nedreaptă în justiție, în următoarele trei cazuri:

1. urmărirea unuia și aceluiași lucru sau a unei acțiuni pe baza a două titluri incompatibile sau în fața a două instanțe;

2. chemarea din nou în judecată a unei părți, deși reclamantul descărcase sau iertase pe pîrît pentru actul respectiv;

3. reluarea fără autorizația cuvenită a unei cauze definitiv judecate [12, p. 447].

În general, din lista infracțiunilor contra libertății, infracțiunea care era pedepsită destul de aspru în epoca feudală o constituie răpirea de fată sau de femeie. Întemeindu-se pe pravilă, domnia a considerat răpirea ca o vină gravă („faptă mare”), a cărei judecată a rezervat-o domnului, pedeapsa putînd fi moartea, dar, ținînd seama de spiritul poporului și de interesul propriu, se îngăduia răscumpărarea vinei prin gloabă, ca din represiune să facă un izvor de venit. Pravilele din sec. al XVII-lea

au generalizat pedeapsa cu moartea, iar averea răpitorului era dată femeii răpite. „Răpitura” era mai gravă când se răpea o fată de boier mare. Aceeași pravilă cerea pentru existența infracțiunii două condiții cumulative: transportarea răpitei dintr-un loc în altul și necinstirea ei prin violență. Când aceasta se făcea cu voia femeii, răpitorul se pedepsea după voia judecătorului [12, p. 471].

Norme incriminatorii evaluate în materia pedepsirii actelor de privare abuzivă de libertate săvârșite de către reprezentanți ai autorităților au fost stabilite în dreptul penal modern.

În C. pen. român din 1864, sistemul incriminator includea patru fapte infracționale, legate de detenția ilegală săvârșită în legătură cu înlăturarea actului de justiție:

1. deținerea și arestarea ilegală – art. 149;
2. tolerarea arestării ilegale – art. 102;
3. internarea ilegală – art. 103;
4. cercetarea abuzivă – art. 150 [13].

În aceeași manieră, C. pen. român din 1936 conținea și mai multe incriminări privind arestarea ilegală:

1. arestarea nelegală – art. 272;
2. executarea ilegală a arestului – art. 273;
3. tolerarea arestării ilegale – art. 257;
4. internarea ilegală – art. 276 [14].

În ceea ce privește sancționarea faptelor de arestare nelegală, C. pen. din 1936 prevedea pedeapsa închisorii corecționale. Pentru fapta de arestare ilegală (art. 272) și de executare ilegală a arestării (art. 273) erau prevăzute, în art. 274, două agravante: 1) cauzarea de vătămare a sănătății sau a integrității corporale și 2) folosirea de violențe și torturi [14].

Un grad înalt de evoluție a normelor destinate incriminării abuzurilor din partea reprezentanților autorității în contextul aplicării reținerii sau arestării ilegale poate fi atestat în dreptul penal modern francez. În C. pen. al lui Napoleon din 1810, erau incriminate două categorii de infracțiuni ce puteau fi săvârșite de către reprezentanții autorităților în legătură cu aplicarea abuzivă a măsurilor de constrângere de privare a libertății.

La art. 114-115 era sancționată fapta de dare a unui ordin sau executarea propriu-zisă a unui ordin care atentează la libertatea persoanei, iar la art. 119 – pentru tolerarea cazurilor de privare ilegală de libertate în casele destinate deținerii persoanelor reținute, precum și în alte locuri. O incriminare distinctă viza pedepsirea faptei de deținere ilegală în

casele de arest fără actele justificatoare. De asemenea, la art. 122 C. pen. francez din 1810 se prevedea răspunderea penală pentru fapta reprezentantului procuraturii, judecătoriei sau a altui funcționar public de privare ilegală de libertate a persoanei în alte locuri decât cele stabilite de organele guvernamentale sau ale administrației publice [15, p. 23].

Cel de al doilea grup al infracțiunilor menționate erau specificate în secțiunea a V-a, intitulată „Arestarea și privarea ilegală de libertate”, din Capitolul „Despre infracțiuni și delictе contra persoanelor”. În înșeși textele incriminatoare, în funcție de timpul în care persoana era deținută ilegal și de metoda de comitere a acțiunii ilicite, era prevăzută răspunderea penală pentru patru fapte. La art. 341 C. pen. francez din 1810 era sancționată cu muncă silnică fapta de reținere, arestare sau o formă de privare de libertate săvârșită fără ordinul stabilit de autorități sau prin încălcarea temeiurilor și condițiilor de aplicare a acestora. În conformitate cu art. 342 al aceluiași Cod, era sancționată cu muncă silnică pe viață aceeași faptă, dacă drept rezultat persoana era privată de libertate pe o perioadă mai mare de 1 lună de zile [15, p. 23].

În acord cu art. 343 C. pen. francez din 1810, pentru fapta prevăzută la art. 341 putea fi aplicată pedeapsa închisorii de la 2 la 5 ani, dacă pînă la expirarea a zece zile din momentul reținerii, în absența urmărilor penale, persoana era repusă în stare de libertate. De asemenea, cu muncă silnică era sancționată fapta de arestare ilegală săvârșită prin amenințarea cu moartea, iar arestarea ilegală însoțită de mutilare corporală era sancționată cu pedeapsa capitală [15, p. 23].

În Basarabia, în rezultatul anexării din 1812, în sfera dreptului penal au fost aplicate legile Imperiului Rus, pînă la Marea Unire din 1918. Plecînd de la aceste realități istorice incontestabile, evoluția legislației penale moldovenești a fost într-o măsură oarecare influențată de legislația rusă, existentă în materia reținerii sau arestării ilegale.

Astfel, în legislația penală a Imperiului Rus, răspunderea penală pentru arestarea și reținerea ilegală a fost stabilită în *Ulojenia o nakazaniiah ugovnîh i ispravitelinîh* din 1845. Sediul incriminator era dislocat într-un Capitol aparte cu denumirea marginală *Despre infracțiuni și delictе săvârșite de către funcționari în contextul anchetării și judecării*. Funcționarii erau pedepsiți penal nu doar pentru reținerea sau arestarea ilegală, ci și pentru încălcarea regimului de detenție sau și a drepturilor deținuților.

De exemplu, art. 478 prevedea răspunderea pentru fapta de neprezentare a documentelor organului ierarhic superior care justificau reținerea persoanei. Erau sancționate penal și faptele de arestare săvârșite fără respectarea temeiurilor justificative și a condițiilor de aplicare; deținerea sub arest în alte locuri decât cele destinate în acest scop; deținerea sub arest cu încălcarea termenelor stabilite. Aceste fapte erau sancționate fie ca infracțiuni de serviciu, fie ca delictе de depășire a atribuțiilor de serviciu. Fiind astfel apreciate, se stabileau și anumite pedepse corespunzătoare: avertismentul, muștrarea, destituirea din funcție etc. Faptele menționate erau pedepsite mai aspru dacă se comiteau din anumite motive josnice, precum ar fi răzbunarea și dușmănia. Astfel, deținerea persoanei în arest cu încălcarea termenului stabilit, săvârșită din motive de dușmănie, se pedepsea cu de an sau cu muncă corecțională în exil [16, p. 125].

O altă tehnică legislativă de incriminare a infracțiunilor contra libertății persoanei, mai ales a celor săvârșite de către persoane împunerite cu asemenea competențe, era stabilită în Codul penal al Rusiei din 1903. Cadrul incriminator era cuprins în Capitolul 26 cu titlul *Despre infracțiuni care atentează la libertatea personală*, care îngloba în sine 15 articole (de la art. 498 la art. 512). În afară de infracțiunile care atentează la libertatea fizică, aici mai erau incriminate asemenea fapte precum constrîngerea și amenințarea (art. 507-510), violarea de domiciliu (art. 511-512) [17, p. 16].

Spre deosebire de *Ulojenia o nakazaniiah ugovnîh i ispravitelinîh* din 1845, în C. pen. al Rusiei din 1903 legiuitorul incrimina două variante normative de privare ilegală de libertate sau de reținere ilegală:

- deținerea ilegală a persoanei pe un termen de pînă la 1 săptămînă – art. 489 alin. (1);

- deținerea ilegală a persoanei pe un termen mai mare de 1 săptămînă – art. 489 alin. (2) [17, p. 16].

Acestor două fapte le corespundeau mai multe circumstanțe agravante, ce erau stabilite la art. 499-500 C. pen. al Rusiei din 1903. Unele dintre acestea se refereau la anumite metode de pericol prin care putea fi realizată activitatea infracțională (de exemplu, se agrava răspunderea penală pentru privațiunea ilegală de libertate săvârșită printr-o metodă periculoasă pentru viața sau comisă prin chinuirea victimei). Alte circumstanțe agravante se refereau la anumite calități speciale ale victimei (de exemplu, privarea de libertate a ma-

mei sau a tatălui ori a altei rude pe linie ascendentă, privarea ilegală de libertate a unui funcționar în legătură cu activitatea de serviciu, a gardianului care asigură garda familiei imperiale etc.).

În baza celorlalte circumstanțe agravante, se înăsprea pedeapsa penală în funcție de locurile în care era săvârșită privațiunea ilegală de libertate (de exemplu, pentru prima dată în calitate de circumstanță agravantă a fost prevăzută privarea ilegală de libertate în spitalele psihiatrice, atunci fapta era comisă cu bună-știință în privința unei persoane care nu suferea de o asemenea boală). Mai era dozată răspunderea penală și pentru deținerea ilegală, contrar voinței, a unei femei într-o speluncă destinată desfrului [17, p. 16].

La categoria infracțiunilor de serviciu care atentau la libertatea persoanei era atribuită privarea de libertate săvârșită prin reținere sau întemnițare ilegală, depășirea termenelor acestora sau aplicarea unei măsuri mai aspre decât cele prevăzute de lege. Fapta era incriminată la art. 650 C. pen. al Rusiei din 1903. Sub aspect subiectiv, fapta se comitea din imprudență, deoarece legiuitorul în textul incriminării cerea ca fapta să fie realizată fie din cauza neștiinței (necompetenței persoanei), fie din cauză incompetenței [17, p. 16].

Se poate concluziona că, în C. pen. al Rusiei din 1903, privațiunea sau reținerea intenționată era pedepsită conform normei generale, chiar și atunci când era săvârșită de către un funcționar care reprezenta autoritatea. Norma specială, însă, devenea aplicabilă, în condițiile art. 650, doar atunci când funcționarul manifesta imprudență sau nechibzuință la comiterea unei asemenea acțiuni.

Referindu-ne la legislația penală autohtonă, putem constata că pe toată durata existenței RSSM, constituită în anul 1940 ca republică unională, reținerea sau arestarea ilegală a fost incriminată ca o formă specială a privațiunii ilegale de libertate. Alta este însă problema locului incriminării acestei fapte în sistemul de norme penale.

Inițial, RSSM nu a avut propria legislație penală, pe teritoriul acesteia aplicându-se Codul penal al RSSU din 1927. Astfel, la art. 103 era stipulată răspunderea penală pentru fapta de reținere ilegală sau aducere ilegală, fapta fiind sancționată cu privare de libertate de până la 6 luni [18, p. 105].

Se poate observa că textul incriminator nu făcea delimitare între reținerea și arestarea ilegală, lucru care, considerăm noi, se datorează faptului că sub aspect procesual, reieșind din gradul de evoluție a normelor de referință, nu se

făcea o distincție netă între reținerea persoanei și arestarea acesteia.

De asemenea, este de menționat că în C. pen. al RSSU din 1927, infracțiunile contra justiției nu erau incriminate aparte, fapt pentru care reținerea sau aducerea ilegală era incriminată în Capitolul III din Partea specială, intitulat *Infracțiuni de serviciu*.

Aplicarea temporară a legislației penale ucrainene pe teritoriul RSSM a durat până la adoptarea și punerea în vigoare a C. pen. din 24.03.1961, în care s-a mers pe calea instituirii unui model distinct de sancționare a arestării, reținerii sau aducerii ilegale, fapta fiind descrisă în art. 192.

Cu denumirea marginală de *Arestare, reținere sau aducere ilegală*, art. 192 C. pen. al RSSM era structurat pe trei alineate. La art. 192 alin. (1) era prevăzută răspunderea penală pentru fapta de *arestare ilegală cu bună-știință*, fiind sancționată fie cu privațiune de libertate până la trei ani, fie cu amendă în mărime de până la cincizeci de salarii minime și destituire din funcție. La alin. (2) al aceluiași articol, era agravată răspunderea penală *același faptă săvârșită din interese de profit sau alte interese personale*, fiind pedepsită cu privațiune de libertate pe un termen de la unu la cinci ani [19].

La art. 192 alin. (3) C. pen. al RSSM, era incriminată fapta de *reținere sau aducere ilegală cu bună-știință*, stipulându-se pedeapsa cu privațiune de libertate până la un an sau cu amendă în mărime de până la treizeci de salarii minime, cu destituirea din funcție [19].

Concluzii. Infracțiunea de reținere sau arestare ilegală este comisă în legătură cu activitatea de îndeplinire a justiției, fapt pentru care necesitatea incriminării acesteia a apărut la momentul instituirii normelor procesuale, destinate reglementării condițiilor de aplicare a măsurilor procesuale de constrângere: reținerea și arestarea. Anume la această etapă legiuitorul a evaluat riscurile încălcării de către reprezentanții autorităților a regulilor procesuale de aplicare a acestor măsuri și împiedicării pe această cale a bunului mers al actului de justiție.

Prin urmare, diversificarea relațiilor sociale în domeniul justiției, prilejuită mai ales de evoluția unor asemenea instituții procesual-penale, precum ar fi cea a reținerii sau arestării ilegale, a determinat sancționarea distinctă în sistemul normativ-penal a faptelor care vizează aplicarea ilegală a acestora.

Referințe bibliografice

1. Del Vecchi, Giorgio. *La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen dans la révo-*

lution française. Ed. Roma: Nagard, 1979.

2. Cordos A., Protecția juridică a dreptului la libertate www.uab.ro/reviste_recunoscute/reviste_drept/annales.

3. Maziliu D. *Drepturile omului (concept, exigențe și realități contemporane)*. București: Ed. Lumina Lex, 2006.

4. *Proiect disertație drept social european „Sistemul european de protecție a drepturilor omului”*. <http://www.rasfoiesc.com/legal/drept/PROIECT-DISERTATIE-DREPT-SOCIA> (accesat la data de 08.08.2013).

5. Hegel. *Principiile filozofiei dreptului*. București, Ed. Academiei Române, 1969.

6. Rusu I. *Drept constituțional și instituții politice*. București: Lumina Lex, 2001, p. 283.

7. *Declarația Universală a Drepturilor Omului* din 10.12.1948, aderat la Declarația prin Hotărârea Parlamentului R. Moldova nr. 217-XII din 28.07.1990. În: *Drepturile omului. Acte legislative internaționale și regionale*. Chișinău: Ed. Epigraf, 2005.

8. *Pactul internațional cu privire la drepturile civile și politice* din 16.12.1966, ratificat prin Hotărârea Parlamentului nr. 217-XII din 28.07.1990. În: *Drepturile omului. Acte legislative internaționale și regionale*. Chișinău: Ed. Epigraf, 2005.

9. *Convenția Europeană pentru Apărarea Drepturilor Omului și a Libertăților Fundamentale* din 04.11.1950, ratificată prin Hotărârea Parlamentului R. Moldova nr. 1298-XIII din 24.07.1997. În: *Drepturile omului. Acte legislative internaționale și regionale*. Chișinău: Ed. Epigraf, 2005.

10. *Constituția Republicii Moldova* din 29 iulie 1994. În: *Monitorul Oficial al R. Moldova*, nr.1 din 12.08.1994.

11. Marcu L. P. *Istoria dreptului românesc*. București: Ed. Lumina Lex, 1997.

12. Gronț Gh., Floca I., Georgescu V., Grigoraș N., Hanga V., Herlea A., Marcu P., Matei I., Mioc D., Sachelarie O., Stoicescu N., Striha P., Șotropa V., Vulcănescu R. *Istoria dreptului românesc*. București: Ed. Academiei, 1980.

13. *Codul penal al României* din 1864. În: *Monitorul Oficial al României* din 30 octombrie 1864.

14. *Codul penal al României* din 1936. În: *Monitorul Oficial al României* din 18 martie 1936.

15. *Французский уголовный кодекс 1810 года. С изменениями и дополнениями по 1 июня 1940 г.* Пер. Н.С. Лапшиной. Под ред. и со вступ. ст. М.М. Исаева. М., 1947.

16. *Преступления против правосудия: (толкование уголовного закона, комментарий статей УК РФ, материалы судебной практики, статистика)*. Под редакцией А.В. Галаховой. Москва: Норма, 2005.â

17. Амосов Алексей Евгеньевич. *Незаконное лишение свободы в уголовном праве России (виды и характеристика)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Владимир, 2008.

18. *Уголовное законодательство СССР и союзных республик*. Москва: Госюриздат, 1957.

19. *Codul penal al Republicii Moldova* din 24.03.1961. În: *Veștile RSSM*, 1961, nr. 10.

Перечень публикаций в журнале «Закон и жизнь» за 2013 год

№ 1

- В. ФЛОРИЯ.** Принуждение лица к изъятию органов или тканей с целью трансплантации
- Б. СОСНА.** Правовое регулирование деятельности нотариусов
- В. КУЗНЕЦОВ.** Формування поняття об'єкта дослідження кримінально-правової охорони громадського порядку та моральності
- И. СЛОВСЬКАЯ.** Особенности избирательного процесса 2012 года в Украине
- Н. ГОЛУБЕВА.** Особенности реализации кредиторских обязанностей в обязательстве
- Т. КРИСАНЬ.** Форми реалізації юридичних гарантій цивільних прав
- О. ЗАКРОПИВНИЙ.** Теоретичні основи територіальної побудови судової системи України
- С. БЕЗПАЛЬКО.** Об'єктивні ознаки підроблення документів, печаток, штампів і бланків, збуту та використання підроблених предметів
- Г. ЖЕЛЕФ.** Поняття, завдання та цілі механізму адміністративно-правового регулювання діяльності холдингових компаній
- Л. ГЕРАСИМЧУК.** Принудительные меры воспитательного характера в системе мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних
- А. ЯКУБОВА.** Общие положения досудебного расследования в соответствии с новым уголовно-процессуальным законодательством Украины
- А. БУЧИК.** Факторы повышения эффективности организационно-правового обеспечения решения налоговых споров
- М. КРУМИНА.** Характеристика жертвы убийства и телесного повреждения, совершенных по неосторожности.
- Д. ЧЕРНИКОВ.** Распорядители бюджетных средств, выделенных на финансирование органов прокуратуры: проблемные вопросы

№ 2

- И. СЛОВСКАЯ.** Формирование национального превентивного механизма в Украине как элемент парламентского контроля за соблюдением прав и свобод человека
- С. ВАВЖЕНЧУК.** Нормативно-правові проблеми захисту та охорони конституційних трудових прав та шляхи їх вирішення
- М. ГЛУЩЕНКО.** Види громадських формувань з охорони громадського порядку в Україні (1917–1990 рр.)
- К. МАТВІЄНКО.** Основні наукові праці професора П.П. Михайленка, присвячені історично-правовим проблемам розвитку міліції України
- Ю. ТКАЧУК.** Особливості конструювання кримінально-правових санкцій у законодавстві зарубіжних країн
- Р. СІРКО.** Правове регулювання договору перевезення вантажу залізничним транспортом
- А. СОЦЬКИЙ.** Правові акти з організації праці: загальна характеристика
- О. ЛОБАН.** Особливості суб'єктного складу зобов'язань відшкодування шкоди, заподіяної життю або здоров'ю військовослужбовців
- Г. ТЕЛЕСНИЦКИЙ.** Использование зарубежного опыта при усовершенствовании уголовной ответственности за пытки в Украине
- А. НЯГУ.** Местное самоуправление и демократия
- В. БЕЛОУСОВА.** Особенности профессиональной подготовки прокуроров в Украине
- А. СЕРГИЕНКО.** Правове забезпечення контролю у сфері зовнішнього державного боргу України – погляд на проблему
- В. УЛЫБИНА.** Преднамеренное банкротство и доведение до банкротства: сравнительный анализ уголовного законодательства Украины и Российской Федерации

№ 3

- Г. КОСТАКИ, Р. СУЛТАНОВ.** Демократия и способы участия граждан в осуществлении государственной власти

- О. БАКЛАН.** Некоторые теоретические вопросы относительно понятия «предпринимательство»
- О. ФІЛОНОВ.** Організаційно-правова регламентація протитерористичної діяльності правоохоронних органів російської імперії
- С. ПАТЮК.** Исторические этапы развития законодательства о целях и задачах уголовного судопроизводства Украины
- С. КЛОЧУРЯК.** Мета і завдання проведення освідування за КПК України
- А. САВЕНКОВ.** О восстановлении чести и достоинства незаконно осужденных лиц
- О. ПАНЧУК.** Окремі питання надання адвокатом правової допомоги свідку
- С. ЗАВАДА.** Основания и содержание отстранения от должности в уголовном процессе Украины
- Т. МАТВЕЕНКО.** Теоретико-правовий аналіз міжнародного законодавства по ядерному страхуванню
- О. ЗАРУБЕНКО.** Співвідношення огляду з іншими процесуальними діями за КПК України
- В. ФЕДОСЕЕВ.** Назначение наказания за незаконную переправку лиц через государственную границу Украины
- Н. ТУРМАН.** Процесуально-правові проблеми реалізації інституту відмови прокурора від обвинувачення на практиці
- С. САВИЦЬКА.** Деякі кримінально-процесуальні гарантії діяльності адвоката

№ 4

- А. НЯГУ, Г. КОСТАКИ.** Право на осуществление местного самоуправления
- В. ЮРЧИШИН.** Проблемы планирования и организации работы прокурора в досудебном производстве в новом УПК Украины.
- А. МОТЛЯХ.** Доказательная сущность результатов инструментальной детекции с позиции нового в содержании Уголовного процессуального кодекса Украины
- В. ЩЕРБАТЮК.** Нормативно-правовое регулирование служебных командировок и их оплаты в Республике Молдова
- П. РАЙЛЯН.** Роль конституционного контроля в реализации принципа разделения и взаимодействия властей в Республике Молдова
- Г. КУРИЛОВ.** Особенности выявления преступлений, связанных с незаконным оборотом товаров в Украине
- Н. ЧЕЧЕЛЬ.** Соціально-демографічна характеристика засудженої особи жіночої статі, яка вчиняє злочини в установах виконання покарань України
- И. ПАСИЧНАЯ.** Согласованность при построении модели налоговых правоотношений
- Ольга СУПРУНОВА.** Участие Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека в уголовном производстве
- И. МАМОНОВ.** Понятие и юридическая природа ценных бумаг по Налоговому кодексу Украины.
- А. ЧЕРНАДЧУК.** К вопросу о концептуальных основах бюджетного законодательства Украины
- А. ХУТОРЯНСКИЙ.** Неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, как форма проявления объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 136 Уголовного кодекса Украины
- В. КОВРИГІНА.** Правові основи управління фінансово-економічними відносинами, ризиками та загрозами

№ 5

- Г. КОСТАКИ, А. НЯГУ.** Прямая (непосредственная) демократия на местном уровне: формы и законодательное обеспечение
- Н. БОЙКО.** Роль полиции в обеспечении права собственности в контексте нового закона «О деятельности полиции и статусе полицейского»
- М. ВИЛЬГУШИНСКИЙ.** Принцип единства государственной власти как основа взаимодействия судебной с другими ветвями власти в Украине

В. ЧЕРНЕЙ. Международный опыт предупреждения легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем
В. КОРОЛЬ. Концептуально-правовые аспекты индустриальной политики ЕС: реализация аналитической и прогностической функций форсайта
Ю. ЧОРНОУС. Особливості використання допомоги міжнародних організацій при розслідуванні злочинів міжнародного характеру
А. НІКОНЧУК. Підпорядкування, субординація та реординація, як складові контролю делегування повноважень
Я. КОРЖЕНІВСЬКИЙ. Особливості адміністративно-правового статусу державної служби фінансового моніторингу України
Л. БЕЗУГЛЫЙ. Состояние и тенденции незаконного воспроизведения и распространения компьютерных программ и баз данных в Украине
А. ЧУЙКОВ. Деякі питання предмету легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом
В. НЕПОЧАТЫХ. Специфика доказывания при рассмотрении трудовых споров в Украине
О. ЛОПУШАНСКАЯ. Языковая политика как составляющая публичной политики украинского государства: административно-правовой аспект
А. ЗАДОРЖНЫЙ. Причины и условия совершения преступлений в сфере служебной деятельности
КАРПОВ Н.С., БАХИН В.П., НУРГАЛИЕВ Б.М., БЫРГЭУ М.М., БУКАЕВ Н.М. Рецензия на монографию кандидата юридических наук, доцента Гучка А.Е. «Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления» Гучок А.Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления / А.Е. Гучок. – Минск: Тесей, 2012. – 228 с.

№ 6

Е. СОБОЛЬ. Административно-правовые гарантии обеспечения адаптированности лиц с инвалидностью к современному развитию общественных отношений в государстве
А. МАНЖУЛА. Роль милиции общественной безопасности по обеспечению общественного порядка
С. ВАВЖЕНЧУК. Пикетирование как составная промышленных акций работников: теоретико-догматический ракурс.....
С. ГЛУЩЕНКО. Функциональные и организационные принципы судебной власти в деятельности высшего специализированного суда
С. ШАПТАЛА. Щодо аналізу правового регулювання економічної безпеки України
С. СІВКОВ. «Взаємодія» і «координація»: масштабність поняття
В. БЛИК. Щодо аналізу правового статусу працівників підрозділів дсбез України
У. РАМАЗАНОВА. Природа принципів утворення та діяльності громадських об'єднань
Н. МОСТОВА. Юрисдикція адміністративних судів щодо вирішення адміністративних справ
М. МАРЧУК. Поняття та особливості нормативно-правового адміністрування телебачення і радіомовлення в Україні
Л. КОЖУРА. Атестація юридичних та фізичних осіб як засіб адміністративно-правового захисту бездомних осіб і безпритульних дітей
В. ШКЕЛЕБЕЙ. Інститут угодаєнь в уголовном судопроизводстве Украины: сравнительный анализ
Л. ЕРМОЛЕНКО-КНЯЗЕВА. Этимология дисциплинарной ответственности
Б. ОНИЩЕНКО. Особенности правового регулирования ответственности должностных лиц

№ 7

Г. КОСТАКИ, Е. БУТУЧЯ. Правотворчество и нормотворчество: сущность и соотношение понятий
Г. ФЕДОРОВ. Действие нормативно-правовых актов во времени
А. СОСНА, О. ЧЕБОТАРЬ. Совершенствование правового регулирования основных ценностей общества и их развития в гражданском образовании
А. ОРЛЕАН. Теоретические основы расширения понятия предмета преступления в уголовном праве Украины

П. МАТВЕЕВ. Историческая ретроспектива возникновения понятия «инновационности» в хозяйственно-правовой доктрине (теоретико-правовой аспект)
Н. ЗАЯЦ. Современное состояние народовластия как форма организационных отношений между властью и обществом
С. ШИМОН. Сущность корпоративных прав: несколько ремарок к научной дискуссии
Р. КІРСЄВ. Негативні наслідки зловживання правом на захист підозрюваним, обвинуваченим
Р. ІВАСИК. Судові експертизи у справах про легалізацію (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом
М. САДЧЕНКО. Практичні проблеми взаємодії міліції з податковими органами при здійсненні державного фінансового контролю
Н. ХУДЯКОВА. Квалифицирующие признаки служебной халатности по уголовному законодательству Украины
А. ВОЕВОДА. Следственные ситуации начального этапа расследования преступлений о нарушении правил вождения или эксплуатации военных машин

№ 8

М. ВИЛЬГУШИНСКИЙ. Особенности взаимодействия судов в Украине с Верховной Радой Украины: нормативно-правовые основы
А. ОРЛЕАН. Уголовно-правовая охрана человека от посягательств, совершенных с применением новых биомедицинских технологий: перспективы развития законодательства
А. МОТЛЯХ. Психодиагностика личности инструментальной детекцией на основе использования существующих «теорий полиграфа»
Н. АХТЫРСКАЯ. К вопросу о методологии уголовного судопроизводства: современное состояние и перспективы.....
М. ДАНЫШИН. Функции криминалистики как самостоятельной современной науки
О. КВАША. Теории соучастия в преступлении в уголовном законе и доктрине
И. ЖАРОВСКАЯ. Экономико-правовая эффективность государственной власти постсоветского общества
В. ЦАРЕНКО. Граница как элемент территориального признака государства
Р. ЛУЦКИЙ. Разграничение права на естественное и позитивное (теоретико-правовой аспект)
Л. ДЕМИДОВА. Имущественный ущерб как преступное последствие: содержательно-юридические проблемы
П. МАТВЕЕВ. Теоретико-правовые основания терминологической составляющей и обоснованности применения термина «инновации» в хозяйственно-правовой доктрине
О. ЗАЕЦ, Н. ВАСИЛЬЕВА. Страхование экологических рисков – способ снижения налоговой нагрузки субъектов хозяйствования
А. СЫЧЕВСКАЯ. Некоторые вопросы систематизации способов защиты прав собственника в Украине и Республике Молдова
А. БОЙКО. Историко-правовые аспекты происхождения и развития института задатка как способа обеспечения исполнения договорных обязательств
И. МАЦЕЛЮХ. Церковный устав и дарственные грамоты галицко-волинских князей как источники церковного права государственного происхождения
Н. КИРИЛЮК. Международные организации и реализация принципа суверенного равенства
В. СТОЯН. Подсудность как условие права на предъявление иска в делах с участием нотариуса
В. ПОСТРИГАНЬ. Принципы гидрометеорологической деятельности
А. ТОРБАС. Анализ роли потерпевшего при освобождении лица от уголовной ответственности согласно УПК Украины
М. ВИНЦИСЛАВСКАЯ. К вопросу о целесообразности введения частных исполнителей в Украине
С. НИЖИНСКИЙ. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный коррупционными действиями
Е. ГУЛАЯ. Гражданско-правовые проблемы исполнения договоров о предоставлении услуг патентных исследований в странах СНГ, ЕС и США

А. СОРОЧЕНКО. Акционерные соглашения в корпоративном праве Украины
А. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ. Особенности правового режима животных в законодательстве зарубежных стран
Е. АНДРЕЕНКО. Право государств на вооруженную самопомощь (историческая ретроспектива)
V. SEMKIV. The peculiarities of the legal regulation of production-sharing agreements

№ 9

Г. КОСТАКИ, А. БОРШЕВСКИЙ. Демократическая гражданственность и Республика Молдова
Б. СОСНА, Л. МИТЮГЛО. Правовое регулирование порядка оформления права на наследство.
Д. БОСЫЙ. О некоторых проблемах увольнения за нарушение трудовой дисциплины по пунктам g), h), i) и j) части (1) ст. 86 ТК РМ.
Н. ПАЦУРИЯ. Потребители страховой услуги как участники страховых правоотношений в сфере хозяйствования
Д. СЕРГЕЕВА, М. ПАСЕКА. Социально-демографические признаки несовершеннолетнего правонарушителя как объекта криминалистического исследования
Л. МАКСИМОВА. Теоретические аспекты структуры уголовного процесса
Е. АЛЕКСЕЙЧУК. Перспективы развития украинской системы гарантирования банковских вкладов с учетом мирового опыта
Ю. ШЕВЧЕНКО. Понятие и содержание деятельности прокурора по обеспечению соблюдения законов о предоставлении и эффективном использовании земель
Д. ТЫМЧИШИН. Использование научно-технических средств при получении образцов для экспертизы у подозреваемого в совершении убийства
И. МЯГКИХ. Системы корпоративного управления (на примере моделей экономически развитых стран)
О. НАЗРУК. Правовая природа деятельности прокурора в уголовном производстве по обеспечению возмещения вреда, причиненного уголовным правонарушением
З. МАКАРОВА. Особенности конституционно-правового статуса главы правительства в Украине и предложения по его усовершенствованию
Л. ВОЯТ. Психологическая характеристика и стрессогенные факторы состава преступления в условиях необходимой обороны
А. БУЧИНСКАЯ. Полномочия исполнительных органов местного самоуправления польши и Украины: сравнительный анализ
М. АРСИРИЙ. Оптимизация кадровой работы в контексте прокурорского надзора за соблюдением законов по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения
К. БЕЛЯЕВА. Общие аспекты тактики использования психологического эксперимента в досудебном расследовании
М. КОСЕНКО. Участие квалификационно-дисциплинарной комиссии адвокатуры в обеспечении адвокатской дисциплины в Украине
Т. КОТЕНКО. Виды основ местного самоуправления как условие его функционирования
Сергей ЖУРИЛО. К вопросу об обеспечении имущественных прав усыновленных детей

№ 10

Б. СОСНА, М. НИСТОР. О некоторых проблемах прекращения индивидуальных трудовых договоров с педагогическими работниками и работниками организаций в области науки и инноваций
А. СОСНА, У. КЕТРУШ. О некоторых проблемах совершенствования порядка исполнения судебных решений и других исполнительных документов
А. ОРЛЕАН. Способы совершения преступлений, связанных с эксплуатацией человека
В. БАБАКИН. Правовое регулирование деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел относительно противодействия молодежной преступности
Е. ОВЧАРЕНКО. Конституционно-правовые аспекты ответственности судей в странах ЕС и СНГ

И. ЖДАНОВА. Уголовно-правовые последствия совершения деяния под воздействием физического или психического принуждения

Л. ХАЛИЛОВА. К вопросу о защите прав женщин и борьбе с насилием и правонарушениями в отношении их
С. МИЛОВИДОВА. Предотвращение и противодействие совершению административных правонарушений как способ обеспечения и защиты прав, свобод и интересов человека
В. ГОЛУБОВСКИЙ. Гуманистический аспект права в демократическом обществе
О. КОЦОВСКАЯ. Административно-правовые средства охраны прав потребителей в законодательстве Украины: виды и общая характеристика
А. МАРТЮК. Уголовно-правовые взгляды декабристов в первой половине XIX ст.
В. ЯРЕМЧУК. Тактика привлечения специалиста к проведению допроса
О. КОЛОДІЙ. Розвиток та правова формалізація модельних правових актів у правовій системі сучасної України
А. ЧЕРВИНЧУК. Особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях в области дорожного движения...
В. ХАХАНОВСКИЙ. Компьютерная информация как особенные фактические данные в уголовном процессе
V. MAZUR. Primarul și consiliul local – Autorități ale administrației publice locale
I. IACUB, E. GAGIU. Dezbaterea Publică În Cadrul Procesului Legislativ
В. СОГОМОНЯН. Публичность власти: определение понятия и типология форм/видов

№ 11

А. СОСНА. О некоторых проблемах применения налоговой ответственности
В. НОВРУЗОВ, Р. СУЛТАНОВ. Общество и власть в процессе демократизации государства
В. ХАХАНОВСКИЙ. Компьютерная информация как особенные фактические данные в уголовном процессе
Н. ПОГОРЕЦКИЙ, И. СУХАЧОВА. Прокурорский надзор за использованием материалов оперативно-розыскной деятельности в ходе досудебного расследования в соответствии с новым УПК Украины
А. ЖИТНЫЙ. Уголовно-правовые аспекты международного сотрудничества в противодействии преступности
Е. РЯБЧИНСКАЯ. Штраф как вид наказания в уголовном законодательстве стран СНГ
Р. МАКСАКОВА. Соотношение форм непосредственной демократии и форм реализации учредительной власти
Д. ЕРМОЛЕНКО. Противодействие правовому нигилизму молодежи
В. БАБАКИН. Теоретические аспекты проблем противодействия молодежной преступности оперативными подразделениями органов внутренних дел
К. КУРСКАЯ. Особенности правового регулирования деятельности экологических прокуратур в Украине
Л. БАБИЧ. Роль и предмет судебного контроля при избрании меры пресечения «залог»
Е. ГАВРИЛЯК. Актуальные вопросы проведения тактических операций при расследовании вымогательств
А. ЛАПКО. Роль морально-психологической подготовленности в обеспечении профессиональной деятельности сотрудниками милиции
И. ГРАБЕЦ. К нарушению установленных законом ограничений по получению подарка (пожертвования)
А. ВАВРЕНЮК. Управление в сфере противодействия преступности требует централизации
М. КОРШИКОВ. Тактические приемы подготовки к проведению опознания личности и вещей
А. СОРВАЧОВ. Перспективы системы охраны промышленных образцов